

ISSN № 0130-7045

В этом номере

В. АЛЕКСЕЕВ, О. БРУШЛИНСКАЯ
**МОЛОДЕЖЬ
СТРАНЫ ГОР**

Е. ФЕДЮНИН,
Герой Социалистического Труда
**РАД
ЗА СВОЕГО
БЛИЖНЕГО**

Р. ПОДОЛЬНЫЙ
**ГЛАВНЫЕ СИЛЫ
ВСЕЛЕННОЙ**

С. ЖИТОМИРСКИЙ
**КОПЕРНИК
АНТИЧНОСТИ**

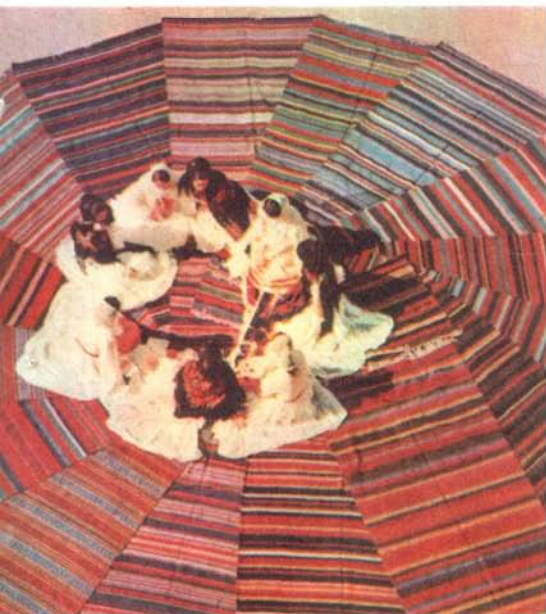
НАУКА И РЕЛИГИЯ

Т. ПУТИНЦЕВА
В ПЕСКАХ АРАВИИ

А. КУЦЕНКОВ
**ДИАЛОГ
ВО ИМЯ МИРА**

И. ГРИГУЛЕВИЧ
**САНДИНИСТСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И ЦЕРКОВЬ**

7 • 1984

Ковры дербентских мастериц — настоящие художественные произведения.

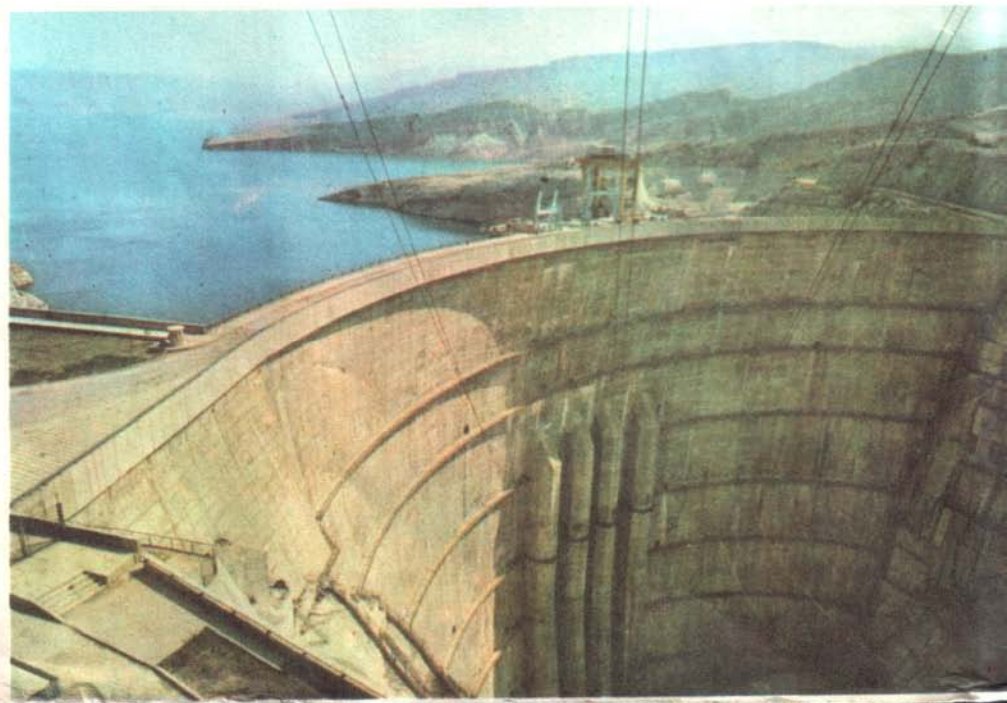
В мастерской народного художника Дагестана Рейбата Гейбатова.

Лучшая работница бригады виноградарей из совхоза имени Алиева комсомолка Шафига Казимова и бригадир Евгений Аббясова.

Памятник воинам-дагестанцам в Махачкале.

Чиркейская ГЭС на горной реке Сулак.

Фото ТАСС.

Наша обложка

«Чтобы узнать, высоко ли ты поднялся, посмотри с горы вниз», — говорят в Дагестане. Так можно сказать и о жизненном пути, пройденном человеком или народом. Для Советского Дагестана этот путь начался в 1921 году, когда он получил автономию в составе Российской Федерации.

Что же мы увидим, если, следуя народной мудрости, обратим взор к его началу, к жизни отсталой национальной окраины? Нищета и безграмотность, болезни и высокая смертность детей, примитивное сельское хозяйство, отсутствие промышленности, изолированность от внешнего мира, постоянная зависимость от стихийных сил природы и от тех, в чьих руках власть и богатства. И постоянный страх за будущее. Мусульманская религия обещала правоверным освобождение от всех тягот после окончания земного пути. А до этого «повинуйтесь... обладателям власти среди вас», предписывал Коран.

Делала ли их религия покорными судьбе? Во всяком случае, далеко не всех — горцы Дагестана с оружием в руках в годы гражданской войны стали на сторону Советской власти, когда поняли: можно добиться лучшей земной судьбы для себя и своих детей.

В сегодняшнем Дагестане 300 крупных промышленных предприятий — их продукция находит спрос в 40 странах. Все совхозы и колхозы (их более 550) обеспечены современной сельскохозяйственной техникой, в них работают 12 тысяч специалистов с высшим образованием, большинство получили его в местных вузах.

Ни одна страна Азии не производит столько электроэнергии на душу населения, сколько Дагестан. Гордость республики — мощная высокогорная Чиркейская ГЭС на реке Сулак с уникальной высотной плотиной. Строили ее представители многих национальностей.

Яркой нитью вплетается в духовную жизнь всей страны искусство Дагестана. Культура горцев в тесном взаимодействии с другими народами становится еще богаче. Большинство населения республики называет русский язык вторым родным — благодаря ему свободно общаются между собой все 30 народностей и этнических групп Дагестана, приобщаются к мировой культуре.

«Мы всегда были горцами, но только сегодня поднялись на вершину горы», — сказал народный поэт Дагестана мудрый Гамзат Цадаса о новой жизни родного края. Многие еще предстоит сделать новым поколениям, молодым, опираясь на прочную базу достигнутого.

О жизни молодежи Дагестана, ее успехах и проблемах рассказывает корреспонденция В. Алексеева и О. Брушлинской.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Издается с сентября 1959 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Ш. АЛИСКЕРОВ,
А. В. БЕЛОВ,
В. И. ГАРАДЖА,
М. М. ДАНИЛОВА,
И. И. ЖЕРНЕВСКАЯ
(ответственный секретарь),
А. С. ИВАНОВ,
Н. А. КОВАЛЬСКИЙ,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ
(зам. главного редактора),
В. П. МАСЛИН,
С. И. НИКИШОВ,
М. П. НОВИКОВ,
И. К. ПАНТИН,
И. Д. ПАНЦХАВА,
В. Е. РОЖНОВ,
В. Ф. ТЕНДРИКОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор
С. И. Мартемьянова.
Технический редактор
Ю. А. Севастьянова.
Корректор
Р. Ю. Грошева.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

© Журнал
«Наука и религия», 1984.

На третьей странице обложки — иллюстрации к статье «Шива, загадочный и многоликий...».

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ
2 В. Алексеев, О. Брушлинская. Страна молодых
6 П. Скуратов. Внимание к людям

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА
8 Е. Федюнин. Поклон моему ближнему
10 И. Урицкая. Счастье — работать на земле
13 Из «Анкеты-83»
14 И. Соя-Серко. Поминки

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ
16 Р. Подольный. Все силы мира

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
20 Т. Путинцева. Следы ведут в пески Аравии
26 С. Марконис. Последний алтарь
28 А. Шамаро. Метаморфозы преподобного Сампсона

ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ
31 С. Житомирский. Несостоявшаяся встреча

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ. СОВЕТУЕТ, СПРАШИВАЕТ
35 Н. Веревкин. Бурса после Помяловского

ЗЕМНЫЕ КОРНИ СВЕРХЕСТЕСТВЕННОГО
38 В. Черняк. «Мой дом — моя крепость...»

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО
42 Л. Фейхтвангер. Иеффай и его дочь

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА
52 Помогая формированию мировоззрения

ЗА РУБЕЖОМ
54 А. Куценков. В общих интересах

56 С. Медведко. Гибнут исторические памятники
58 И. Григулевич. Никарагуа: церковь на перепутье

СТРАНА МОЛОДЫХ

Практика: опыт, проблемы

В. АЛЕКСЕЕВ,
О. БРУШЛИНСКАЯ,
специальные корреспонденты
журнала «Наука и религия»

ДАГЕСТАН значит «страна гор» — большую часть территории автономной республики занимают горы; его называют страной мастеров — народные умельцы прославили этот край на весь мир; можно назвать его и страной молодых — около половины людей, занятых в народном хозяйстве республики, не достигли 30. Молодежь Дагестана талантлива, трудолюбива, энергична, вносит большой вклад во все, что совершается в республике: участвует в строительстве уникальных сооружений, таких, как знаменитая Чиркейская ГЭС на Сулаке, прокладывает дороги в труднодоступных горных районах, делает научные открытия, создает произведения искусства, восхищающие ценителей в разных странах, добивается хороших успехов в традиционных занятиях дагестанцев — в животноводстве, виноградарстве. «Родине — ударный труд, знания, инициативу и творчество молодых» — этот лозунг текущей пятилетки, принятый комсо-

мольской организацией республики. ежедневно воплощается в конкретные дела. В них, безусловно, проявляется богатый духовный мир дагестанской молодежи.

Как формируется этот мир, как вырабатывается жизненная позиция, рождается ответственность за общее дело, какую роль играет здесь воспитательная, идеологическая работа? Нас интересовала именно эта проблема, когда во время поездки по республике мы знакомимся с жизнью молодежи. Опыт воспитания молодых везде поучителен, особенно интересен он, когда речь идет о таком самобытном крае, как Дагестан.

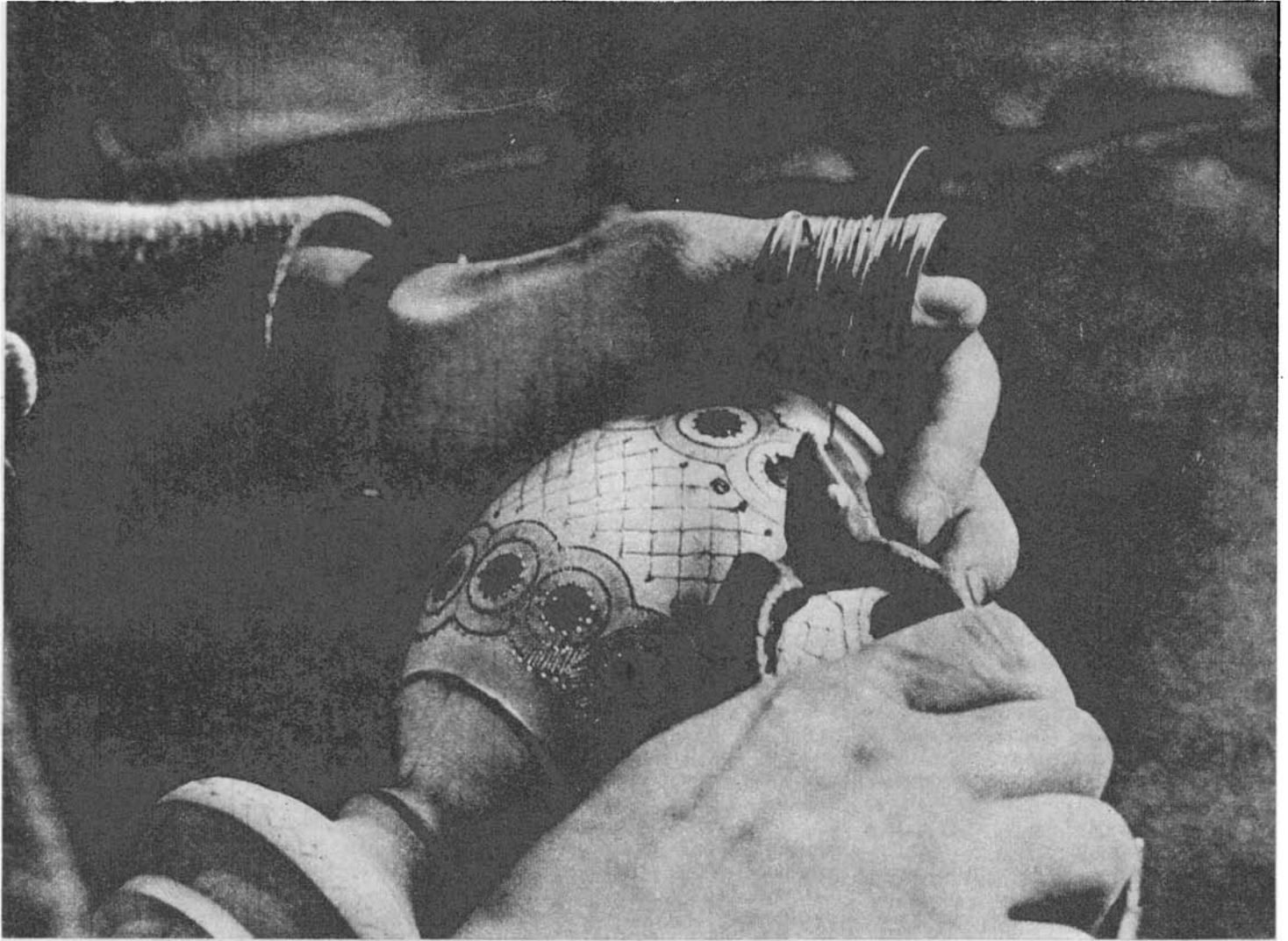
Еще недавно, 60 с небольшим лет назад, здесь жили по законам феодально-патриархальных и даже родовых отношений, духовная атмосфера проникнута была предписаниями мусульманской религии. За несколько десятилетий в процессе строительства социализма с помощью других народов нашей страны были решены главные экономические и социальные проблемы отсталой национальной окраины России. Каждый из более чем 30 живущих в Дагестане коренных народов достиг высокого уровня куль-

● Молодой рабочий класс Дагестана.

туры, каждый на равных участвует в хозяйстве республики. Но куда медленнее идет освобождение человека от пережитков прошлого, гораздо труднее преодолеть влияние традиций, не соответствующих социалистическому укладу жизни. И сейчас еще, например, религиозная идеология влияет на чьи-то судьбы, пытается дать молодым неверные ориентиры, лишаящие возможности проявить способности, найти место в обществе. Пусть сегодня это влияние не имеет определяющего значения, но для нас важна судьба каждого человека, атмосфера в семье, ауле, поселке, коллективе.

Сохранятся ли чуждые влияния в будущем? Это зависит от того, как воспитывается сегодняшняя молодежь, что усвоит она из прошлого, возьмет из настоящего, что передает своим детям. Проблема эта решается сейчас, сегодня, она решается, в частности, и постановкой воспитательной работы, повседневной жизнью комсомольских организаций, целым комплексом воздействия на разные сферы жизни молодежи.

Невозможно в журнальной корреспонденции рассказать обо всех сторо-

- *Руки мастера.*
- *Рассвет в горах.*

нах этого процесса в Дагестане. Мы возьмем лишь то, что представляется самым характерным, поучительным.

Уважение к прошлому, к истории своего края, своего народа, бережная память о народных героях, борцах за справедливость воспитываются здесь с детства. В школах, педагогических училищах, в ПТУ, техникумах, на предприятиях создаются музеи, где

собираются свидетельства и реликвии прошлого. В походах по родному краю множество интересного находят пионеры, комсомольцы, молодежь. Такой музей мы увидели в средней школе селения Урахи: здесь собраны найденные школьниками предметы старого горского быта. Ставшие му-

● *Дагестанский кувшин — произведение искусства.*

Фото А. Федорова.

зейными экспонатами, они свидетельствуют о мастерстве, трудолюбии, изобретательности горцев, а также о том, в каких нелегких условиях жили прежде люди. Дети с удивлением рассматривают масляную копилку, самодельную обувь, в которую набивали солому для тепла. Иной теперь быт у горцев... Есть в школьном музее документы, рассказывающие о бесправии народа в прошлом, о реакционной роли мусульманского духовенства в решающих событиях истории Дагестана — оно служило антинародным силам.

Каждый год комсомольско-молодежные отряды отправляются в походы по местам революционных боев. Хорошая традиция. Новые поколения должны знать, как самоотверженно во время гражданской войны горцы Дагестана вместе с русскими, грузинами, азербайджанцами, армянами, вместе с другими кавказскими народами боролись против контрреволюции, за счастливую судьбу своих детей. Знание революционной истории помогает глубоко осознать жизненную необходимость единых действий.

54 тысячи молодых дагестанцев участвуют во Всесоюзном походе по местам революционной, трудовой,

боевой славы. «Летопись Великой Отечественной» — так называется республиканская экспедиция, организованная молодежью с помощью ветеранов войны. Немало славных дел на ее счету. Многие имена неизвестных прежде героев войны внесены в Летопись, обрели реальные черты. В дагестанских школах мы видели альбомы с фотографиями молодых ребят, ушедших на войну в 41-м, 42-м, 43-м... Они воевали на разных фронтах, защищая не только Смоленск, Курск, Сталинград, но и свой аул, родной дом на склоне горы, где родились и жили до 18 лет. Сколько их не вернулось домой... Для школьных альбомов прислали фотографии своих сыновей и русские, украинские, белорусские матери — их дети погибли в боях за Северный Кавказ. Школьники, молодежь знают всю короткую жизнь этих воинов — своих земляков и выходцев из других мест. Сбор таких материалов, их осмысление, оценка совершенных подвигов воспитывают прекрасные патриотические, гражданские чувства. И конечно, чувство тесной связи, единой судьбы всех народов нашей страны.

Святая память о погибших в революцию, в Великую Отечественную — она нужна тем, кто сегодня молод, кто хочет понять историю. В том же селении Урахи, где дома расположились ярусами по склонам горы, а все улочки узкие и крутые, мы увидели на самбм высокоом месте, на площадке возле Дома культуры, высокую стелу. Издали кажется, что она украшена мелкими узорами, а подойдешь близко — увидишь, что это ровные строчки букв — на камне высечены фамилии и имена урахинцев, не вернувшихся с войны. Курбанов Магомед (погиб на Северном Кавказе, недалеко от родного аула), братья Сулеймановы — Темирхан (погиб под Прагой, в 1945-м) и Магомед (погиб в боях за Минск)... Всего 172 имени, большинству было 18—20 лет. «Живые помнят» — еще высечено на стеле. Помнят о подвигах, помнят о жертвах во имя сегодняшней жизни.

Невольно мы сравнили этот памятник с другим, увиденным в этом же селении: на краю старого кладбища стоит домик-мавзолей, выстроенный над могилой шейха Абдулагаджи, окончившего свой путь в прошлом веке. Это мазар, святое для мусульман место, верующие и сегодня ему поклоняются. Рядом с Абдулагаджи похоронен его сын. Мы расспрашивали у местных жителей, чем знамениты они, почему считаются святыми. Симпатичная старушка Хакийят сказала, что шейх однажды вызвал дождь с неба, когда вокруг было сухо и все томились от жажды, вообще он многое умел делать, а сына почитают из-за отца — ведь к нему перешла святость, но в чем это выражалось, она не ведает. Вокруг

мазара вертелись любопытные дети, несколько ребят смотрели на него с крыши своего дома, ожидая, когда откроются двери, ведущие к могилам, чтобы заглянуть внутрь. Школьники постарше на наши вопросы о святом отвечали сдержанно, мол, им это неинтересно, лучше они расскажут о том, как ездили в Москву и к Черному морю на деньги, заработанные в совхозе.

С нашей точки зрения, в таких случаях надо обязательно давать молодым верную историческую информацию. Местный учитель разъяснил нам, что шейх Абдулагаджи Урахинский был также и одаренным поэтом, писал поэмы и песни, и религиозные и лирические, некоторые его стихи помнят люди старшего поколения. Сообщи он нам и некоторые сведения из его ничем особенно не примечательной биографии. Почему не рассказать об этом местной молодежи, не дожидаясь, пока дети насслушаются всяких небылиц от бабушек.

История с Абдулагаджи не означает, что в Урахинской средней школе не ведется атеистическая работа. Она неплохо поставлена в селении, бывшем в прежние времена довольно крупным мусульманским центром, где действовало несколько мечетей. Школьники получают атеистические знания на уроках, в кружках, и весь комплекс воспитательной работы помогает им вырасти свободными от пережитков, формирует правильные взгляды на мир, на природу, на историческое прошлое.

В большинстве школ Дагестана действуют клубы юных атеистов, они ведут радиопередачи, выпускают газеты, готовят с помощью учителей вечера на атеистические темы, выпускают «Литературного атеистического календаря» и т. д. Ребята интересуются историей религии, надо их интерес удовлетворять, давать им научные знания по этому предмету, ведь большинство детей, особенно в сельской местности, слышат рассказы религиозных родственников, соседей о боге, о пророке Мухаммеде, о святых, о страшном суде и прочем. Особенно важно обращать на это постоянное внимание в тех местах, где действуют мечети, где священнослужители активны в своих проповедях. Случается, что дети под их влиянием опасаются вступать в комсомол («Бабушке мулла сказал, что если я вступлю в комсомол, то голову мою охватит огненное кольцо, и она просила меня остаться некомсомолкой», — сказала нам одна девочка). Бывает, что школьники стараются не слушать на уроках учебный материал, который противоречит в чем-то исламу, — дома внушили, что это грех, особенно для девочек.

Немного таких случаев, но они есть. И конечно, школа — это главная нива, на которой надо трудиться для наше-

го будущего. Если каждый день школьной комсомольской организации наполнен интересными делами, то, несмотря на домашние запреты, дети будут тянуться к этой жизни, они увидят, чего лишаются, находясь в стороне от комсомольских и пионерских дел. Работа в школьных производственных бригадах, занятия в кружках, походы и экскурсии, переписка с детьми других городов и стран, спортивные соревнования — эти ставшие уже обычными формы воспитательной работы в школах, будучи наполнены жизненным содержанием, приносят хорошие результаты.

Нашей школе предстоит немалые перемены. И если их цель — лучше готовить детей к плодотворному участию в жизни страны, то надо найти в системе этой подготовки больше места для формирования научного мировоззрения, без чего невозможна активная позиция в труде, реализация возможностей каждой личности. «Сегодня весь учебный процесс должен в гораздо большей мере стать носителем мировоззренческого содержания», — отметил товарищ К. У. Черненко на апрельском Пленуме ЦК КПСС.

Мы уже говорили о том, какое значительное место занимают в жизни дагестанцев традиции. Отношение к ним многое определяет в воспитательной работе. Вот, например, традиционные праздники горских народов. В них выразились отношение горцев к труду, их эстетические вкусы, любовь к природе. Хорошо, что они не забыты, что возрождены их ритуалы, но сегодня они отражают еще и то новое, что появилось в труде и быту горцев, в их духовной жизни.

В Хунзахе на высокогорной поляне с незапамятных времен сходились люди, чтобы отметить праздничное событие. В такие дни прекращались распри, мирились враждовавшие аулы и семьи. Сегодня ни о какой вражде между селениями речи быть не может, но люди традиционно собираются на этой поляне. Несколько районов празднуют здесь День Победы — с весельем, музыкой, соревнованиями в любимых видах спорта. Самый торжественный момент этого дня — шествие конного отряда: едут ветераны войны, в полной форме, с орденами и знаками отличия. Хоть лет им немало, они ловко сидят в седлах, дети смотрят на них восхищенно. В руках у первого всадника красное знамя — его передадут призванным как символ военной доблести.

В Дербентском районе традиционный — праздник виноградарей, в Ахтынском — косарей. В Ахтах каждую весну проходит праздник цветов, в Сулейман-Стальском районе — праздник черешни. У каждого свой ритуал, своя красота, но смысл один:

честь и слава труду, рабочим рукам, искусным мастерам.

Во многих районах республики сумели сделать проводы в Советскую Армию, посвящение в рабочие или хлеборобы торжественными, волнующими событиями. Главное их содержание — преемственность во всем лучшим, чего достигли старшие поколения.

Именно это нам показалось в Дагестане заслуживающим особого внимания — забота о сохранении и передаче молодым умения, опыта, нравственных правил. В селениях можно увидеть такую обычную для этих мест картину: глава семьи трудится над изделием — обтесывает камень, наносит рисунок на серебряную поверхность блюда или инкрустирует деревянное украшение, рядом сын — помогает или выполняет под присмотром отца самостоятельную работу, а возле них совсем маленький мальчик, наверное внук, — смотрит, как они это делают. Это — в семье. То же и в трудовых коллективах. Тысячи наставников считают передачу молодым своего опыта главным нравственным долгом.

В ряде районов стали традиционными ежегодные встречи представителей трех поколений, как бы символизирующих славное прошлое, сегодняшней день и будущее.

Все направления воспитания молодежи — интернациональное, патриотическое, нравственное, эстетическое — тесно переплетаются, их не отделить друг от друга, все они необходимы и для преодоления религиозного влияния на жизнь молодежи, для выработки у нее стойких атеистических убеждений. Это подтверждается всей практикой, и комсомольские работники в Дагестане понимают смысл комплексного подхода к воспитанию. Не забывают здесь и другую связь: без атеистического воспитания, целенаправленного, специального, невозможен и полный успех других сторон работы. Они дополняют и подкрепляют друг друга.

Однако при знакомстве с постановкой атеистической работы нельзя не заметить, что системе атеистического воспитания в Дагестане не хватает четкости, в каких-то звеньях она распадается и перестает быть системой. При некоторых райкомах, например, действует совет атеизма, а в других его нет или был, но список потеряли. А если и нашелся список, выясняется, что половина включенных в него людей и из района уехали. Во многих районах в комсомольской учебе нет атеистической тематики, отсутствуют методические разработки и рекомендации по ней. А в некоторых районах она есть. На одних предприятиях, в совхозах имеются организаторы атеистической работы, на других — нет. Причем эти «есть»

и «нет» — в похожих или просто одинаковых условиях. Должна быть в районе базовая организация по атеистическому воспитанию или это зависит от местной инициативы? Наверное, не наличие или отсутствие таковой должно определять качество атеистической работы.

Но вот что, с нашей точки зрения, совсем недопустимо. В ряде мест мы отметили отраженное в планах и отчетах, так сказать, авральное отношение к атеистической работе. В июне прошлого года в Хасавюртовском районе райком комсомола и общество «Знание» провели месячник по пропаганде научно-атеистических знаний. За это время было прочитано 50 лекций в тех селениях, где больше всего верующих и активно действуют мусульманские общины. В других селениях района прочитано в ходе месячника 36 лекций. Июню повезло, правда, мы не поняли, почему именно его выбрали для «атаки» на суеверия. В остальные 11 месяцев года в районе было прочитано 7 атеистических лекций. Знают ли организаторы этого мероприятия, какой эффект оно дало и зачем его организовывали? Этим никто и не интересовался.

Атеистическое воспитание — дело не сезонное, оно требует постоянного внимания, планомерной работы с учетом местных условий, требует душевных сил, хорошей подготовки тех, кто за него отвечает. Его надо вести, например, так, как это делается в Дагестанском государственном университете, где за пять лет учебы студенты становятся не только убежденными атеистами, но и активными пропагандистами. Или, например, в Кизлярском медицинском училище, где уже 14 лет действует клуб «Юный атеист», тоже готовящий молодых специалистов к активной просветительской деятельности по окончании учебы.

В Дагестане есть хороший опыт, надо его обобщать, готовить методические рекомендации. Продумать и создать четкую систему, чтобы работа эта велась не в зависимости от местной инициативы, а постоянно и планомерно, чтобы она отвечала потребностям дня, учитывала особенности района, коллектива.

Мир дагестанской молодежи не ограничен лишь родным краем. Дружбой, общими делами и интересами связана она со всей страной. Недавно 220 посланцев Дагестана отправились работать на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку — Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс — с тем же энтузиазмом, с каким ехали их отцы на целину, их товарищи — на БАМ. Московские рабочие приехали в Дагестан после землетрясений в 1970 и 1975 годах — строить новые дома взамен разрушенных.

Дагестанские молодежные песенные и танцевальные ансамбли «Лезгинка», «Асса» и другие известны и любимы в Сибири, на Украине, на Севере страны.

Нет сегодня и следа былой замкнутости горцев, когда аул строился как крепость, а жители его никуда дальше соседнего селения не отлучались. Жизнь горцев, их быт, их дела, мечты, их духовный мир были интересны разве что ученому-этнографу. Сегодня жизнь горцев интересна всему миру. В ее яркой самобытности есть то, что во все времена волнует и привлекает людей, — красота, талантливое выражение чувств и идеалов в произведениях искусства, в танцах, песнях, в литературе.

Фольклорные коллективы из селений Баджи, Акуша получали первые призы на международных фестивалях. В селении Акуша хранят приз «Золотой топорик», который привезла из Парижа юная горянка З. Сулейманова — ее признали «королевой» XV фестиваля фольклорного искусства во Франции.

В знаменитых художественных музеях не раз выставлялись произведения молодых мастеров из Кубачей, Балхара, других дагестанских аулов.

В общении с другими народами, в процессе взаимного обмена культурными ценностями обогащаются, становится содержательней духовная жизнь молодежи республики, ширится ее кругозор. Усваивая прекрасные традиции прошлого, она идет дальше отцов в постижении красоты и мудрости мира, находит новые способы выражения своего к нему отношения. У дагестанцев прежде не было живописи — действовал запрет ислама на всякое изображение человека, птиц, животных. Эстетические чувства горцев выражались в ярких, ритмичных орнаментах, в изящных формах изделий. Прошло несколько десятилетий, свободных от засилья религии, — и сколько же за это время открылось в народе новых творческих сил. Юные художники из поселка Мамедкала сегодня известны стране и миру. Лишь только появился учитель, пробудивший в них дремавшую потребность рисовать, — и они поразили всех своей талантливостью, чувством прекрасного. Они рисуют волшебных зверей и птиц, друзей, сестреноч, мам, дедушек, родные горы, цветы. В 53 странах побывали их рисунки. Увлечение живописью пробуждает лучшие черты личности этих ребят. Не все эти художники станут профессионалами, но они вырастут добрыми, хорошими людьми, патриотами, всегда будут чуткими ко всему прекрасному, к справедливости, будут, как и сейчас, в юные свои годы, много трудиться.

Вот такую молодежь и надо воспитывать — всеми известными нам средствами.

ВНИМАНИЕ

К

П. СКУРАТОВ,
референт Вильнюсской городской
организации общества «Знание»

ЛЮДЯМ

Глядя на убитую горем работницу, ее подруги по цеху искренне сочувствовали. И правда, уж очень много несчастий обрушилось на молодую женщину: пьяный шофер задавил сынишку, паралич разбил старушку мать, мужа направили на принудительное лечение от алкоголизма.

Одна из близких подруг Дануты (так звали эту женщину), переживая вместе с ней горечь бед, заметила, как пожилая кладовщица цеха, немногословная, разговаривающая часто намеками, иносказаниями — разбирайся и соображай, мол, сам, что к чему, — потянулась к ней.

Когда рядом никого не было, она тихим ласковым голосом что-то говорила и говорила Дануте. И вот однажды подруги узнали, что молодая женщина зачастила на молитвенные собрания в баптистскую общину. Забеспокоились, но что делать — не знали. Пошли в партком.

Секретарь парткома Александра Казевна Клейбене внимательно выслушала взволнованных женщин и представила себе всю сложность ситуации.

Конечно, атеистическая работа на предприятии велась, но она в основном носила просветительский характер. Читались лекции о вреде религии, о различных религиозных конфессиях, но очень редко. На такие лекции мало кто ходил.

Александра Казевна понимала, что в налаживании атеистической работы ей понадобится помощь. Но кто ее окажет? И, как нередко бывает, нашелся единомышленник, причем несколько неожиданно. Генеральным директором Вильнюсского обувного объединения назначили Л. Рагайшиса, работавшего последнее время в министерстве. С этим объединением его многое связывало. Отсюда началась его трудовая биография, здесь он много лет руководил парткомом. Рагайшис знал беды предприятия, но трудностей не боялся.

А трудностей, действительно, ожидалось много. Обновлялось оборудование, устанавливались поточные линии, механизировались трудоемкие ручные процессы, внедрялась новая технология, росла культура производства. Таких же значительных изменений требовала и система воспитательной работы. Коллектив объединения — многонациональный, были среди рабочих и верующие. Проблем хоть отбавляй.

Атеистическую работу партийный комитет объединения с помощью других общественных организаций начал с социологического исследования в коллективе. Руководил этой работой известный в республике доктор философских наук, профессор Я. Минкявичюс. Он разработал методику проведения исследований, анализа обработки полученных данных.

Результаты оказались весьма примечательными. Они легли в основу плана идеологического воспитания, разработанного для объединения. Октябрьский райком партии Вильнюса одобрил деятельность парткома и рекомендовал партийным организациям района использовать опыт обувщиков.

Атеистическое воспитание в различных подразделениях коллектива направляет, координирует и увязывает его со всей идеологической работой, с планом социально-экономического развития предприятия совет по научному атеизму, в состав которого вошли авторитетные и инициативные товарищи из партийных, комсомольских, профсоюзных организаций цехов и отделений, члены первичной организации общества «Знание», работники клуба и библиотеки.

Примечательно, что атеисты объединения строят свою работу творчески. В парткоме разработали такое положение о совете по атеизму, в котором постарались учесть специфику объединения, возраст, образованность работающих здесь людей.

Лекционную пропаганду тоже решили несколько перестроить. Отказа-

лись от поверхностных, прямолинейных атеистических выступлений, сделали упор на лекции, в которых атеизм показывается как созидательное мировоззрение, органично включающее в себя и общие социально-политические, нравственные и эстетические проблемы, волнующие людей.

В индивидуальной работе тоже наметили иной подход. Споры нет, пропагандист атеизма должен пользоваться у верующего авторитетом и уважением. Где искать таких людей? В ближайшем окружении, среди товарищей по работе. Это стало главным принципом в деятельности атеистов и в работе партийного комитета с таким активом. Быть тактичными и внимательными с верующими людьми, не отмахиваться от их вопросов, просьб и забот, всячески привлекать к участию в хозяйственных и общественных делах, вести с ними живой, доверительный разговор. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС было сказано: необходимо шире вовлекать верующих в общественную жизнь. Это главное направление в работе активистов с верующими, о котором им постоянно напоминали в партийном комитете.

В объединении много внимания уделяется разработке и внедрению красочных, эмоциональных обрядов, ритуалов, укрепляющих и нравственную атмосферу в коллективе, и социальные связи между людьми, и обогащающих их духовный мир.

К важным средствам атеистического воспитания в объединении можно отнести массовые и индивидуальные формы общей воспитательной работы. Их цель — систематическое повышение образовательного, культурного и технического уровня членов коллектива, вовлечение их в общественную жизнь, в борьбу за здоровый быт. Постоянная забота о всех членах коллектива, доверие и внимание к ним, взаимное уважение, готовность прийти на помощь каждому и создают в трудовом коллективе здоровый психологический климат, который способствует преодолению религиозных настроений части работников.

Главное в проведении атеистической работы у обувщиков — ее постоянство, последовательность. Например, сложилась традиция ежегодно проводить атеистические научно-практические конференции, дважды в год — тематические вечера, вечера вопросов и ответов, а ежеквартально — семинары. Регулярно выпускается стенная газета объединения «Духовный мир человека», ежемесячно — стенные газеты в цехах под общим названием «Атеист» и два раза в месяц в эфире звучит радиогазета «Наука и религия». Систематически читаются циклы лекций. Интересно прошли научно-практическая конференция «Место религии в совре-

менной идеологической борьбе», тематические вечера «В чем смысл твоей жизни, человек?», «Вчера я был верующим». Их успех обусловлен тщательной подготовкой и рекламой. Кроме того, активисты специально оформляют тематические выставки книг и списки рекомендуемой литературы, подбирают наглядные пособия, готовят выступления художественной самодеятельности.

Репертуар коллектива художественной самодеятельности разнообразен, он включает в себя и атеистическую тематику. С удовольствием смотрят в цехах и отделениях выступления агитбригады. В последнее время проходят коллективные просмотры фильмов и спектаклей, некоторые в клубе объединения. Работницы с большим интересом посмотрели фильмы «Люблю тебя, жизнь!», «Костер бессмертия», «Исповедь», «Анафема», «Армагеддон», «Грешница».

В заводской библиотеке регулярно обновляется уголок атеистической литературы. Ее заведующая Ю. Михнявичене советует, что читать по вопросам атеизма, организует в цехах передвижные выставки «Строение Вселенной», «Развитие жизни на Земле», «Покорение Космоса» и другие.

В клубе и цеховых «красных уголках» можно взять иллюстрированные альбомы-выставки «Наука и религия», «Правда о религии», «Под гнетом веры», «Сотворение мира и человека».

Одно дело, когда на предприятии выступают лекторы и пропагандисты районного, городского и республиканского общества «Знание». Информацию они сообщают интересную, но мало связанную с реальной обстановкой в цехах. Вот почему партком принял решение и направил на атеистическую учебу наиболее активных коммунистов, комсомольцев. Сейчас основную воспитательную работу ведут члены трудовых коллективов.

Особенно успешно проходит она в шестом цехе, где в основном трудятся женщины. К приходу лектора все уже подготовлено: люди знают тему выступления, они не спеша могут подумать над тем, что хотели бы услышать от лектора, какие вопросы задать. В «красном уголке» привлекательно оформлена выставка атеистической литературы, здесь же очередная номер стенной газеты «Атеист». Все это дело рук организаторов общественных дел Е. Савицкой и Д. Дзекульскене, ответственных за воспитательную работу в цехе.

Большое внимание в объединении уделяется молодежи. Как правило, с ней работают самые авторитетные люди коллектива. Мастера, начальники служб и отделов обязательно участвуют в молодежных вечерах, организуют конкурсы художественной самодеятельности молодежных коллективов, походы по местам боевой славы. Генеральный директор Рагайшис часто беседует с юношами и девушками о патриотическом долге

перед Родиной, о нравственной ответственности, о том, как объясняет эти понятия наша коммунистическая мораль...

Через шесть лет после первого социологического исследования профессор Я. Минкявичюс с сотрудниками объединения провел повторное исследование. Его итоги свидетельствовали о том, что партком и общественные организации сумели создать здоровый нравственный климат в коллективе. С каждым годом повышается трудовая и общественная активность рабочих, крепнет дружба. Коллектив, бывший в числе отстающих, вышел в передовые.

— На Пленуме Центрального Комитета КПСС в июне 1983 года товарищ К. У. Черненко подчеркивал, — говорит Александра Казевна, — что «процесс формирования нового человека так же непрерывен и сложен, как непрерывна и сложна сама жизнь...». Поэтому перед нами еще обширное поле деятельности благодарной и благородной: ее цель — помочь человеку проявить все свои способности и показать себя с лучшей стороны в труде и жизни.

...Данута работает в том же цехе. После лечения к ней вернулся муж. Кажется, в семье наступил мир и покой. Правда, на собрания баптистов она иногда ходит. Но все реже и реже.

г. Вильнюс

ИЗ «АНКЕТЫ-83»

Читаю я в журнале не все, а только то, что необходимо для моей лекторской работы. Особенно интересны мне очерки, в которых рассказывается о бывших верующих, о том, как они сумели порвать с религией. Пожалуйста, больше давайте таких примеров, они нужны атеистам, занимающимся индивидуальной работой с верующими. Мое мнение — вы слишком много страниц отдаете теоретическим статьям. Ведь рядовым лекторам-атеистам для своей работы больше негде взять практические мате-

риалы, кроме как в вашем журнале.

И. МОНАКОВ, 72 года.
г. Таганрог
Ростовской области

Выписываю ваш журнал четвертый год, жалею, что не знала о нем раньше. Работаю в областной больнице в приемном отделении, сталкиваюсь с разными людьми в трудный для них день — когда приходится им ложиться в больницу. Вот тут и припоминаются мне некоторые страницы вашего журнала.

И. СИНИЧЕНКО.
г. Полтава

Меня волнует вот такой вопрос. Почему некоторая часть молодежи, окончившей 10 классов или техникум, вступив в самостоятельную жизнь, теряет весь духовный багаж, который получила за годы учения? В школе вроде

и книги читали такие парни и девушки, стихи наизусть учили, чтобы урок ответить, конечно, а стали зарабатывать сами, так деньги тратят отнюдь не на книги — на выпивку и импортные тряпки. Займитесь этой проблемой в своем журнале. Думаю, и другим читателям будет интересно.

М. ИВАНОВ, 53 года,
образование
среднее техническое.
г. Горький

Хотела я поступить в народный университет на факультет научного атеизма, но не смогла, здоровье не позволяет. Поэтому выписала ваш журнал и в больнице, в отделении, где я работаю, рассказываю о прочитанном. Мне нравится в журнале все, особенно художественные произведения. В нашем отделении медперсонала 10 человек, все женщины,

средний возраст — 35 лет, люди с устоявшимися взглядами, причем с разными. И хочется мне попробовать свои силы в разъяснительной, пропагандистской работе. Получится ли?

Р. ФЕДЯНИНА, 54 года,
медсестра.
Ворошиловград

Читаю журнал с первых лет его издания от корки до корки, запоминаются те очерки и статьи, которые глубже раскрывают суть вопроса или проблемы.

Журналист, 66 лет,
образование высшее.
г. Актюбинск

Молодежи на нашем предприятии много. Профессия водителя хотя и трудная, а привлекает, особенно ребят. Да ведь одного желания в любом деле бывает мало. Нам, старшим, приходится помогать: опыт — привилегия возраста. Подходят парни с самыми разными вопросами, начинаешь вместе с ними разбираться. А как же иначе! Давно ли сам был таким? Давно ли тебя, уважаемый Евгений Петрович, добрые люди учили уму-разуму? Летит время. Забывается многое. А учителей помнишь... У меня они тоже были. К ним отношу и войну. Она — тоже учитель. На фронт попал танкистом — 18 еще не исполнилось. Именно там, на собственном суровом, а подчас и горьком опыте пришлось разбираться в человеческих ценностях.

Труд — тоже учитель. В юности был я, признаться, с лендой. А вот когда познал настоящую работу, многое в характере изменилось. И сейчас безделье воспринимается как худшее из наказаний, отпущенных человеку.

Но, конечно, не только война и не только труд делают человека Человеком. Очень многое решают в его судьбе те, кто находится с ним рядом.

Вспоминаю один эпизод, имеющий к моему рассказу самое прямое отношение.

Проводил однажды отпуск в родных краях — я из Тамбовской области. Как-то раз собираются мои тетушки в церковь и просят: «Отвези нас, Женя, на своей машине! Ноги старые — не ходят».

Поехали. Видим на дороге женскую фигурку — старушка «голосует». Оказывается, ей тоже в церковь надо.

Пришлось моим тетушкам потесниться. И они начинают выражать неудовольствие. А я спрашиваю, не забыли ли они, куда мы едем.

— Как же забыть, Женя! В церкву едем.

— Хорошо же вы любите своего ближнего да помогаете ему!

— Какая она нам ближняя? — Тетушки совсем разобиделись...

Этот случай долго не мог забыть, думая над смыслом такого красивого и емкого слова — ближний. Есть немало слов и выражений, которые мы, к сожалению, не употребляем в разговоре, считая, что они из лексикона священнослужителей. К ним относится и слово «ближний». Представляю веселый смех моих ребят из бригады, обратись я к ним так... А ведь слово-то хорошее. В моей бригаде люди, ближе которых представить трудно, значит, они и есть ближние. Не думайте только, что все состоит из одних добродетелей. Но случись с кем беда, несчастье, пере-

**ПОКЛОН
МОЕМУ
БЛИЖНЕМУ**

• Е. П. Федюнин Фото Ю. Бригова

Евгению Петровичу Федюнину — человек среди работников автотранспорта известный.

Он — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, депутат Верховного Совета РСФСР.

Организовал первую в стране водительскую бригаду, которая стала работать на единый наряд.

Его размышления о взаимоотношениях в бригаде, о создании здорового нравственного климата в коллективе предлагаем вниманию читателей.

живаем все, как за свое личное, помогаем, как самому себе не смогли бы. У кого-то удача, радость — и она тоже приходится на всех. Начисто изжита у нас зависть, и никого не точит этот черный червячок.

Но не все вот так сразу образовалось. Скажу вам, что до определенно-го момента и наш коллектив лихорадило. Причем поводом для разногласий были не какие-то личные симпатии, антипатии, а конкретные условия работы. Например, существуют длинные и короткие рейсы, а значит, выгодные и невыгодные, поскольку оплата зависит от километража. Поэтому каждый хотел получить выгодный рейс. Вот вам и основа для «недопониманий». Кто будет ездить в короткие рейсы? Мы дорожим нашей дружбой и не могли допустить, чтобы рубль ее разрушил. Так пришла идея работать на единый наряд.

И вот однажды (было это во время моей болезни) приезжает ко мне домой тогдашний наш парторг Анатолий Васильевич Арефьев — замечательной души человек, настоящий партийный организатор. Мы так и звали его — комиссар.

Приезжает — и прямо с порога: «Едем срочно на автокомбинат, к директору! Было бригадное собрание, ребята одобрили идею».

Медлить нельзя — едем.

У директора разговор простым не получился. Мы ему: бригада будет работать в «общий котел», заработанные деньги распределим сами, на честность водителей положиться можно. А у него свой резон: рискуете, есть опасность «уравниловки», работа у людей разная, а заработок будете равнять...

В конце концов разрешили нам эту «вольницу» сроком на три месяца. И вот уже тринадцать лет прошло.

Работать честно, постоянно во всем чувствуя заботу, внимание — словом, неравнодушное отношение товарищей, то есть ближних твоих, — вот что человеку нужно.

Эти нравственные принципы лежат в основе создания нашей бригады, решившей организовать труд по-новому. Судя по всему, мы не ошиблись. Ведь наш опыт нашел широкое распространение в стране и даже за ее пределами. Приятно сознавать, что первая водительская подрядная бригада — наша.

В основу жизни своего коллектива мы положили человеческий фактор. Вот пример, совсем недавний. Учитываем высокую производительность труда, сейчас мы без ущерба для дела могли бы сократить численность бригады. Восемнадцать человек — пожалуй, теперь многовато. Тем не менее мы оставляем все по-прежнему.

На первый взгляд может показаться, что это противоречит идее единого хозрасчета: меньшим числом мог-

ли бы делать тот же объем работы и, следовательно, больше зарабатывать. Однако из бригады никто не уволен. Человеческий фактор!

Он заставляет глубже вникать в проблемы — и производственные и нравственные. А они часто переплетаются!

Любой новой, прогрессивной системе всегда бывает трудно, поскольку находится она не в изоляции, испытывая и инертность мышления и ретроградство. Мне бывает жаль людей, цепляющихся за отжившие методы труда: ведь они обкрадывают прежде всего себя... Но человек сложен и этим, безусловно, интересен. Ждешь, что и к нему придет понимание нового. Во всяком случае, жизненный опыт учит терпимости.

...У нас — бригадное самоуправление: бригада сама распределяет заработанные деньги, премии, решает вопросы авторемонта, наказывает, если надо. Однажды нам пришлось целую смену (половину бригады!) лишить премии. Причем с этим решением согласились все, в том числе и провинившиеся. Что же произошло?

Окончился рабочий день. Все вернулись с линии, кроме одного водителя. Порядок же мы установили такой: по домам расходиться тогда, когда приедут все и не будет поводов для волнений. Шоферская работа не только трудна, но и опасна. Поэтому и дожидаемся друг друга, как в хороших семьях дожидаются родных, возвращающихся поздно с работы.

А в тот раз смена ушла, так и не дождавшись своего товарища. Случай для нас, можно сказать, беспрецедентный. И собрание по этому поводу было жарким. Решение вынесли суровое, но все согласились — справедливое. И это очень важно. С товарищем же нашим ничего страшного не произошло — просто задержался в дороге.

Иногда приходится слышать: время нынче быстрое, разбираться в психологических нюансах некогда, трудиться надо. Но ведь как раз для успешной работы не следует жалеть времени, жалеть сил на создание в коллективе здоровой обстановки. У нас в бригаде, например, принято по случаю рождения у кого-нибудь ребенка дарить от всех коляску. Это стало доброй традицией. Нам такие моменты очень бывают дороги.

Сменщиком на моей машине работает молодой парень — Николай Ануфриев. Некоторые опытные шоферы не любят брать к себе молодежь, потому что хлопот больше. Но я, например, не могу отказать себе в удовольствии видеть, как растет мастерство напарника, как превращается из ученика в настоящего шофера. Ну, разве что погрязней выйдешь из ремонтной зоны. Ну, поворчишь для порядка. Зато отдача какая! Николай растет. Уже кандидатом в члены партии приняли.

Вообще заметно, как мужает в бригаде молодежь. Приходят робкие, смущенные процедурой приема. Через месяц, другой, третий смотришь — а он уже и план «повез», что-то дельное, свое, свежим взглядом увиденное предлагает. И когда замечаешь, что твои усилия не пропали даром, тепло становится на сердце.

В нашей бригаде людей спланивают в коллектив общие нравственные принципы, единая цель. На первом месте — уважение к каждому отдельному человеку. А за это, по моему опыту, люди многое готовы отдать. Если говорить о любви к ближнему, то она просто необходима нам, но, конечно, не так, как трактует ее религия. Для меня ближний — это тот человек, который и порадует со мной, и утешит, человек, которому я верю.

...Много времени отнимает общественная работа, ее столько, что не хватает выходных: собрания, заседания, конференции, депутатские дела. Приходится иногда урывать и рабочее время. Тем не менее положено мне оплачивать эти часы по среднесдельному тарифу. Но я считаю, что все равно отработать их надо. Так оно и было до недавнего времени. Но годы, видно, сказываются. Да и с внуком Филиппом погулять надо. Три года всего этому моему ближнему, и очень он жизнью интересуется. А в ней и взрослым не все толком понятно...

Вот сколько забот у нас в повседневной жизни, и я не понимаю, как можно искать утешение в потусторонних мечтах, в религиозной вере... Вспоминаю эпизод из далекой деревенской жизни.

Вернулся я с войны, отец тоже пришел. Повзрослел к нам один соседский дедуля. Поначалу Библию мне читал. Ну, я, чтобы уважить старика, слушал. А отец тихонько посмеивался в сторонке. И как-то угораздило нашего деда подсчитать, когда предвидится конец света. Пришел с бумажкой, с огрызком карандаша. Сидим мы с ним, вычисляем. Подходит отец, спрашивает:

— Что это вы за бухгалтерию развели, божьи люди?

Мы объясняем, в чем дело. Тогда он и говорит:

— Да это пустое! Как помрем, так конец света и наступит... Жить надо, а не высчитывать.

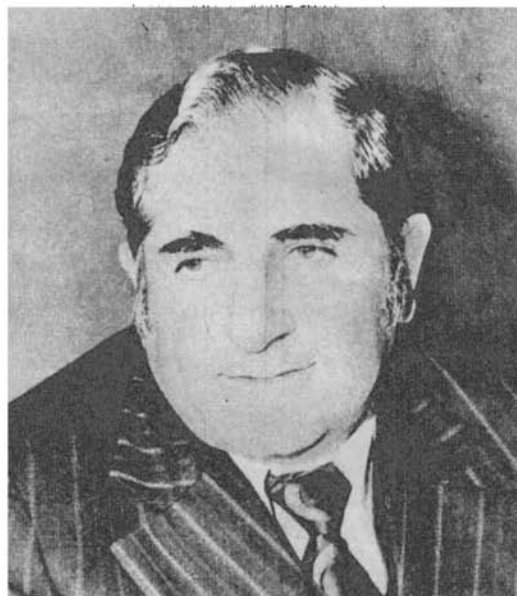
Дед, обиженный, ушел, больше не приходил. А мне слова отца в душу запали. Разве он не прав? Жить надо. Сейчас жить. Дорожить и наслаждаться миром — во всех смыслах этого великого слова.

Записал Б. БАНЧЕВСКИЙ

СЧАСТЬЕ- РАБОТАТЬ НА ЗЕМЛЕ

Ирина УРИЦКАЯ,
специальный
корреспондент журнала
«Наука и религия»

● Г. А. Авакян.

● Первый этап возвращения жизни горному склону — террасирование.

Было время, когда почти все горные склоны Армении покрывал лес. Грозные, жесткие очертания гор смягчали дубравы, ореховые заросли, березовые рощи. В горах была жизнь. Сейчас былое величие осталось лишь в Дилижанском, Хосровском и Кафанском заповедниках. Лес вырубали не по злему умыслу — нужна была земля, чтобы сеять хлеб, сажать виноградники, пасти скот. Но гибель леса неминуемо вела к эрозии почвы. Плодородный слой ее утончался, и через несколько десятилетий на месте полей и пастбищ оставались голые камни.

Однако теперь, проезжая по дорогам республики, вы обязательно заметите ровные, длинные террасы на склонах; на них нежная зелень травы и саженцев. Меньше чем за десять лет леса в Армении возрождены на 180 тысячах гектаров.

Жизнь человека и сегодня, как тысячелетия назад, теснейшим образом связана с природой. Если раньше природа представлялась неисчерпаемой сокровищницей, то теперь стало ясно: только заботясь о ее сохранности, восполняя ее, можно преодолеть экологический кризис. Религиозная точка зрения: бог, дескать, дал во владение

людям все необходимое, «...произрастил... из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи» (книга Бытие, гл. 2, ст. 9), «...дал... всякую траву... и всякое дерево... — вам сие будет в пищу» (книга Бытие, гл. 1, ст. 29) и так будет и впредь — едва ли поможет найти выход в создавшейся ситуации. Когда ревнители религии утверждают: виной всем бедам грехи рода человеческого, в стороне остается тот факт, что люди своими руками, знаниями, творчеством восстанавливают некогда утраченные природные богатства. Действенные меры по охране окружающей среды, в частности лесов, по их разумному использованию приобретают дополнительный, атеистический смысл.

Тысячи работников трудятся ныне в лесных хозяйствах Армении — лесники, агрономы, егеря, механизаторы. Руководит ими председатель Государственного комитета лесного хозяйства Армении Грант Аршакович Авакян.

Вместе с ним я побывала в национальном Джрвежском парке. С верхней точки увидела холмы, опоясанные снизу доверху террасами, заросшими молодым сосновым лесом. А у подножия холмов: цветники, кусты роз и персидской сирени.

Грант Аршакович рассказывает:

— Здесь была мертвая, бросовая земля. Когда мы начали работать, скептики говорили: «Авакян бросает деньги на ветер! Где он возьмет воду, чтобы утолить жажду земли, десятилетиями сохнувшей под солнцем? Где возьмет удобрения? Как будет сажать на голых камнях?» А мы поставили насосную станцию, построили каскад бассейнов. И — деревья-то подрастают! Даже куропатки здесь появились. Мы рассыпаем для них корм на дорожках. Вот тут они уже обедали, и там...

С мягким шуршанием взвилась стайка серых птиц и рассыпалась в воздухе.

Еще до войны, приезжая домой в село Веринкарми-ракбюр Шамшадинского района на каникулы, студент Ереванского кооперативного техникума Грант, сын Аршака, слышал суровые слова отца:

— Приехал — до утра отдыхай. А утром — косу на плечо и в поле. Я хочу, чтобы ты полюбил землю. А за любовь и труд земля воздаст сторицей.

И студент просыпался до зари, шел в поле. Звезды на небе были видны лучше, чем горные тропинки...

Он косил траву, пропалывал посевы, пас коров. Приходилось ему и носить мацони пастухам на дальние пастбища. Однажды за это ему поднесли чашку со сливками, снятыми с мацони.

Грант сначала удивился, потом возмутился:

— Вылейте сливки обратно. Иначе другого гонца ищите.

Когда он пришел на пастбище и сел с пастухами за небогатый стол, его спросили:

— Кто мацони делал? Грант, скажи, почему так вкусно?

Он остро ощутил, какое это счастье — быть честным даже в мелочах.

В 1940 году Грант Авакян окончил техникум, пошел служить в Красную Армию. Первый год «взрослой» жизни, первая любовь... Все перечеркнула война. Он не любит говорить о войне, как вообще не любит говорить о страшном и трагическом.

Грант Авакян воевал как все, получил две медали — «За отвагу» и «За боевые заслуги», трижды был ранен. В 1943 году его по инвалидности отправили домой. Он работал военруком в школе родного села. Он любил эту работу, как любую, которую ему поручали, но тянуло к земле. Однажды в учительскую зашел председатель колхоза и сказал растерянно:

● Лес в Армении сажают круглый год.

— Кому работать? Сегодня еще два моих бригадира на фронт ушли...

Грант неожиданно предложил:

— Я возьму бригаду.

Он работал и в поле, и в школе. Успевал везде. Только для отдыха не оставалось времени.

— Ночь и день, ночь и день не было покоя. А кому тогда спокойно жилось? Все думали: «Кончится война, разобьем фашистов, тогда отдохнем...».

После войны Грант Авакян снова стал студентом — теперь уже сельскохозяйственного института.

В 1950 году ему исполнилось 28 лет. После летней сессии студент четвертого курса приехал домой, и в тот же день его вызвал секретарь райкома партии. Подумал Грант: «Может, не меня, другого Авакяна?» Недоумевая, поехал в районный центр. Первый секретарь встал ему навстречу, пожал руку и без всяких предисловий сказал:

— Товарищ Авакян, я был недавно в вашем селе, колхозники просят вас стать председателем колхоза.

— Да что вы! Я не решусь взять на себя такую ответственность.

Но секретарь райкома стоял на своем.

— Думал я, думал, как мне быть, и решил — поеду в Москву, к старшему брату, члену-корреспонденту АН СССР, академику ВАСХНИЛ — он жил в Горках Ленинских. Собрал у товарищей деньги по рублю — и в путь. Приезжаю к брату, он встречает меня на пороге: «Что случилось, Грант, дорогой?» — «Один ты можешь меня спасти! В нашем селе решили меня председателем колхоза выбрать, и первый секретарь — за. А я боюсь — не справлюсь». — «Ты что говоришь? Знай, если меня позовут односельчане, я все брошу, пешком в Шамшадин пойду. Вот тебе деньги на самолет — немедленно возвращайся!» Даже в дом меня не пустил — так рассердился. Я вспоминаю его поступок с благодарностью: те годы, что я работал председателем, — счастливые.

Это были годы его молодости.

На общем собрании все проголосовали за него, потом одобрительно хлопали, только в задних рядах насмешливо говорили женщины:

— Вот смотрите, ребенка в руководители выбрали! Он нас научит, пожалуй, не работать, а в игрушки играть.

Но Гранту было не до игрушек.

Колхоз бедный: пахать не на чем, сеять нечего, рабочих рук мало.

— Однажды утром разбудили меня, говорят: кузнец вещи собрал, поехал с семьей на станцию. Я догнал его на лошади. «Прошу, дорогой, вернись! Проси у меня что хочешь! Сам знаешь — без кузнеца пропадем. Возьми костюм мой». И стал с плеча пиджак снимать. Но он только усмехнулся невесело: «Не хочу, товарищ председатель, вместе с вами с голоду помирать».

С тем и уехал. Не верил в меня. Забегая вперед, скажу: через несколько лет, когда колхоз наш на первое место вышел, стал он проситься обратно. «Хочу, — говорит, — в родных местах жить». А я ему: «А помнишь, как ты нас предал?» Чуть не заплакал бедняга. Ну, мы не злопамятные — приняли его обратно...

Но тогда слова его больно меня задели. «Рано, — думаю, — нас хоронить!» Поехал я в соседний колхоз, выпросил у них в долг полторы тонны пшеницы — и роздал по дворам. С голоду не умерли. Корма собирали по травинке. Все же откормили быков к посевной, посеяли...

Первый год председателю пришлось нелегко. Не находил он поддержки ни в правлении, ни в партбюро. Секретарем партбюро был бухгалтер. Все девять членов бюро — его родственники. Совсем не считались они с «мальчишкой». Председатель до поры до времени молчал — не чувствовал пока опоры среди колхозников.

Вставал Грант в пять утра, ложился далеко за полночь. Его трудно было застать в конторе — он был в поле или на пастбище. Старики говорили: «Грант, мы знаем, в бога ты не веришь, однако послушай, в Библии написано: «Не хлебом одним будет жить человек». Думай, мальчик, и о душе человека...».

И он думал. Первым в районе установил в своем селе памятник односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне. Добился, чтобы красивой оградой обнесли сельское кладбище, навели там порядок.

Он думал о людях, заботился о них. В какой-то момент

почувствовал: ему верят. И решил: теперь конец молчанию.

— Пришла ко мне сестра бухгалтера. Протягивает квитанцию на подпись: «Выдать со склада 4 килограмма масла, 3 килограмма сыра, 2 килограмма меда». Я бумажку взял, порвал ее, бросил на пол и говорю: «Пусть тот придет, кто писал!» Получаса не прошло — является бухгалтер. Рычит на меня — слов не разобрать. Ну, я с ним не стал долго разговаривать, приказал дела сдавать. Пулей он из конторы вылетел, сел на лошадь и поехал в райком жаловаться. Только это ему не помогло. В тот же день на партийном собрании мы переизбрали бюро. Жизнь у нас пошла лучше.

Первая настоящая общая радость была, когда провели водопровод от источника за 16 километров и каждая семья получила воду. Люди долго приходили на работу в праздничном настроении.

Однажды, объезжая поля, к полудню председатель оказался на участке, где женщины занимались прополкой. Солнце палило немилосердно. Он решил отдохнуть в роще. А недалеко от него устроились на обед женщины. Председателя они не заметили, зато он мог их слышать. И вот одна из них говорит:

— Крыша прохудилась, когда дождь — нет спасения.

— А ты у председателя шифер попроси.

— Боюсь я, на собрании, когда его выбирали, я смеялась над ним.

Другая говорит:

— Сыну моему в первый класс осенью идти, а у меня денег на ботинки нету. Сходила бы к председателю, да уж больно он строгий...

Грант подумал: «Боятся у меня просить!» Достал карандаш, записал все, что узнал, на следующий день каждой постарался помочь — кто в чем нуждался. Три дня шумело село: все спрашивали друг у друга, как председатель догадался о чужих бедах. Потом пришла к нему мать:

— Грант, сынок, тебе, никак, дьявол помогает?

Ей он рассказал, как было дело. С тех пор сам стал заходить в дома колхозников, спрашивал: чем помочь? Вот таким он был председателем.

Несколько раз ему предлагали другие должности. Но каждый раз колхозники ехали в Ереван, писали в Москву, просили: верните нашего Авакяна, не хотим другого председателя.

В 1965 году Гранта Авакяна выбрали первым секретарем Шамшадинского райкома партии.

— Раньше я был в ответе за одно село, теперь отвечаю за десятки. Я так рассуждал: чем меньше времени тратит человек на домашние дела и заботы, тем легче ему жить, тем лучше он будет работать. По своему опыту знал: от повседневных забот — принести воду, достать дрова, уговорить соседку с детьми посидеть — устаешь больше, чем от работы в поле. Поэтому начали мы вот с чего: строительство дорог. Освещение улиц. Школы. Ясли. Водопровод. Газификация.

И конечно, памятники погибшим — в каждом селе.

Мы строили спортивные площадки, клубы, кинотеатр, магазины. Начали строить плавательные бассейны: случилось так, что юноша из нашего села утонул — плавать он не умел. Я видел выплывающие глаза матери, посылавшей проклятия богу, пожалевшему для Шамшадина речки или озера. И мы решили: всех детишек обязательно учить плавать.

Но любимое мое детище — городской парк с аллеями голубых сосен, елей, кипарисов. Много мы затратили на него труда и средств. Но еще больше — нервов на споры с теми, кто говорил: «Не время, товарищ Авакян, не время! Надо урожай да надои поднимать, а вы — парк...».

Мы сидим в кабинете Авакяна на улице Налбандяна в Ереване, и я прошу:

— Грант Аршакович, расскажите о вашей сегодняшней работе в Госкомлесхозе Армении.

— Итоги пока рано подводить. Мы сажаем леса и сады.

У нас так говорят: дед сажает дерево, сын его выхаживает, а внук плоды собирает. Так что пусть внуки судят о наших делах. А пока скажу: мы стараемся отвоевать у суровой природы каждый клочок земли, чтоб превратить его в бор или рощу. Есть такие пятючки, где умещается пять деревьев, — все равно сажаем. Пять в одном месте, десять в другом, сто — в третьем...

Мы едем в горы, в солнечный рай — Дилижан.

— Грант Аршакович, каждый человек ищет свой ответ на вечный вопрос: что такое счастье? Как ответите вы?

— Работать на земле. Жить на земле. Постоянно отдавать свои силы, знания, волю — и видеть результат. Постоянно ощущать, что жизнь не бессмысленна. Я люблю в конце дня думать так: сегодня что-то удалось сделать, кому-то помог, что-то новое узнал. Мне нравится ощущать, как идет жизнь. И еще: счастье — в чувствовании природы. Для меня природа — не окружающая среда. Я — ее часть.

— Какую цель вы перед собой ставите?

— Хочу оставить на земле такой след, который трудно затоптать, — леса, парки, виноградники... Через сто лет никто не скажет: это сделал Авакян. Зато скажут так: чья работа? Жаль, имени не знаем, видно, что хороший человек.

— А вы уверены, что через сто лет леса не сведут, как уже было в Армении?

— Я считаю себя разумным человеком и потому верю в разум других людей. Уверен: второй раз такое не произойдет — очень дорого обошлось в первый... Я верю в прогресс. Верю, что мир станет добрым и красивым — нашими стараниями.

— Вы много лет были руководителем, естественно, что у вас свои принципы, заповеди. Какие?

— Первое: руководитель должен знать свое дело до тонкостей. Говорят, что когда-то председателем Госкомлесхоза Армении был странный человек: сам признавался, что не может отличить бук от вяза. Можно ли удивляться, что за время его работы не удалось посадить ни одного дерева? Второе: руководитель должен иметь мужество признавать свои ошибки и уметь их исправлять. Третье: нельзя требовать от других того, чего ты не требуешь от самого себя. Четвертое: даже в «пропащем» человеке надо искать хотя бы одно достоинство и на его основе воспитывать другие. Махнуть на человека рукой — последнее дело.

Самое главное: научить подчиненных ясно видеть цель и результаты работы, понимать логику распоряжений и поступков руководителя. В нашем хозяйстве у всех, от простого лесника до председателя Комитета, одна цель — растить леса, возвращать красоту родной земле. И не беречь на этой работе ни рук своих, ни времени.

Наша машина остановилась на дороге возле каменной скульптуры: девушка протягивала ладони к небу.

— Что она просит? Летом — дождя и прохлады. Зимой — солнца. Вечно просит. Вечно надеется. И ничего не получает. Летом у нас жарко и сухо, а зимой холодно и туманно.

Вернулись в машину.

— Мы — не мраморные, — шутит Грант Аршакович, — мы живые и не просим, а сами создаем то, что хотим.

Некоторое время ехали молча, потом Авакян заговорил снова:

— Лет десять назад, возвращаясь из Гегарда, встретил я у арки Чаренца автобус с американскими армянами. Арка Чаренца — наша святыня. Гости захотели к ней подняться. Но дошли только до половины пути, вернулись к автобусу и уехали. Стало мне интересно: почему обратно повернули? Пошел, посмотрел... Вокруг памятника вытопанная земля без травинки, консервные банки, окурки, бумажки. И дал я себе слово — и здесь, и в других местах вдоль всех дорог создавать парковые зоны, сажать цветы, траву. Чтобы красота никому не позволила бросать окурки!

Сейчас в Армении почти нет дороги, вдоль которой не

тянулась бы ленточка березовой или сосновой аллеи.
— Хочу рассказать еще один случай. В Киеве проходил семинар, на который собрались главные лесничие всех республик. На одном из заседаний я рассказал о том, как закладывался Джрвевский парк, обо всех наших трудностях. А когда вернулся домой, получил телеграмму из Эстонии: «Вам посланы саженцы лиственницы». Потом другая телеграмма: белорусы отправили самолетом саженцы березы. Теперь в Джрвеве есть эстонская роща, есть белорусская. А совсем недавно пришла телеграмма с Украины: «Просим сообщить оптимальные сроки посадки

деревьев. Хотим приехать и посадить свою рощу». Я надеюсь, что в нашем национальном парке зашумят деревья со всех концов страны.

В Дилижане была настоящая весна. Олени свободно бродили между сосен, лес был полон птиц. Я думала о своем собеседнике. В его характере сочетались непреклонная воля и детская наивность, мудрость зрелого человека и любовь к риску. Гранту Аршаковичу Авакяну повезло в жизни: счастливый человек, он всегда на своем месте и делает свое дело.

Из «Анкеты-83»

Среди авторов журнала особенно ценю талантливого журналиста Александра Шамаро. Всю свою трудовую жизнь я посвятил клубной работе и всегда активно участвовал в атеистической пропаганде. Помню, что в 20—30-е годы применительно к атеизму мы обязательно употребляли слово «воинствующий». В это слово вкладывался определенный смысл, а главное — действие. Тогда время было другое и формы пропаганды другие, но сама суть воинственности — наступательность, непримиримость к религиозной идеологии — в нашей атеистической пропаганде актуальна и сегодня. Считаю, что именно это качество присуще творчеству А. Шамаро.

Д. РОВИНСКИЙ,
ректор народного университета научно-атеистических знаний при парткоме завода «Серп и молот»
г. Москва

Преподаю я французский язык, но уже более десяти лет веду в нашей школе факультативные занятия по научному атеизму в старших классах. Пользуюсь материалами журнала: беру не только отдельные теоретические статьи, но и письма читателей, которые публикуются довольно часто,

ответы на эти письма. Очень понравилась мне и моим слушателям серия репродукций «Из коллекций Государственного музея истории религии и атеизма». Хотелось бы, чтобы журнал основательно и как можно чаще затрагивал проблемы атеистического воспитания в школе.

39 лет, образование высшее.
г. Серов
Свердловской области

Напишите о первопечатнике Иване Федорове.

Продолжайте публиковать материалы из Государственного музея истории религии и атеизма!

42 года, врач.
Ленинград

Еще когда в сельской школе преподавали закон божий, у нас, ребяташек, возникало много вопросов. Ответить мне никто не мог: отец малограмотный, мать совсем грамоты не знала. Ответы на все свои вопросы я получила через много лет, прочитав «Библию для верующих и неверующих» Ем. Ярославского. Очень популярна была в свое время эта книга. Ваш журнал начинаю читать с рубрик «Религия, церковь, верующий», «История и современность». Все, что касается истории, читаю с пристрастием, запоминаю. Все публикуемое в журнале меня удовлетворяет, но думаю, что необходимо чаще писать о религиозных праздниках, осветить причины раз-

деления христиан на католиков и православных.

П. БОРИСЕНКО,
77 лет,
образование высшее,
пенсионерка.
Ленинград

Выписываю журнал пять лет, а раньше покупал в киосках, читать начинаю с конца. Очень интересуюсь историей религии, церкви, художественными ценностями, которые хранятся в различных храмах и музеях.

Понравилась мне статья С. Стама «Преображение Рафаэля», в номерах 7 и 8 за прошлый год. Помещайте, пожалуйста, такие же статьи об иконах. Больше уделяйте внимания сохранению окружающей среды. Каждое лето я уезжаю на родину, на север, и вижу, как катастрофически уменьшаются площади леса, болот. Исчезают ценнейшие лекарственные растения, пропадают места, где росли клюква и брусника... Все это жаль.

64 года, образование высшее.
г. Ростов-на-Дону

Помню, большое впечатление произвела на меня статья В. Рожнова «Последний временик последнего царя» в № 7 и 8 за 1974 год. Журнал я читал от случая к случаю, а после этой статьи выписал, стал читать систематически, много приобрел полезных знаний по истории религии, ис-

кусства, культуры, задумался о духовном мире человека. В первом номере этого года очерк А. Шамаро «Кержацкие тропы» раскрыл для меня новую страницу фанатизма старообрядцев, раньше я смутно представлял себе их образ жизни. Очень интересны статьи Н. Гордиенко о крещении Руси. В общем, в журнале много материала, полезного как для читателей, так и для пропагандистов атеизма. На мой взгляд, хорошо бы вести рубрику «Твоя жизненная позиция».

С. КОЛЕСНИКОВ,
полковник в отставке,
68 лет,
преподаватель института.
г. Харьков

Не могу назвать определенной рубрику, с которой я начинаю читать журнал. Запомнились мне более всего отрывки из книги Генри Райта «Свидетель колдовства». Дело в том, что еще два года назад я считал себя верующим человеком, а эта книга, как мне казалось, убеждала читателя в существовании сверхъестественной силы. Теперь я думаю иначе. Хотелось бы, чтобы не страницах вашего журнала появлялось больше рассказов бывших верующих о том, как они нашли верный путь и силы порвать с религией, стали убежденными атеистами.

Г. КИМЯЕВ, 59 лет,
образование 7 классов,
рабочий.
пос. Могочин
Томской области

ПОМОИНИКИ

К годовщине смерти мужа Ганя начала готовиться заблаговременно. Прежде всего надо было занять денег и договориться с батюшкой. Хорошила Алексея Трифоновича фабрика, где он проработал много лет, провожали с оркестром, речами от дирекции и фабкома, а сейчас Ганя хотела, чтобы поминание было по старинке, с панихидой, кутьей, караваем.

Надо было сообщить всем родичам и знакомым, что поминки будут не девятого, а седьмого, потому что седьмое — это воскресенье и все свободны. Надо сделать пироги, кисель, салат, раздобыть самогон.

К концу недели Ганя была уже без сил, а все еще находились какие-то неотложные дела. Наконец в воскресенье утром все было готово — зала убрана чистыми рушниками, на столе среди букетов цветов колево — горка вареного риса, украшенная ягодами и мармеладом, два карава. У портрета Олексы цветы, перед иконами горящие лампады.

Дачники ушли в лес, а за ними потянулись и Ганины дети — Маня и Петя. Сестра мужа, пожилая рыбая женщина в черной юбке и в платке в горошек кончала хозяйственные приготовления на дворе: сюда вынесли столы, скамейки и табуретки, возле летней кухни на досках громоздилась посуда.

В два часа весь двор был полон народа, все чинно сидели на лавочках под шелковицами и вполголоса разговаривали обо всем понемножку. В зале собрались несколько старых женщин в белых платочках, одна из них, наклонившись над маленькой тумбочкой, скороговоркой читала Псалтирь.

Дети в нарядных костюмчиках с цветами в потных ручонках томилась ожиданием. Пришли две пожилые москвички, когда-то жившие у Гани и хорошо знавшие Олексу. Ганя в черном платье и в черном платке, высо-

кая, худая, с провалившимися глазами на желтом исхудавшем лице, судорожно сжав руки, ходила из дома на кухню, оттуда на улицу и тревожно всматривалась — ждала батюшку.

Пришла сестра Гани Вера Кирилловна с мужем Михаилом, инвалидом войны, ночным сторожем на каменоломне (за ним и сюда прибежала маленькая собачка Белочка, ежедневно сопровождающая хозяина на работу и обратно). Они привели с собой детей: трое старших — школьники и младшие — две пары близнецов, худенькие, большеглазые с черными сросшимися бровками. Принаряженные и чистенькие малыши молча жались к матери.

Из Михайловки явился отец Гани и Веры Кирилл Афанасьевич, лукавый старичок, он скромно сел «в холодку» и терпеливо стал дожидаться, когда начнется застолье и можно будет выпить.

Дети, соскучившись, начали баловаться, монотонный голос, читающий Псалтирь, время от времени замолкал, и из комнаты слышались приглушенные сетования старушек. Москвички поддерживали разговор о трудностях воспитания современной молодежи, женщины, сидящие рядом, и рыхлая старуха в черном до пят платье и газовой косынке на крупной, трясущейся голове поддакивали.

Старший сын Гани Коля, красивый 22-летний хлопец, в белоснежной рубашке, открывающей загорелую крепкую шею, с часами на сухой мускулистой руке, старался держаться хозяином. Младшая Катя сидела молча, никак не проявляла своих чувств.

Наконец появился священник и сопровождавшие его три женщины. В сером пальто и соломенной шляпе, под кото-

рую были спрятаны длинные волосы, 40-летний батюшка внешне ничем не отличался от людей своего возраста, разве только темной бородкой, окаймляющей довольно пухлое, румяное лицо.

Женщины, пришедшие с ним, деловито и энергично принялись за знакомое дело: одна вздувала уголек для кадила, другая вынимала из платка облачение батюшки, третья открыла Евангелие, заложенное в нужных местах красными, потемневшими от употребления лентами.

В залу потянулись люди, в сенцах, уступая гостям лучшие места, пристроились родичи.

— Ну, мне здесь делать нечего, — пробормотал Коля, пробираясь между белых платочков во двор.

Высокий голос священника напевно произнес: «Во имя отца и сына...», — и белые платочки разом послушно закивали. Сизый дымок потянулся над головами, и в голубоватом тумане задрожали золотистые огоньки восковых свечек.

Бабы стройно подтягивали «Аллилуйя, аллилуйя», крестились и, утирая концами платков глаза, глубоко и часто вздыхали. Из залы вывели старуху в черном платье, поддерживая ее с двух сторон под руки. Газовая косынка сбилась с головы. Она вся сникла, из закрытых глаз лились слезы. Ее посадили на скамейку.

— О своем горе плачет, — вполголоса говорила женщины, — у нее в прошлом году и сын и зять померли...

Батюшка служил добросовестно, из открытого оконца легкими волокнами плыл дымок и оседал в листве большой развесистой яблони, под которой стояли мужчины с непокрытыми головами, о чем-то тихо переговариваясь. Из хаты слышались голоса поющих и приглу-

шенные рыдания Гани. Наконец раздалось: «Вечная память...». Служба кончилась, народ из жаркой хаты потянулся на воздух.

Священник снимал епитрахиль, женщины складывали и увязывали в платок его облачение, собирали недогоревшие свечи.

Москвички сказали Коле, что вернутся попозже, и пошли к себе.

Возле накрытых столов захопотали соседки и родственники, расставляя пироги, салаты, графины с самогомом и бутылки с «красеньким», а еще часа через два народ уже почти весь разошелся и за полупустым столом остались хозяйские дети и новые дачники.

Верные своему обещанию, появились москвички. Коля с покрасневшими от выпитого самогона глазами суетился, ставя для пришедших табуретки, Ганя наливала из графина в толстые граненые рюмки желтоватый мутный самогон:

— Пытэ за Олексу, не обижайте мэнь...

Со всех сторон гостям протягивали миски с рыбой, пироги, стаканы с лиловатым киселем.

Между новыми дачниками и москвичками почти сразу завязалась оживленная беседа — о московских выставках, о гастролях в Киеве кубинских танцовщиков, о том, что надо было организовать здесь на отдыхе преферанс.

С краю присела Маня, старшая дочь Гани, в платке, прикрывающем бигуди, — вечером собиралась в кино. Дачники наперебой уговаривали ее снять платок, и она, скрывшись в кладовушку, через несколько минут появилась с модной прической в крупных локонах. Ее младший брат Петя за калиткой на лужайке делал восьмерки на стареньком велосипеде, рассчитывая, что дачники,

оценят его мастерство. Вера Кирилловна любовно оглядывала своих птенцов и охотно рассказывала о них всем, кто готов был ее слушать, — нужны недорогие костюмчики и если покупать Славику, то надо и Сереже. Дома у них прямо «футбольная команда».

И только одна Ганя ходила среди оставшихся гостей со своей бесконечной тоской, со своим горем, не разделенным ни детьми, ни чужими. Она говорила новым, молодым дачникам:

— Вин був такий тихий, никого и пальцем за усю жизнь не тронув, такий чоловік, таких тепер бильш нэма.

И в глазах ее стояли слезы. Ей сочувственно кивали, поддакивали. А в это же время Вера Кирилловна рассказывала, как мальчики ловили забежавшего в комнату мышонка. Ганя, перебивая сестру, пыталась рассказать жильцам подробности внезапной смерти Алексея Трифоновича, как год назад, в такой же жаркий летний день он упал на пороге своего дома и тут же умер. Как его убрали и переносили под образа.

Она снова возвращалась к тем страшным часам, а кругом продолжалась, шумела жизнь, в которой не было места ее тоске, ее одиночеству.

На следующий день к москвичкам пришла младшая дочка Гани, всегда суровая Катя и протянула две свернутые в трубочку пятерки:

— Маты отдае. Сама сегодня с валидолом лежать. Чоловик шестьдесят, а може и более, було, а пропылы бильш ста рублив. Тепер полгода будуть долги отдавать. Манька сегодня зарплату получила, всю сразу и роздалы. А Микола уже снова напився...

Об Алексее Трифоновиче уже никто не вспоминал, а Ганя лежала в темной комнате и, прижав руки к впалой груди, шептала:

— На кого ж ты мэнэ покынув, на що мэнэ не узяв с собой...

Рисунок автора.

ВСЕ СИМЫ

Горизонты науки

МИРА

Р. ПОДОЛЬНЫЙ

Беспределен окружающий нас мир. И столь же беспределен процесс его познания человеком. Эту истину постоянно демонстрирует нам буквально каждое новое научное открытие. И все они — убедительное доказательство материальности и познаваемости мира. Нет ни одного исследования, ни одного эксперимента, который бы не подтвердил это и доказал обратное — мол, есть в мире что-то непознаваемое, сверхъестественное. Добытые знания существенно влияют не только на быт, но и на миропонимание людей, на их мораль, нравы и обычаи. В ядерном и космическом веке человек живет и мыслит иначе, чем в век пара и электричества. Эти изменения в жизни и образе мыслей современного человека отражаются и на его отношении к религии. Во всем мире традиционное религиозное мировоззрение сейчас переживает кризис, несмотря на попытки всех церквей модернизировать свои верования. И одна из причин этого — научные достижения. Но наука и техника, как известно, не стоят на месте. Их постоянный и стремительный прогресс, расширяя и углубляя наши знания о мире, в то же время еще и еще раз

подтверждает и его единую материальную сущность, и то, что все происходящие в нем процессы и явления имеют вполне вещественную природу, отнюдь не фантастические, сверхъестественные, а реальные причины и следствия. Одна из важнейших отраслей современной науки — физика. О ней можно сказать, что она находится на самом остром научно-технического прогресса. Это физики проникают в сокровенные глубины материи и открывают ее наиболее общие, фундаментальные закономерности. Сложность, парадоксальность этих законов таковы, что людям неискушенным они порой кажутся неправдоподобными, иллюзорными. Тем не менее они вполне реальны, их применение приносит человечеству практическую пользу. Один из ярких тому примеров — атомная энергетика. Поразительна мощь человеческого разума, проникающего и в сердцевину микромира, и в безбрежный океан мегамира — Вселенной. О путях, которыми идут ученые, исследующие невообразимо малые и вместе с тем невообразимо сложные начала вещества — элементарные частицы и их взаимодействия с силовыми полями, о подходах к общей теории поля рассказывает эта статья.

Большая четверка

Сколько их — сил, действующих в нашем мире? Глубинных, приводящих в движение планеты и ответственных за процессы в недрах звезд, за поведение электронов и атомных ядер, за течение химических реакций — за все, что происходит в бесчисленных разновидностях веществ и в живой природе?

Может показаться, что их не счесть. В учебниках и монографиях встречаются и сила инерции, и сила трения, и электродвижущая сила, и силы Ван-дер-Ваальса, и десятки других сил. Но у нас речь идет именно о глубинных движущих силах мира, о тех, что называются фундаментальными силами взаимодействия.

А таких физикам известно всего четыре. Можно сказать, что все многообразие окружающей нас природы — результат работы этой «Большой четверки».

На первое место среди четырех сил следует поставить гравитацию — силу тяготения. На первое — потому, что ее власти подчинено во Вселенной все: от частицы света — фотона до галактик и их скоплений. Исключений физика тут не знает.

Гравитационное взаимодействие собрало когда-то из космических частиц звезды и планеты, в том числе и Солнечную систему. Уже сама форма нашей Земли — наглядное свидетельство важной роли силы тяготения, уложившей миллиарды лет назад частицы вещества в шар и сохраняющей за планетой именно эту форму.

А что же сохраняет форму более мелких предметов, не дает им разваливаться? Ведь гравитация в телах, имеющих небольшую массу, действует очень слабо, почти не ощущается. Тут уже активная форма приложения другой силы — электромагнитной. Того самого взаимодействия, которое заставляет цепочку из стальных скрепок подниматься со стола к двухцветной подкове школьного магнита.

В то время как тяготение вездесуще, электромагнитное взаимодействие проявляется лишь там, где есть соответствующие заряды — положительный и отрицательный. Одноименные заряды, как известно, отталкиваются, разноименные — притягиваются. А если в каком-то теле оказалось поровну и отрицательных и положительных зарядов — они могут взаимно нейтрализовать друг друга, тело становится нейтральным. По этой причине электро-

магнетизм и значит для процессов космического масштаба (для мегамира) гораздо меньше, чем гравитация.

Впрочем, будем осторожны в употреблении таких слов, как «меньше» и «больше». У звезд и почти у всех планет имеются довольно мощные электромагнитные поля. Сам свет звезд представляет собой электромагнитное излучение, и роль электромагнетизма в звездном веществе недооценивать не стоит.

Но в масштабах макромира электромагнетизм буквально пронизывает все. Мы знаем, что вещество при «планетных» температурах существует в форме атомов. А происходит так потому, что электромагнитное взаимодействие удерживает отрицательно заряженные электроны на орбитах вокруг положительно заряженного ядра. В молекулы атомы объединяют так называемые валентные связи. Они существуют благодаря электромагнитному взаимодействию — за счет обмена электронами между соседними атомами. И между собой молекулы связывают электромагнитные силы.

По сути, и все химические реакции — результат электромагнитного взаимодействия, при котором атомы обмениваются друг с другом электронами. Пламя лесного пожара, микровзрывы бензина в моторе автомобиля, превращение нефти в бензин на специальных заводах, даже обычное пищеварение — все это цепи простых и сложных химических реакций, а значит, обмен электронами. Благодаря таким процессам летят в Космос ракеты, растения используют энергию солнечного света для своего развития, благодаря им мы с вами живем, дышим, действуем, познаем окружающий нас мир и самих себя.

Можно долго перечислять формы проявления электромагнетизма. Их столь много (такая простая вещь, как склеивание, — тоже из их числа!), что чаще всего мы их не осознаем и даже не ощущаем — не в пример тяготению. Его люди всегда весьма реально ощущали, но осознавать именно как силу начали сравнительно недавно. Триста лет назад открыта общая закономерность, регулирующая это взаимодействие: Ньютон сформулировал закон всемирного тяготения. А около семидесяти лет назад создана более глубокая теория такого взаимодействия — общая теория относительности Эйнштейна.

Пользуясь электромагнитным взаимодействием люди научились с незапамятных времен; китайцы много веков назад изобрели компас и порох. Но реальную природу самой этой силы люди начали представлять лишь в конце XVIII — середине XIX века. Пионером тут выступил Фарадей, открывший, что электричество и магнетизм — единая сила (прежде считалось, что они отношения друг к другу не имеют). Более глубокое осмысление явления принадлежит младшему современнику Фарадея — Максвеллу. В его знаменитых уравнениях содержатся общие закономерности электромагнитного поля, так же как в уравнениях общей теории относительности — закономерности поля тяготения.

Мы уже сказали, что силам тяготения во Вселенной принадлежит ведущая роль. Но силы электромагнетизма в своих сферах более могучи, чем гравитация. Оттого, кстати, люди заметили и осмыслили их сущность быстрее, чем природу тяготения. В частности, из уравнений Максвелла следовало существование электромагнитных волн, вскоре после этого открытых Герцем, затем это открытие было использовано Поповым при изобретении радиосвязи. Путь от Фарадея до Герца не занял и ста лет, путь от Галилея до Эйнштейна (из его уравнений следует существование волн гравитационных) растянулся на три века. А электромагнитное взаимодействие сильнее гравитации настолько, что даже не верится: в квинтильон квинтильонов — 10^{36} раз! Вот почему до сих пор не удается пока создать достаточно чувствительные приборы для регистрации гравитационных волн.

Итак, хотя гравитационную взаимодействие и дано властвовать надо всеми видами материи, оно слабее электромагнитного. Слабее оно и остальных двух движущих сил мира. Даже взаимодействие, которое так и называется **слабым** (оно ответственно за некоторые

взаимоотношения между элементарными частицами), сильнее гравитационного раз в сто. А четвертое взаимодействие, традиционно именуемое **сильным**, мощнее даже электромагнитного — тоже раз в сто.

В земных условиях, то есть в условиях не слишком высоких температуры и давления, в микромире господствует сильное взаимодействие: оно удерживает элементарные частицы материи в ядрах атомов — делает эти ядра устойчивыми. За некоторые реакции между элементарными частицами отвечает взаимодействие слабое, в том числе за те реакции, в которых рождаются нейтрино. Такие реакции осуществляются в искусственных ядерных реакторах, постоянно идут они в реакторах естественных — в звездах, подобных нашему Солнцу. Таким образом, действуя сообща, сильное и слабое взаимодействия порождают свет и тепло, которые шлет нам Солнце.

Масштабы действия четырех основных сил весьма отличаются друг от друга. Гравитационное и электромагнитное взаимодействия распространяются со скоростью света и проявляются на любом расстоянии (ослабевая пропорционально квадрату этого расстояния). А у сильного и у слабого взаимодействий существуют жесткие пределы распространения. Сильное действует на расстоянии около 10^{-13} сантиметров, слабое — даже 10^{-15} . Но что такое 10^{-13} сантиметров? Всего лишь диаметр атомного ядра! Недаром эти два взаимодействия называют еще короткодействующими.

Мириады возможностей

Как видим, современная наука все многообразие движущих физических сил мира сводит к четырем основным взаимодействиям. Что, казалось бы, может быть проще! Недаром академик М. А. Марков сравнил эти взаимодействия с четырьмя стихиями — первоэлементами, признаваемыми древними греками, — воздухом, водой, землей и огнем. Однако многие ученые считают: проще и может и должно быть, четыре — слишком много!

С самого начала нашего века многие физики мечтают свести все как бы к одной силе, найти закономерности, объединяющие четыре основные движущие силы и создать так называемую единую теорию поля. Над этой теорией целых тридцать лет работал Эйнштейн. Немало теоретиков работают над ней и в наши дни. И на этом трудном пути уже есть свои достижения. Не так давно пакистанский физик А. Салам и его американские коллеги С. Вайнберг и П. Глэшоу получили Нобелевскую премию за работу по объединению двух взаимодействий — электромагнитного и слабого. Согласно этим исследованиям, вместо таких взаимодействий должно быть единое — «электрослабое». Разрабатываются и так называемые теории великого объединения — соединения электромагнитного, слабого и сильного взаимодействий. Гравитационное пока включить сюда не удастся, хотя подходы к этому ученые усиленно ищут.

Как же физики предполагают объединить основные взаимодействия?

Если исходить из того, что в мире существует только одна глубинная сила, лишь одно взаимодействие, проявляющее себя в различных конкретных условиях по-разному, то можно считать уже известные взаимодействия различными проявлениями этой единой силы. Электромагнитное, например, проявляется в электрон-протонных связях внутри атома одним способом, в валентных связях между атомами — другим, в силах, связывающих молекулы, — третьим. Вот и ищут ученые те конкретные условия, которые отделяют гравитацию от электромагнетизма, слабое взаимодействие от сильного.

Знаменательно при этом, что в поисках таких условий исследователи в настоящее время все единодушнее приходят к размышлениям о свойствах физического

вакуума. В чем же здесь дело, почему — вакуум, полнейшая пустота в обыденном понимании?

Согласно законам квантовой механики, нет в мире места, где не было бы силового поля — такой же разновидности материи, как и вещество. Значит, должно быть поле и в вакууме. Любые элементарные частицы современная наука рассматривает как кванты — порции того или иного поля. А раз оно есть в вакууме, то там обязательно должны быть и его кванты. В экспериментах, правда, выглядит так: поле есть — частиц нет. Иными словами, вакуум на первый взгляд представляет собой электромагнитное поле без электромагнитных квантов (фотонов), электрон-позитронное поле — без электронов и позитронов. Но ведь поле без его квантов невозможно. Значит, и в вакууме они есть, но, очевидно, ведут себя не совсем обычно...

Чему равна энергия в той или иной точке вакуума? Теоретически вроде бы нулю. Но именно «вроде бы»! В соответствии с квантовой теорией утверждать это со всей уверенностью нельзя: за счет колебаний поля энергия в данной точке вакуума может и отличаться от нуля. За счет колебаний? Да, ведь всякое поле колеблется. Однако в любом квантовом поле такие колебания связаны с частицами. Значит?.. Да, при колебаниях здесь, действительно, появляются и исчезают частицы. Появляются... из ничего и исчезают... в никуда!

Если посмотреть с позиций классической физики XIX века, то при этом словно бы нарушается один из основных законов природы — закон сохранения массы-энергии. Но это не так. Перед нами не нарушение закона, а область, на которую он не распространяется. Частицы, рождающиеся в вакууме, существуют столь мгновенно, что в принципе их невозможно обнаружить «по отдельности». Называют эти эфемерные частицы, в отличие от обычных, реально нами регистрируемых, виртуальными, то есть в точном переводе с латыни — возможными.

Для философов тут, кстати, открывается широкое поле приложения и развития идеи о соотношении возможного и действительного. Однако само по себе название «виртуальные» не должно настраивать нас на то, что частицы эти лишь возможны, а на самом деле их нет. Наука имеет дело только с материальными объектами природы, для нее сверхъестественного просто не существует: то, чего нет, не может воздействовать на что бы то ни было. А «возможные» частицы в вакууме вполне реально воздействуют на вполне реальные образования из безусловно реальных частиц — уж это физики наблюдали в весьма точных экспериментах.

У таких «нарушителей» закона сохранения массы-энергии нет обычного соотношения между энергией, импульсом и массой. Зато все остальные характеристики вполне добропорядочные. Электрон остается электроном и в виртуальном состоянии, протон остается протоном и так далее. Они сохраняют свои заряды и другие свойства на всю свою жизнь — краткий миг, длящийся между их рождением и исчезновением.

Как уже говорилось, из-за этой мгновенности и эфемерности существования виртуальные частицы невозможно обнаружить в эксперименте и зафиксировать: они по отдельности не оставляют следа в современных приборах. Но не означает ли это, что их существование, вытекающее из строгих формул и расчетов, остается чисто теоретической необходимостью, в которую вольно верить или не верить и в которой может больше не быть нужды, как только изменится теория?

Нет, полагают физики, не означает! Ведь в случае с вакуумом эксперимент уже не безмолвствует: он свидетельствует если не об отдельном существовании виртуальных частиц, то о коллективном, суммарном их воздействии на обычные частицы.

Вот, к примеру, атом водорода — ядро из одного протона, вокруг которого движется «облачко» электрона. Влияние виртуальных частиц заставляет электрон хаотически отклоняться то в одну, то в другую сторону от пути, по которому он бы двигался, если бы таких частиц не было

вовсе. Это явление называют вакуумным дрожанием электрона. Водородный электрон — частица реальная, полностью подчиняющаяся закону сохранения массы-энергии; и его колебания на орбите вызывают вполне действительные, отмечаемые приборами изменения его потенциальной энергии.

Магнитный момент данного электрона (он характеризует величину его взаимодействия с внешним магнитным полем) тоже несет следы влияния виртуальных вакуумных частиц. Содержит столь явно, что, когда его экспериментально нашли, этот магнитный момент сразу же назвали аномальным, настолько он не соответствовал тогдашним предсказаниям теории. Теперь это уже история: выкладки, произведенные на основании квантовой теории поля с учетом влияния вакуума, вполне совпадают с результатами опытов.

Еще пример — фотоны. Согласно теории, они между собой взаимодействовать не должны. Но в опытах такое взаимодействие, хотя и очень слабое, обнаружено. А виноваты в этом все те же виртуальные частицы. Они, как выяснилось, воздействуют не только на обычные элементарные частицы, но и на макротела. Так, две пластинки, помещенные в вакуум достаточно близко друг к другу, под ударами виртуальных частиц начинают притягиваться.

Конечно, непосредственно связанное с виртуальными частицами события куда многообразнее и сложнее тех, в которых отмечаются их следы. Вполне очевидно, что все реакции, все взаимодействия между элементарными частицами происходят при непрерывном участии вакуумного виртуального фона. А на него элементарные частицы в свою очередь тоже влияют.

Более того, физики считают, что виртуальные частицы возникают не в одном лишь вакууме: их порождают и обычные частицы. Электроны, скажем, постоянно испускают и тут же поглощают виртуальные фотоны, и делается это с такой быстротой, что обнаружить «перепад» энергии не успеет ни один прибор.

Судя по всему, вакуум заполнен виртуальными частицами всех видов. При этом каждая из них ведет себя с другими такими же и с реальными частицами по правилам своего вида; электроны, к примеру, отталкиваются от электронов, виртуальных и реальных, и притягиваются к протонам, тоже виртуальным и реальным, и так далее. Реальный электрон, по-видимому, окружен слоем из сверхкороткоживущих виртуальных протонов, за ними может следовать слой виртуальных позитронов, далее — слой из других частиц. А заряды в этом пространстве разделены — называется это поляризацией вакуума.

Аристотель и единая теория поля

Но какое весь этот виртуальный мир имеет отношение к нашим четырем силам, которые физики мечтают заменить одной-единственной?

А вот какое. Сейчас каждое взаимодействие принято рассматривать как обмен виртуальными частицами. Тяготение, скажем, — как обмен виртуальными квантами гравитационного поля — гравитонами; электромагнетизм — как обмен виртуальными фотонами. При сильном взаимодействии мельчайшие частицы вещества, именуемые кварками, обмениваются виртуальными глюонами (название от английского слова, обозначающего «клей» — эти частицы как бы склеивают кварки), а при слабом — промежуточными бозонами, тоже, естественно, виртуальными.

Фотоны известны науке давно, глюоны как будто зафиксированы в последние годы в эксперименте; гравитоны «вытекают» из общей теории относительности, а посему в их существовании почти никто из физиков не сомневается. Они, правда, тоже пока не открыты, зато об их свойствах многое уже известно. Хуже всего в этом

смысле обстоит дело с промежуточными бозонами, однако в начале 1983 года появились сообщения об экспериментальном их обнаружении — разумеется, частиц вполне реальных, а не виртуальных.

Подход к основным четырем силам с такой «позиции обмена» объясняет, почему гравитационное и электромагнитное взаимодействия — дальнедействующие, а прочие — нет. Почему, например, столь мало расстояния, на которое распространяется слабое взаимодействие.

Прежде всего у фотона и гравитона нет массы покоя, и их существование в виртуальной форме не нарушает великого закона сохранения массы-энергии. Поэтому жить они могут вечно, а значит, и действовать — на любом расстоянии. Отсюда и дальнедействие.

Масса покоя глюона, однако, тоже должна равняться нулю, поэтому и сильное взаимодействие могло бы быть дальнедействующим. Но этому мешают некоторые особенности взаимоотношений между глюонами и кварками, в детали которых мы здесь вдаваться не имеем возможности, так как это требует большого объяснения. Зато бозоны имеют массу, и довольно солидную. А чем больше масса у виртуальной частицы, тем короче ее век. Короче век — короче действие.

У всех четырех взаимодействий — особый характер не просто потому, что с ними связаны свои частицы. Суть в том, что к каждому из видов «обменных» частиц по-своему относится сам вакуум — та сумма полей и виртуальных квантов, которую представляет собой каждый участок пространства. Вспомним при этом, что вакуум есть везде — и там, где вещество существует в привычных нам формах. В любом атоме между электронами и ядром движутся виртуальные частицы, прежде всего фотоны, отвечающие за электромагнитное взаимодействие.

Аристотель говорил: природа не терпит пустоты, для пустоты нет места в мире. Современная физика утверждает: нет мира без вакуума, но он — совсем не пустота, абсолютной пустоты не видно нигде. В этом смысле Аристотель оказался прав. А главное, именно вакуум, по-видимому, меняет предполагаемое единое взаимодействие так, что мы обнаруживаем целых четыре движущих силы вместо одной. Советские ученые Д. А. Киржниц и А. Д. Линде пишут: «Динамическую основу взаимодействий — сильного, слабого и электромагнитного... составляет единый фундаментальный закон... Этот закон, который можно отождествить с наиболее простым законом электромагнитного взаимодействия, в чистом виде проявился бы в том случае, когда имелись бы только взаимодействующие заряды».

Иными словами, если бы вокруг взаимодействующих зарядов не кишели бесчисленные виртуальные частицы и вообще если бы эти заряды находились не в вакууме, а в действительной пустоте — в той, которую отрицал Аристотель, — то такая пустота отнеслась бы ко всем разновидностям «обменных» частиц одинаково: все они оказались бы в ней без массы покоя и имели бы право на ничем не ограниченное передвижение.

Несколько лет назад Д. А. Киржниц и А. Д. Линде доказали, что состояние вакуума в значительной степени упорядоченно (за свою работу они были удостоены Ломоносовской премии Академии наук СССР). Некоторые виды виртуальных частиц образуют в вакууме довольно стройные системы. И этот порядок чрезвычайно напомина-

ет тот, которым отличается электромагнитное поле в сверхпроводнике.

Сверхпроводник потому и сверхпроводник, что электрический ток бежит по нему, не встречая никакого сопротивления, а значит, и без потерь. Точно так же для вакуума характерны не встречающие сопротивления и потому не затухающие движения виртуальных частиц, в том числе и не несущих электрического заряда. Специалистам по сверхпроводимости между тем известно, что помещенный в магнитное поле сверхпроводник не дает этому полю проникнуть в глубь себя, выталкивает его. Дело в том, что само же магнитное поле наводит незатухающие индукционные токи, экранирующие сверхпроводник. И так же незатухающие токи упорядоченных виртуальных частиц в вакууме экранируют источники слабого взаимодействия и ограничивают радиус их влияния расстоянием в 10^{-15} сантиметров.

Как мы уже сказали, в абсолютной пустоте все частицы лишились бы массы покоя, в том числе и промежуточный бозон. Физики думают, что само обладание массой у обычных элементарных частиц — следствие воздействия на них вакуума: при взаимодействии, идущем с помощью виртуальных фотонов, мы наблюдаем частицы, обладающие электрическим зарядом; при взаимодействии с помощью виртуальных частиц Хиггса (по имени выдвинувшего это предположение английского ученого) появляются частицы, обладающие массой.

Из теории следует, что реальные частицы Хиггса сами должны иметь большую массу, поэтому получить их на ускорителях, видимо, удастся не скоро. Виртуальные же частицы любого рода присутствуют в вакууме повсюду. И тяготение, согласно некоторым предположениям, тоже может объясняться особенностями поведения виртуальных частиц, их поляризацией, напоминающей поляризацию электрон-позитронного вакуума, о котором уже шла речь.

Касаясь этой гипотезы в одной из своих статей 1981 года, академик Я. Б. Зельдович приводит такое сравнение: «Первая половина ОТО (общей теории относительности.— Р. П.) состоит в рассмотрении движения частиц в кривом пространстве — времени. Кривизна влияет на движение частиц... По третьему закону Ньютона — по закону равенства действия и противодействия — естественно можно представить себе, что есть и обратное влияние частиц и полей на пространство. Когда рельсы действуют на вагон, поворачивая его траекторию, то и вагон с определенной силой действует на рельсы. Вторая часть ОТО подобна рассмотрению поведения рельсов: кроме сил со стороны вагона, надо учесть упругость рельсов и их связь со шпалами, с насыпью. Можно сказать, что уравнения Эйнштейна описывают упругость пространства... может быть, эта упругость целиком определяется эффектами поляризации вакуума».

Слова «может быть» Я. Б. Зельдович употребляет, конечно, не случайно: пока нет экспериментальных подтверждений, гипотеза остается гипотезой. Какие именно варианты окажутся тут истинными, предсказать трудно. За одно лишь можно поручиться: любая единая теория поля будет теснейшим образом связана со свойствами физического вакуума, опираться в своих выводах на эти свойства и в то же время их объяснять.

Со всего света

● В одной компании зашел разговор о несовершенстве человеческого организма. Какая-то дама заметила:

— А все потому, что, когда бог творил мир, наука была еще на низком уровне.

● — Расскажи, как ты сдавал экзамен, — попросил один студент другого.

— Как в церкви!

— Как это!

— Представь себе: профессор в черном и я в черном. Профессор задает вопрос — я начинаю креститься. Я отвечаю — крестится он.

В конце XVIII — начале XIX века в Европе растет интерес к Востоку. Туда, в неизвестные края, устремляются путешественники — ученые, влекомые жадной открытий, искатели приключений, любители странствий. Их сообщения об экзотических странах публикуются в альманахе «Сокровищница Востока», в научном журнале «Ежемесячная корреспонденция по изучению земли и неба», других изданиях.

Одну из первых крупных научных экспедиций на Восток совершил в 1761—1767 годах воспитанник и профессор Геттингенского университета Карстен Нибура. Вслед за ним в Аравию отправляется врач и естествоиспытатель Ульрих Зеетцен, тоже геттингенец.

О некоторых эпизодах его путешествия, которое было настоящим научным подвигом, рассказывается в отрывках из книги Т. Путинцевой «Следы ведут в пески Аравии». Книга подготовлена к выпуску в издательстве «Наука».

...Годы в университете промелькнули быстро. В 1789 году Зеетцен защитил диссертацию. Но странное дело — чем больше он совершенствовался в медицине и естествознании, тем меньше ему хотелось быть врачом или естествоиспытателем. Сидеть на месте и лечить больных или производить опыты над растениями казалось ему слишком прозаическим занятием в век, когда в мире существовало еще столько неизвестных земель. Зеетцена буквально лихорадило от неудержимого стремления к странствованиям, открытиям, в которых он видел единственное применение своей бурной энергии.

— Когда же наконец ты приступишь к врачеванию, Ульрих? — спросил его однажды отец. — На нас в Евере¹ эпидемии обрушиваются одна за другой. Ты бы мог принести облегчение согражданам.

И Ульрих решил на откровенный разговор, развернул перед отцом свои грандиозные планы. Он хочет совершить обстоятельное путе-

шествие по малоизведанным землям Сирии и Палестины, оттуда по Красному морю переправиться в Аравию, проследовать по маршруту Карстена Нибура, конечно же, превзойти его и непременно посетить святая святых ислама — Мекку и Медину; затем добраться до берегов Африканского континента и, присоединившись к попутному каравану, проникнуть во внутренние районы Африки.

«Если мне повезет и я останусь жив, — пишет Зеетцен своему покровителю астроному фон Цаху, близкому к семье герцога Готы, — то я надеюсь этим путем достигнуть и западных берегов этой части света» (Африки. — Ред.).

Чтобы фон Цах поверил в успех нелегкого и опасного путешествия, Зеетцен описывал меры предосторожности, которые он собирался соблюдать. Он намерен для сохранения собственной жизни придерживаться обычаев тех стран, через которые будет идти: соблюдать диету, не пить крепких напитков, не есть мяса, одеваться так, как одеваются на Востоке, овладеть арабским языком и его диалектами, с тем чтобы не отличаться от местного населения, а если окажется нужным — назваться мусульманским именем и даже принять ислам.

По этому поводу Зеетцен в своем плане писал следующее: «Под маской религии (а в наше время и политики) скрываются преступники, о чем разум скорбит, и неизвестно, чего больше приносит людям религиозная и политическая системы — пользы или вреда». И посему он, Зеетцен, не придает религии никакого значения и заранее признается в том, что он, лютеранин, согласен среди католиков быть католиком, среди православных — православным, среди несториан — несторианцем, а среди мусульман — мусульманином.

Все устраивалось в пользу задуманного путешествия. Герцог Готы Эрнст II согласился финансировать пребывание ученого на Востоке. Семья Зеетцена, вначале взбунтовавшая против его отъезда, в конце концов согласилась, а брат — пастор снабдил его картой Палестины (впрочем, не столько для того, чтобы Ульрих пользовался ею, сколько в надежде получить уточненный ее вариант).

И вот приготовления окончены. Прошлое как не бывало, впереди романтический Восток. 13 июня 1802 года началось путешествие.

Теперь Европе предстояло следить за его продвижением по Востоку: Ксавер фон Цах с первого же дня стал печатать сообщения о путешествии Зеетцена и присылаемые им материалы в своей «Ежемесячной корреспонденции».

Первый восточный город — Константинополь. Пробыв здесь шесть месяцев, он, по собственному признанию, «сам едва не стал турком» — столь глубоко удалось ему проникнуть в характер и обычаи местного населения.

После Константинополя — Смирна, за ней — Алеппо, где он основательно изучил арабский язык. Прибыв в Дамаск в апреле 1805 года, Зеетцен за два пиастра выправил себе паспорт на имя Мусы Хакима. Сразу же водрузил на голову большую янычарскую шапку, привезенную из Алеппо, обмотал шею большой пестрой шалью и отправился бродить по городу...

Дамаск очаровал Зеетцена обилием садов, кипарисами и пальмами, прозрачным воздухом. Недаром город этот на Востоке называли то «Ожерелье красавицы», то «Перья райского павлина». По-восточному витиевато, но очень похоже.

Зеетцен пересчитал все достопримечательности и подробно описал их: 8 городских ворот, 143 мечети, 7 церквей, 3 медресе, 64 бани, 20 ткацких мастерских, 7 мыловарен, 119 кофеен.

В той части Сирии, которую он исколесил, он исследовал буквально каждую пядь земли и подробнее все описал, не минуя ни разрушенных городов и крепостей, ни самых крошечных селений.

Исследование Зеетценом Мертвого моря ученыя Европа в восхищении назвала научным подвигом. С опасностью для жизни, один, пешком прошел он весь его восточный берег. До него здесь не был никто из европейцев. Он составил первую кар-

¹ Город в Ангальт-Цербстском княжестве, близ которого родился Зеетцен. В 1793 г. еверские земли перешли во владение русской императрицы Екатерины II по наследству от ее брата Фридриха-Августа. Поэтому еверские жители, в том числе и Зеетцены, считались русскими подданными.

ту Мертвого моря, исследовал источники, питающие его, изучил свойства воды, определил концентрацию в ней соли и подробно описал оказавшиеся чрезвычайно богатыми флору и фауну этого, до тех пор совсем неизвестного и потому слывшего безжизненным места. Так пришел конец сказкам о Мертвом море.

В Иерусалиме он провел несколько месяцев. Прежде всего его удивило отсутствие религиозного пыла в монахах, которых здесь множество. По всей видимости, их утомляло механическое выполнение каждодневной обрядности. Зеетцену казалось, что в столь священном месте, возле самого «гроба господня», надо бы иметь больше благочестия.

Помимо 2 францисканских монастырей Зеетцен насчитал в Иерусалиме 15 мечетей, 5 синагог, 2 армянских монастыря, 9 православных мужских и 5 женских монастырей (2 специально для вдов). Маленькие монастыри были и у коптов, и у яковитов, и у эфиопов.

Все монастыри враждовали друг с другом. С конца XVIII века эта вражда усугублялась из-за соперничества европейских держав в борьбе за покровительство «святым местам», и распри происходили не столько между различными вероисповеданиями, сколько между представителями разных стран.

Когда идет служба во францисканском монастыре, никого из не католиков не допускают. Столь же скрытно проводится богослужение в православных монастырях, как слышал Зеетцен, самых богатых в городе. Зато в армянский монастырь волен прийти человек любой религии. Зеетцен этим незамедлительно воспользовался и стал свидетелем красочного зрелища. К мечетям же — не подступиться.

...Два года он провел в Каире и за это время значительно пополнил восточные коллекции Готы и Геттингена, предоставив богатейший материал естествоиспытателям и лингвистам и заложив основы будущего музея Готы. Он торопился спасти для науки то, что истлевало, разрушалось, грозило исчезнуть совсем...

Наконец, 23 марта 1809 года Зеетцен делает запись в дневнике: «Ну вот я и заканчиваю свой дневник. Начинаю укладываться». Затем он отсылает дневник вместе с коллекциями и рукописями в Европу и покидает Каир.

Теперь у Зеетцена одна дорога — в Мекку и Медину. Он страстно мечтал совершить паломничество и присоединить к своему арабскому

имени словечко «хаджи». Карстен Нибур не рискнул на это. Но он, Ульрих Яспер Зеетцен, должен достичь большего, чем кто бы то ни было. Жаль, что в Мекке уже побывал в 1503 году Лодовико ди Вартема. В 1607 году был там и немец Иоганн Вильд — правда, его привозили туда в качестве раба, а англичанину Джозефу Питсу, писавшему о своем посещении Мекки в 1680 году, вообще едва ли можно верить. Всех других постигла смерть.

Добравшись до Янбо, Зеетцен идет с рекомендательным письмом к местному купцу просить совета. Однако тот настроен пессимистически. Европейцу попасть в Мекку и всегда было практически невозможно, а сейчас это стало просто невысказано. К тому же суда из Янбо в Джидду не ходят, так что морем туда не доплыть. Власть ваххабитов² распространилась на весь Аравийский полуостров (за

исключением Йемена и Хадрамаута) — от Красного моря до Персидского залива. В Мекке и Медине стоят ваххабитские гарнизоны. Последний караван паломников, направлявшийся из Дамаска в сопровождении турецких солдат, был остановлен и разграблен, охрана перебита. Протурецки настроенный правитель священного города бежал. Восточные ворота Джидды, через которые паломники проходят в сторону Мекки, — под неусыпным надзором ваххабитов. А в Медину, где похоронен пророк Мухаммед, говорят, вообще не пробраться.

Но Зеетцен не отступает: как и другие паломники, он пойдет в

² Последователи религиозно-политического течения, возникшего в XVIII в. в Аравии. Они выступали за «чистоту» ислама, «подлинное» единобожие, осуждали роскошь, паломничество к мазарам и т. д.

● Молитвенный зал мечети Омейядов в Дамаске (VIII в.). Подковообразные арки опираются на высокие, изящные колонны, что свидетельствует о влиянии античной классики.

Джидду пешком. Он не сомневался в успехе. Сейчас толпы людей тянутся на юг. Ему будет нетрудно затеряться среди них. А если возникнут какие-то недоразумения, то у него есть бумага. Там ясно говорится, что он хоть и русский подданный, хоть и «франк», но зовут-то его Муса аль-Хахим.

У селения Рабай паломники вдруг закричали: «Ляббайк! Ляббайк!» — традиционный возглас арабов, означающий покорность, послушание и повиновение. Затем они стали сбрасывать свои одежды и облачаться в ихрам, в котором должны предстать перед Каабой.

Зеетцен был осведомлен об этом ритуале, но не припас двух кусков миткаля, рассчитывая принять соответствующий вид в Джидде. Ихрам — не простая формальность, этот ритуал призван символизировать первоизданную чистоту человека, прибывающего в Мекку без всяких покровов, без всяких телесных преград между собой и богом. Тот, кто облачился в ихрам, должен соблюдать определенные правила: не бриться, не чесаться, не ссориться, не приближаться к женщине, не проливать крови, не убивать даже насекомых, не срезать ветки деревьев.

В Джидде Зеетцен остановился в доме некоего Абдаллаха ас-Сукката, в котором обрел доброжелательного советчика и покровителя. Он приходил в отчаяние, когда Зеетцен заговаривал о Мекке.

— Я не вникаю в причины, по которым ты решился на этот шаг, — говорил он, — но это невозможно.

И в назидание рассказывал Зеетцену истории — одна страшнее другой. Но Зеетцен был как одержимый. В Европе не видели даже изображения Мекки. А вот он начертит ее точный план. Об этих своих намерениях он не говорит хозяину, напротив, восхваляет ислам и клянется, что мечтает стать истинным мусульманином.

— Хорошо, я попытаюсь помочь тебе, — сказал наконец Абдаллах. — Ты увидишь то, что не дано увидеть людям твоей страны. Слушай меня внимательно, и ты дойдешь до цели.

Оказывается, для обращения в мусульманство достаточно несколько раз произнести основную формулу ислама: «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха!» Затем надлежит совершить ритуал омовения перед молитвой и прочесть сами молитвы — утреннюю, полуденную, послеполуденную, при заходе солнца и в начале ночи. Разумеется, следует неукоснительно соблюдать все, чего требует мусульманская вера. Но для полного обращения, для истинного проникновения в ислам неплохо было бы выучить наизусть весь Коран, положения шариата, Сунну и многое-многое другое.

У Зеетцена появился еще один

учитель — мусульманский богослов шейх Хамза. Со времен Геттингена Зеетцен не занимался столь усердно. 31 июля 1809 года его обращение совершилось. Зеетцен получил фирман, свидетельствующий, что он — мусульманин Муса аль-Хахим, но вообращенный. 8 октября переоделся в ихрам, который принес ему шейх Хамза, и почувствовал себя удивительно легко и свободно. Приближался последний месяц года — зуль-хиджа, когда и следовало совершать хаджж³.

Вот и заветные Ворота Спасения — Баб эс-Салам, на восточной стороне Джидды. Именно здесь христианам, иудеям и идолопоклонникам грозили смерть или насильственное обрезание. На каменной ограде зловещим предупреждением чернели железные крюки для неверных, дерзнувших ступить на священную землю. Зеетцен, внутренне содрогаясь, зашагал дальше.

Далее начиналась заповедная земля — «харам». Она невелика, границы ее со всех сторон давно точно определены. Таинственные знаки отмечали начало харама, пункты остановок караванов. Дорога петляла по бесплодной каменной пустыне, окруженной горами, и полого поднималась вверх. А вот это место на самых подступах к Мекке называется «Таним». Оно уже вовсе запретно для неверных. В XVII веке оказавшихся здесь христиан и иудеев сжигали.

Зеетцен шел от Джидды двое суток и достиг Мекки ночью 10 октября 1809 г. Среди гор, в небольшой долине спрятана от всего мира святая святых ислама. Но в темноте он ничего не смог увидеть — возникло только ощущение необычности места, его таинственного прошлого и странной нынешней судьбы. «Ведь именно сюда обращены пять раз в день взоры миллионов мусульман всего земного шара», — подумал Зеетцен.

Каждый пришедший в Мекку обязан найти себе проводника — матвафа, который обеспечит паломнику ночлег и пищу и будет следить, чтобы он не совершил ошибки в выполнении ритуальных обрядов и молитв: в процедуре хаджжа столько тонкостей, что никакому, даже самому истовому мусульманину одному не справиться. Зеетцену же был просто жизненно необходим такой человек, который бы ему все объяснял и руководил каждым его шагом.

Зеетцен обратил внимание на то, что в отличие от других восточных городов Мекка не обнесена стеной — естественной оградой ей служат горы. Через весь город тянется широкая улица — Мессаи, к которой с гор сползают ярусами дома, высокие, из неотесанных камней различной формы. Во время хаджжа всем места в домах не хватает, и многим паломникам приходится спать под

открытым небом. Посреди Мессаи в самой нижней части долины — площадь. Это и есть знаменитый священный комплекс — мечеть Харам аш-Шериф, или Бейт-Алла, что значит «Дом Аллаха».

Матваф начинает свои объяснения: — Взгляни, правоверный! Перед собой ты видишь центр мироздания. Ты думаешь, это земля? Нет, правоверный, это часть неба, опрокинутая на землю. И в последний день существования мира она на небо и вернется.

Зеетцен осматривается. Площадь, похожая на традиционный восточный двор, только гигантских размеров, окружена в три и в четыре ряда тонкими колоннами из мрамора, гранита и обыкновенного камня, соединенными поверху стрельчатыми арками и покрытыми множеством маленьких белых куполов — их более ста пятидесяти. Над ними возвышается семь стройных минаретов. Вплотную к площади примыкает несколько зданий — здесь во время хаджжа живут богачи. Зеетцен читал раньше, что первые дома и колоннада построены во времена халифа Омара, примерно в 638 году, но ведь с тех пор многое, и не раз, перестраивалось.

В центре площади — огромный каменный куб футов 40 в высоту, с плоской крышей. Это и есть Кааба, некогда языческое святилище, а ныне главный храм ислама. Окон в Каабе нет. Дверь, обитая листами серебра, выше земли футов на семь, поэтому в храм можно попасть только по деревянной лестнице, которую специально подкапывают во время хаджжа. Дверь открывают всего два-три в год, но не для каждого, а лишь для тех, у кого есть большие деньги или особый фирман.

Сверху, примерно на три четверти своей высоты, Кааба покрыта черным шелковым полотнищем, на котором золотом и серебром вышиты изречения из Корана.

— Это покрывало называется кисва, — говорит матваф и, заметив, что ветер колышет его, добавляет: — Видишь? Семьдесят тысяч ангелов летают вокруг Каабы.

Зеетцен пытался прочесть куфические надписи на покрывале.

— Их вышивают в Каире, по повелению турецкого султана. Это почетное право принадлежит одной семье, которая передает его из поколения в поколение по наследству. И египетский караван к моменту хаджжа доставляет эти покрывала сюда. После хаджжа кисву заменяют.

— А с этим что делают? — спросил Зеетцен.

— Если не знаешь, потом увидишь

³ Паломничество в Мекку и Медину, одно из основных требований ислама.

сам, правоверный. Может быть, и тебе выпадет счастье...

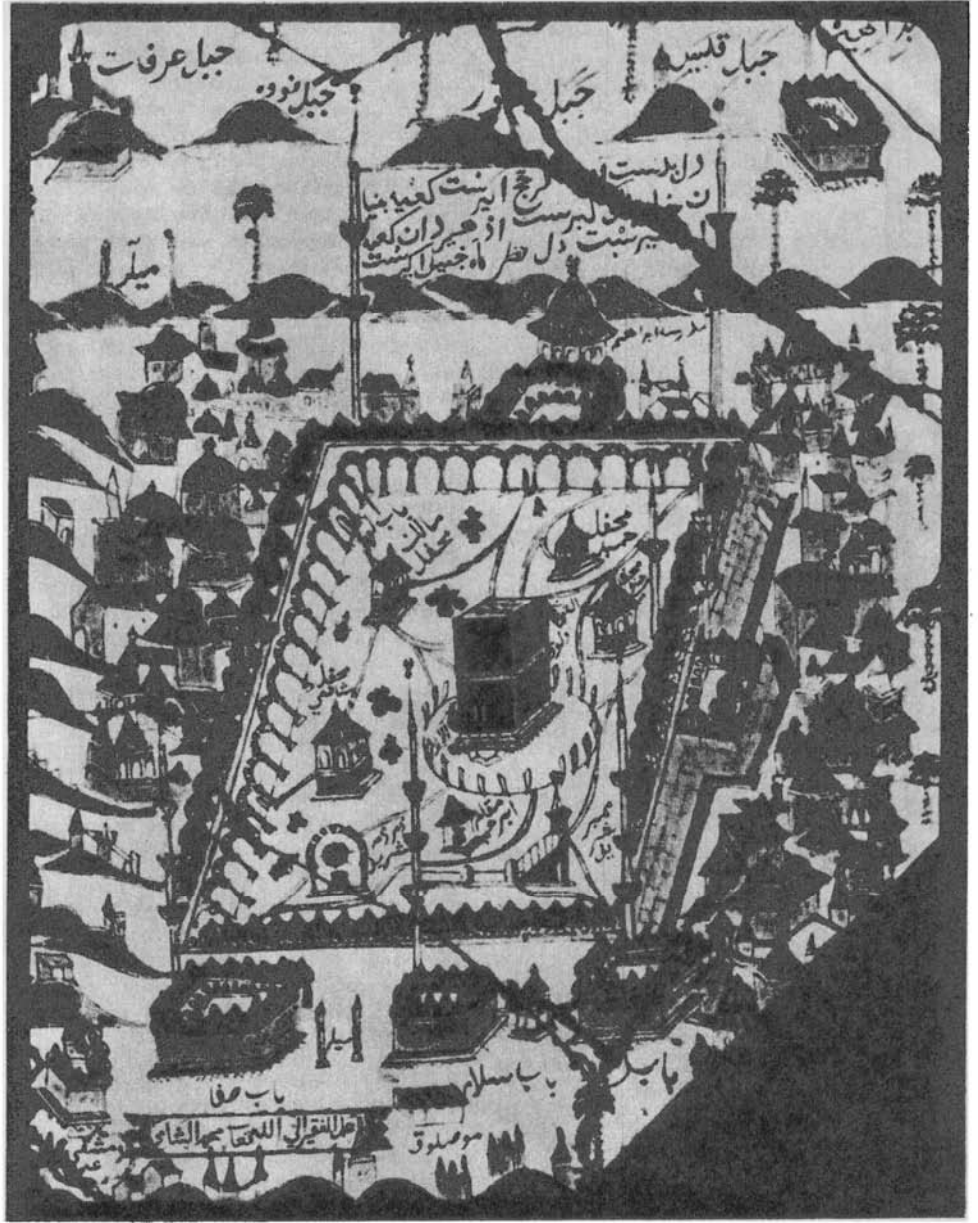
Но самым примечательным был «черный камень» — «аль-Хаджар-аль-асвад», вделанный в угол Каабы выше земли и чуть ниже человеческого роста. Согласно преданию, камень спустил библейскому Аврааму (у арабов он зовется Ибрагимом) с неба архангел Гавриил, в исламе зовущийся Джебраилом. В те времена камень якобы сверкал такой яркой белизной, что его было видно за четыре дня пути до Каабы. Но постепенно от грехов человеческих он темнел и темнел, пока не стал почти совсем черным...

Проводник продолжал свои объяснения. «Мне надо зарисовать эти места, начертить план, — думал между тем Зеетцен. — Как это сделать? Он следит за мной. Но все должно быть изображено точно, без ошибок. Запомнить... Или потом... во время хаджжа? Тогда будет много народа. Кто заметит?» А сам послушно следовал за матвафом.

Около Каабы — священный источник Земзем. В этих засушливых краях появление Земзема похоже на чудо. У мусульман есть об этом легенда. Когда жена Ибрагима Сарра почувствовала, что она стареет, не подарив мужу потомства, она послала его к своей служанке египтянке Агарри. Та родила Ибрагиму сына Исаила, но Сарра, тогда же родившая Исаака, выгнала из дома Агарь с маленьким сыном. Они чуть не погибли в пустыне от жажды, но архангел Джебраил сжалился над ними — он ударил о землю крылом, и появился Земзем. «Как похожи все эти легенды в разных религиях! — думал Зеетцен. — На Синае вода появилась после того, как Моисей ударил о землю посохом».

Почти целый месяц Зеетцен бродил по Мекке. Чем-то неуловимым она напоминала ему Иерусалим — такие же камни, почти вовсе лишённые растительности, та же мертвенная засухленность священных мест, то же оживление в момент появления паломников и тот же религиозный фанатизм толпы. Другая вера, другие нравы, иные ритуалы — атмосфера та же. В городе грязно. Когда идет дождь, потоки воды разливаются по немощным улицам, превращая их в черное месиво, ибо сточных канав нет.

О том, чтобы сделать точный план города и священной мечети, пока нечего было и думать. Зеетцену все время казалось, что за ним следят. И он усерднее, чем настоящие мусульмане, совершал на площади пятикратную молитву. Порою ему удавалось вытащить карандаш. Но у Каабы никогда не бывало безлюдно, а вызвать подозрение правоверных означало для него гибель. И все же он всегда держал в руке кусочек бумаги, пытался делать наброски.

● Керамическая плита (XVIII век) с изображением плана Мекки.

За порядком в Мекке следили надзиратели-ваххабиты с кремневыми ружьями и длинными кинжалами. Зеетцен тщательно соблюдал все обряды хаджжа, все шло гладко, но в глубине души таился страх...

Основная процедура — это «таваф», «обход», семикратное шествие вокруг Каабы. Матваф внушал Зеетцену, что оно символизирует божественный порядок, согласно которому все существа подчинены единому центру, солнечной системе, воплощенной в боге. Тысячи людей, столпившиеся у мечети, действительно образовали некую мистическую круговерть. Но если семь раз обойти вместе с толпой вокруг Каабы было не так уж трудно, то поцеловать черный камень оказалось значительно сложнее. Около камня, этой крупницы вселенной, втиснутой в массивную серебряную оправу, вдруг разом очутилась охваченная религиозным

экстазом масса людей, друг друга не видящих, отталкивающих, давящих насмерть.

Все в Зеетцене содрогнулось от отвращения, ему хотелось бежать. Но разве это возможно? Людской поток подхватил его, сжал и понес, словно песчинку. И вот он вступил на овальную мраморную площадку, гладко отполированную подошвами сотен тысяч правоверных. Площадка окружена бронзовыми столбиками, а между ними на цепях висят стеклянные лампы. Зеетцен пытается втиснуть лицо в серебряную оправу. Камень вдавлен глубоко внутрь ее, он вытягивает шею, не для того, чтобы его целовать, нет, а чтобы лучше рассмотреть. Да ведь камень и не черный вовсе, а серый! Он хорошо разбирается в горных породах, но такой не знает. Каково же его происхождение? Вулканическое? Эти прозаические мысли несколько успокаивают его.

Затем полагалось выпить воды из источника Земзем. Хранитель источника среди беснующейся толпы казался мраморным изваянием. Механическим жестом он наполнял чашу и безмолвно протягивал ее очередному паломнику. Зеетцен слышал, что иногда по повелению эмира хранитель бросает в чашу яд и выпивший ее умирает мгновенно. Здесь это никого не волнует и даже не задерживает процедуры. Дрогнувшей рукой Зеетцен взял чашу и проглотил теплую горьковато-соленую жидкость...

Теперь предстояло исполнить ритуал «сай». Это значило семь раз пробежать туда и обратно всю главную улицу Мекки, расположенную между священными горами Сафа и Марва, длиной более четырехсот метров. Сай — это повторение мучительных метаний Агари по раскаленной пустыне в поисках воды. Слово «сай» означает «иди быстро, беги», но Зеетцен заметил, что бегут далеко не все. Не у всех одинаковое рвение и физические силы.

На восьмой день месяца зуль-хиджжа из Мекки отправлялась огромная процессия на холм Арафат, где правоверные должны прослушать проповедь мекканского имама и совершить специальные молитвы. Только посетивший этот холм получал титул «хаджи». «Арафат» значит «узнавание». По преданию, именно на этом месте встретились и узнали друг друга Адам и Ева, после того как были изгнаны из рая. С этого же холма якобы архангел Джебраил являлся пророку Мухаммеду. В долине у подножья Арафата полагается провести день и ночь.

Рано утром все те тысячи паломников, которые накануне в Мекке молились, кружили вокруг Каабы, пили воду Земзема, бегали по главной улице святого города, погрузили на верблюдов и ослов тюки с поклажей и устремились к Арафату. Сутолоки предыдущих дней как не бывало, процессия шествовала спокойно и величественно. Зеетцен успевал не только рассматривать спутников, но и тайком отмечать на бумаге все пункты по дороге.

Многотысячная человеческая масса заполняет долину. Приближаясь к холму, все молятся и кричат «лялбайк!», будто призывая небо в свидетели своего религиозного усердия...

Перед восходом солнца все зашевелилось, зашумело. И когда от гладкого гранита Арафата отразился солнечный луч, на вершине холма верхом на верблюде показался имам. Началась проповедь: «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Клянись горой, и книгой, начертанной на свитке развернутом, и домом посещаемым, и кровлей вознесенной, и морем вздутым... Клянись зарею и десятью ночами, и четом и нечетом, и ночью, когда она движется»... Это

длилось почти до самого вечера. Солнце палило нещадно. Бессмысленные слова застревали в ушах, но отступить было некуда — он должен был пройти этот мучительный путь до конца, он сам его выбрал. А вокруг, словно грозное предостережение, кое-где виднелись кучки камней, обозначающие места захоронений паломников, не доживших до завершения хаджжа.

И все же самое страшное было впереди. После проповеди все паломники отправлялись в деревню Мина для жертвоприношения. Как сказали Зеетцену, надо будет идти через Муздалифа, но он не предполагал, что Муздалифа — это узкое ущелье, в которое должны втиснуться сразу тысячи человек, обезумевших от жары и многочасового стояния в неподвижности. Ущелье это стало могилой многих сотен людей. Паломники кричали, напирали, отталкивали друг друга — им надо было не просто пройти по ущелью, но и набрать при этом как можно больше мелких камней и завязать их в ихрам.

На другой день, когда вся толпа пришла в Мину, эти камни были пущены в ход. Мина — это всего одна улица домов, на которой высятся три колонны — «столбы дьявола». Мусульмане верят, что именно тут дьявол нагнал Ибрагима и побил его камнями. И вот теперь в отместку за оскорбление паломник должен бросить по семь камней в каждый столб.

Зеетцен взирал на это массовое действо с изумлением. Что это — игра? Конечно, здесь налицо отголоски языческих обрядов. Кажется, никто и не мог добросить камень до столба, они летели в паломников. Зеетцен едва успевал прикрывать руками голову.

Но и это было еще не все. После избиения «дьяволов», на десятый день месяца зуль-хиджжа, наступал ид аль-адха, праздник жертвоприношения. Зеетцен записал у себя в дневнике, что он отмечает в честь чудесного спасения сына Ибрагима Исмаила, которого отец хотел принести в жертву именно здесь, в Мине. Мусульмане, в отличие от библейской легенды, где жертвой Ибрагима (Авраама) называется Исаак, считают, что это был именно Исмаил. От него и ведут свой род северные арабы. На один этот день в Мину сгоняют стада со всей Аравии. Купив овцу или барашка, паломник поворачивается лицом в сторону Каабы и перерезает животному горло. Деревня превратилась в выставленную напоказ бойню. Над маленькой Миной неслись хрипы, крики, отчаянное блеяние тысяч овец. Абдаллах ас-Суккат снял и в Мине дом специально для того, чтобы Зеетцен смог все хорошенько рассмотреть. Но этого кровавого зрелища наш путешественник не смог

выдержать. Забившись в угол, он лишь затравленно огрызался на чувственные слова Абдаллаха...

Вернувшись в Мекку, они застали город сильно изменившимся. Повсюду еще толпился народ, но напряжение спало. Ихрам, еще недавно белоснежный, стал у всех паломников темно-серым от грязи и пота. А на Каабе появилось новое покрывало. Старое же разрезали на куски и продавали новоявленным хаджи. Те, кто побогаче, могут купить себе большой кусок и шить из него жилет — мусульмане верят, что он защитит владельца от ударов. Из маленьких кусочков хаджи обычно делают закладку для Корана. Торговля кисвой, в отличие от любой восточной купли-продажи, проходит тихо, степенно. Перед отъездом наполняют сосуды водой из источника Земзем, чтобы увезти ее домой. Иные обмакивают в нее свои одежды.

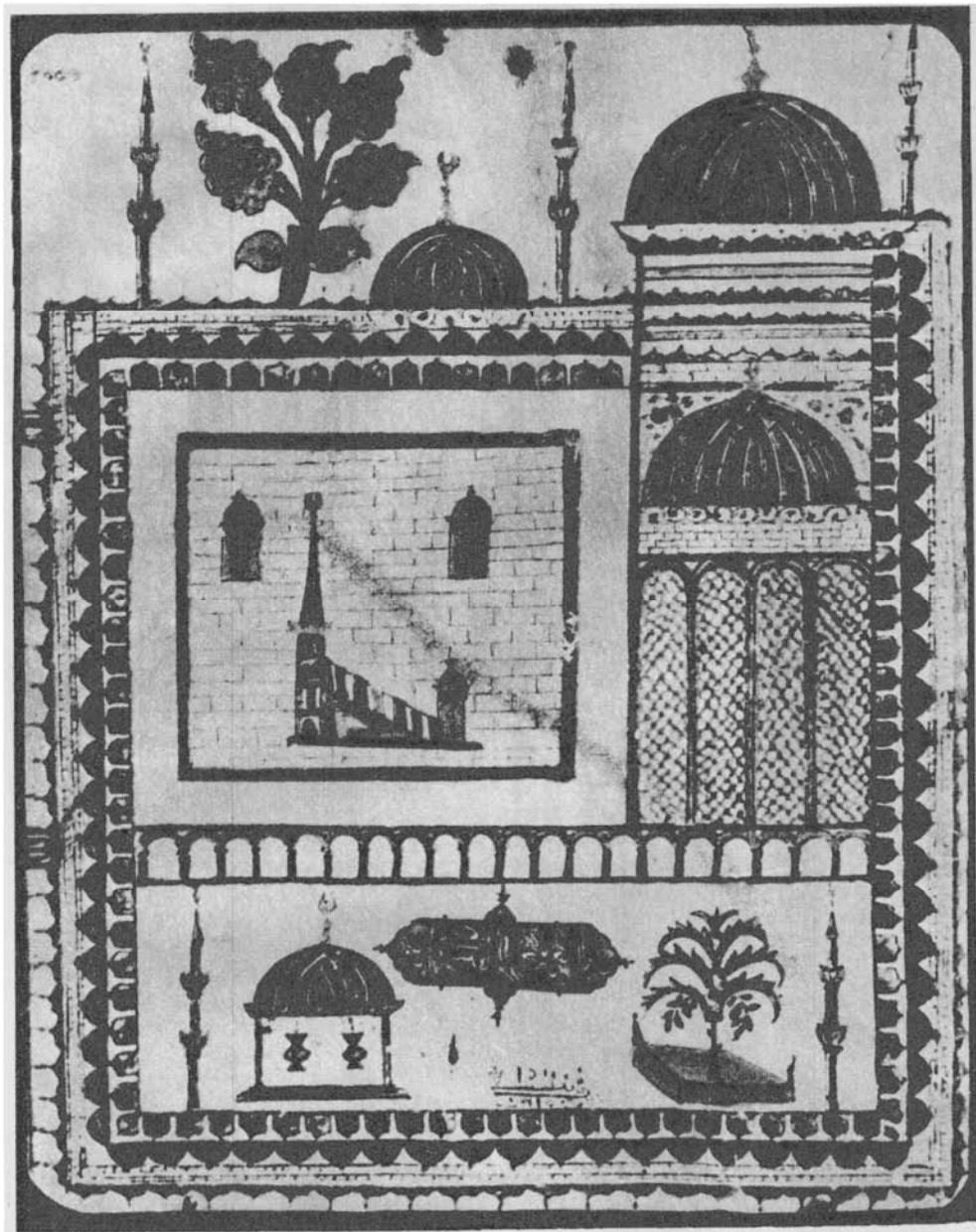
За пределами Харам аш-Шерифа шла более оживленная торговля. Где скопище людей, там и базар — так уж повелось на Востоке с незапамятных времен. В дни хаджжа в Мекку доставляют товары не только со всей Аравии, но, пожалуй, и со всего мусульманского мира. Здесь продают четки из кораллов, драгоценных камней, дерева и священные книги, фески и сафьян, ковры и шелка, платки и сандалии, оружие и ювелирные изделия и многое другое, чем славятся восточные ремесла, хотя в самой Мекке ремесла не развиты. Базар завален прекрасными фруктами всех сортов — тоже привозными. Торгуют в Мекке все — ученые богословы и плотники, бедные бедуины и богатые купцы, проводники и шейхи. Во время хаджжа цены поднимаются неимоверно. Зеетцен узнал, что в Мекке торгуют и рабами, для чего существует специальный рынок.

23 марта 1810 года Зеетцен вернулся в Джидду. Немного отдохнув, он начал подумывать о путешествии в Хадрамаут — область на крайнем юге Аравийского полуострова.

С небольшими отклонениями Зеетцен повторял маршрут Нибура в песках Аравии: Ходейда — Бейт-эль-Факих — Забид — Дамар — Кусма — Таиз.

2 июля 1810 года Зеетцен прибыл в Сану. Здесь его заподозрили в колдовстве и обвинили в том, что он во время своих непонятных странствий ловит животных, убивает их и делает из трупов настой, которым отравляет источники. На допросе он объяснил свое путешествие стремлением к познанию, а коллекции — интересом врачавателя. В роли хаджи Мусы аль-Хакима он чувствовал себя уверенно и держался независимо. Это подействовало на обвинителей, и его отпустили с миром.

И снова он шагает по землям,

● На этой египетской керамике XVII века — примерная схема расположения святых мест Медины, в первую очередь дом Мухаммеда, по образцу которого впоследствии стали строить мечети.

Фото из журнала
«Курьер ЮНЕСКО»

описанным его предшественником Нибуром. Пытается что-то уточнить, что-то добавить, найти и увидеть то, чего Нибур не нашел и не увидел. Множится количество записей, пополняются коллекции йеменских птиц, животных, насекомых, растений, горных пород. Теперь ему уже не обойтись даже двумя верблюдами. Ящики с накопленным багажом, вторые экземпляры записей, которые Зеетцен предусмотрительно делает, он отправляет в Европу или в Каир, где планирует пожить год, прежде чем отправиться дальше в Африку...

В древности в Южной Аравии существовало Химьяритское царство. Прочитав об этом у греческих историков, Зеетцен кружит здесь в поисках его следов. Он попадает в бывшую столицу царства город Зафар и обнаруживает несколько

каменей с непонятными письменами. Такие же встречаются ему и в Москате на камнях, составляющих стену мечети. Эти письменные свидетельства существования южноаравийской цивилизации он тщательно копирует.

Через Лахдж он добирается до Адена, а затем берегом моря приходит в Моху. Можно наконец спокойно просмотреть все записи, разобрать коллекции, заняться почтой, подготовить отчеты и научные статьи.

Декабрь 1811 года. Зеетцен упаковывает свои богатства. Почти все здесь предназначено для музея Готы. Впереди — снова трудный путь, никем не изведанный, никем не пройденный. Зато как увеличатся его коллекции! И сколько новых городов, селений, руин он обнаружит там, какие подробные карты составит! Его багаж необъятно велик, приходится

нанять целый караван — семнадцать верблюдов...

Ксавер фон Цах, ненадолго приехавший из Милана в Готу, посетил редакцию своего бывшего журнала. И вдали от Германии он неустанно продолжал следить за публикациями «Ежемесячной корреспонденции». Скромный кабинет его преемника Бернгардта фон Линденау был погружен в полумрак. Тяжелые шторы отгораживали кабинет от внешнего мира.

Один из первых вопросов фон Цаха был:

— А что слышно о нашем милом путешественнике Ульрихе Зеетцене? Я давно ничего не получал от него. Последние его послания были из Мохи.

Фон Линденау молчал.

— Он переменил маршрут? Вам что-нибудь известно? — переспросил фон Цах.

— Известно немного, но большего, верно, никогда и не узнать, — ответил наконец фон Линденау. — Зеетцен убит через два дня после того, как покинул Моху...

Число материалов, отправленных Зеетценом с Востока, огромно. Больше полутора тысяч рукописей, сотни дневников и записей, сотни гербариев, несколько тысяч предметов древности, восточных украшений, египетская домашняя утварь, забальзамированные ибисы, мангусты, змеи и другие пресмыкающиеся, чучела животных и птиц и многое другое. А пропало куда больше... Немецкий историк и географ Фридрих Крузе возглавил поиск исчезнувших коллекций и рукописей. Потребовалось сорок лет, чтобы объединить и систематизировать все, что осталось от путешествия Ульриха Зеетцена.

В 1854—1856 годах Крузе опубликовал три тома дневников и записей Зеетцена, сопроводив их своей статьей и обширными комментариями, составившими отдельный том. Крузе спрашивал себя: не устарели ли эти материалы за прошедшие годы? И сам отвечал: нет, не устарели, как не устаревает история «для всех тех, кто ценит научную истину — самый надежный якорь в этом ненадежном море жизни, точное познание прошлого и настоящего, далекого и близкого».

...В музее ориенталистики в Готе, небольшом городе недалеко от Веймара, хранятся — в экспозиции и в запасниках — коллекции Зеетцена. Если когда-нибудь судьба приведет вас в Готу, зайдите в этот музей — в арабском отделе вы обнаружите немало интереснейших экспонатов, добытых ценой жизни Ульриха Яспера Зеетцена.

Б. ЯУНИШКИС

Стасис Марконис вырос в небогатой семье потомственных служителей культа в литовском местечке Слабада, вблизи Укмерге. С раннего детства родные твердили, что он должен стать ксендзом. Впоследствии Марконис не любил вспоминать, как тяжело и долго тянулись годы учебы сначала в Каунасской духовной семинарии, а затем на богословско-философском факультете Каунасского университета имени Витаутаса Великого. Тем более что радости исполнение желаний семьи — принятый им сан ксендза — ему не принесло. «Чем дальше, тем труднее мне было отделаться от мысли о том, что религиозные представления и системы религиозных положений созданы не богом, а самими людьми», — писал он впоследствии. В 1937 году, после восьмилетней службы в приходах Шета и Жагаре, С. Марконис отказался от сана. В годы правления буржуазии отношение к таким священнослужителям было резко отрицательным, и на долю С. Маркониса выпало множество неприятностей. Прежде всего от него отвернулись родные. Долгое время он был без работы. А едва находил ее, как набожные ханжи делали все, чтобы отступнику снова отказали от места и от квартиры. Лишь в Советской Литве он получил постоянную работу: сначала учителем в Гедрайчае и Тракае, затем директором средней школы в Тельшяе. Здесь он стал активным пропагандистом материалистического мировоззрения, собрал единомышленников со всей округи, проводил конференции, совещания, выступал с лекциями. Человек он был добрый, отзывчивый, и к нему часто обращались за житейскими советами, за помощью. В 1961 году С. Марконису поручили организовать Музей атеизма Литовской ССР в Вильнюсе. Этому делу он отдал много сил и знаний. С. Марконис был страстным публицистом. Его перу принадлежат брошюры «Таинства», «Отпущение грехов». Уже после его смерти опубликован сборник статей «Вы говорите неправду, ксендз». Воспоминания С. Маркониса вошли в сборники «За монастырскими стенами» и «Боги умирают». Предлагаем вниманию читателей впервые переведенные на русский язык отрывки из книги воспоминаний С. Маркониса «Великая иллюзия», вышедшей в Вильнюсе (на литовском языке) в 1963 году.

ПОСЛЕДНИЙ АЛТАРЬ

Стасис МАРКОНИС

В августе 1936 года настоятель костела, где я служил викарием, вернулся из отпуска. Едва поздоровавшись со мной, он выпалил:

— Могу сообщить хорошую новость, ксендз! Вас назначают в другой приход, близко от Каунаса!

Я вежливо ответил: мол, я и не сомневался, что, служа в таком хорошем месте, вскоре сделаю карьеру.

Разговор этот можно понять, лишь зная его подоплеку. Мой начальник стал настоятелем благодаря покровительству каноника. В знак признательности за это он, имея машину «Опель», возил каноника всюду, когда бы и куда бы тот ни попросил. Естественно, что и все новости он узнавал раньше других. А избавиться от меня настоятель хотел уже давно. Мы с ним сразу не сработались, и при каждом удобном случае он жаловался на меня начальству. Однажды секретарь епископа рассказал мне о его претензиях: и Библию я не чту, и деяния господа у меня вызывают смех, и с иноверцами общаюсь...

А началось все с грозы. Мы с настоятелем находились в костеле, когда загремел гром. Молния ударила в башню, и осколки кирпича упали к ногам настоятеля. Он изрядно испугался, а я, чтобы разрядить обстановку, пошутил:

— Что же это господь ошибается — в свой дом позволил молнии попасть...

Взглянув на меня исподлобья, настоятель процедил: — Такие шутки, ксендз, к добру не приведут.

Я подумал, что он имеет в виду гнев господень, и лишь позднее понял, что ошибался.

...Я принадлежал церкви, но веры настоящей во мне не было. Уста повторяли формулы молитв, а разум подсказывал: все это — вздор. Алтарь для меня был пуст. С досадой глядел я, как верующие преклоняют перед ним колени, не ведая, что там, кроме позолоты, ничего нет. Но сказать им слово правды я еще не мог.

Мне и сейчас стыдно вспоминать свою нерешительность и лицемерие. И оправдание мое — лишь в общественной и политической обстановке той поры...

Получив приказ о переводе, я очень обрадовался. Закинул с вечера свои пожитки в кузов грузовика, который должен был утром увезти меня в новую жизнь, и всю ночь провел с друзьями. Настоятель не захотел со мной попрощаться — так я и не получил его благословения на дорогу.

С севера Литвы перебрался я на юг, к Неману, о котором столько сложено песен. В Вилькии настоятель костела Галкис встретил меня вежливо. Поселил в мансар-

де своего дома. Отдельного хода туда не было, и, чтобы попасть ко мне, нужно было прежде пройти через его комнаты. Таким образом, вся моя жизнь была на виду. Я уже решил, что ксендзом все равно больше не буду. Но через пару недель оказалось, что у меня нет никаких своих доходов и я должен быть благодарен настоятелю за то, что он меня кормит.

— Если кто-то заходил ко мне заказать молебен, он прежде всего попадал к настоятелю, и тот предлагал свои услуги. Когда же мне все-таки приходилось его заменять, он постоянно выражал недовольство тем, что я, обслуживая прихожан, привожу мало денег.

Надо сказать, что в Вилькии даже многие имущие прихожане особенной щедростью не отличались. А в домах, где я видел нужду, мне самому неловко было брать деньги. Однажды я бесплатно проводил в последний путь дочь бедняка. Настоятель вычел с меня потом пять литов, объяснив это тем, что, дескать, на катафалке не мои свечи горели. Пять литов и богатые-то редко давали. Обычная такса была от литы до трех. А порой бывало так: прихожанин дает деньги, а сам причитает — и то у него плохо, и это, и деньги чуть ли не последние. Пожалеешь, вернешь ему его литы — как будто на тетради и перья для детишек, а он потом на меня же и пожалуется: я, мол, пренебрег его пожертвованием.

Сам настоятель собирал денег больше. И я быстро понял: именно деньги — его главное божество. За жадность, за то, что он не подобающее его сану внимание оказывал женщинам, его не любили. Женщины о нем сплетничали, мужчины — рассказывали анекдоты.

Тем не менее я вспоминаю о нем с благодарностью, потому что он невольно поспособствовал моему освобождению от сутаны.

Дело обстояло так. На вербное воскресенье я остался в костеле один, так как настоятель отправился на богослужение в часовню прихода — километрах в десяти от Вилькии. И вдруг появляется крестьянин из тех мест и просит, чтобы я поскорее ехал с ним к больному. Я посетовал: он проделал такой путь, ведь там, совсем рядом, сейчас настоятель! А крестьянин и говорит, что он сразу же к нему обратился, но тот велел ехать за мной. Я не стал скрывать свою досаду — сказал, что нелепо ехать мне так далеко, в то время как его преподобию стоит одолеть всего лишь несколько верст. И не поехал. Мужичок, видимо, так и отрапортовал. А настоятель, вернувшись, ничего мне не сказал.

На второй день пасхи я был в Каунасе. Там-то я и узнал от товарища по курсу, викария кафедрального собора, что на меня подана жалоба и архиепископ хочет заточить меня в монастырь. Товарищ посоветовал, не выдавая его, опередить события и самому добиться приема у архиепископа.

Выслушав эту новость, я, вместо того чтобы испугаться, почувствовал, будто рождаюсь для новой жизни. Мной овладела одна мысль: вот она — долгожданная возможность захлопнуть за собой двери костела...

И я пошел в епархию. Там повстречался с деканом, который ко мне всегда относился хорошо. Он сам заговорил со мной, спросил, как мне работает в Вилькии. Я уклончиво сказал, что у нас отношения «дипломатические». Тогда декан рассказал о жалобе на меня и поинтересовался, что я намерен делать дальше.

— Отказаться от сана, ибо более не верю в бога, — решил я ответить.

Он не принял этого всерьез, полагая, видимо, что я сказал так сгоряча, и пообещал уладить дело с секретарем

архиепископа. Я же почувствовал, что свобода опять ускользает от меня, и решил сам поговорить с архиепископом Сквирецкасом. Его секретарь не советовал делать это: он, мол, тебя выгонит, и дело с концом. Но я добился своего. И архиепископ меня выслушал. Говорил же я вот о чем.

...Ксендз может быть хорошим формально, если зримых проступков за ним нет и, по сути дела, если он — верующий и честно выполняет все пастырские обязанности. А я, хотя формально не причисляю себя к плохим, но по сути плохой, так как не верю, не молюсь, не исповедуюсь.

Как ни странно, архиепископ отнесся к моим словам спокойно и посоветовал мне поехать за границу — «проветриться». Я ответил, что для этого у меня нет средств. Тогда он предложил взять отпуск на неопределенный срок и пожить у друзей-ксендзов. Я не согласился и с этим, заявив, что хочу работать в миру. Архиепископ пожал плечами и посоветовал мне не принимать «недостойную» работу. А прощаясь, бросил:

— Будь лояльным...

Я сразу даже не понял, что он имеет в виду, и, ничего не ответив, вышел. Только поразмыслив, сообразил, что это значит: забудь обо всем, что слышал и видел в церкви. Так же, как ты умел, будучи ксендзом, скрывать свои мечты и чувства, так и сейчас — покрывай церковь и их, оставшись. Не желая навлечь на себя гнев церкви, которая обладала большой силой, я тогда публично своими мыслями не поделился.

Этот разговор состоялся в апреле 1937 года, а официальное послание об отпуске я получил в июне. Таким образом, около двух месяцев я продолжал выполнять обязанности ксендза, хотя церковное начальство уже знало о том, что я не имею на это морального права. Верующие, наверное, могут удивиться: «Как же так, человек признался, что не верит в бога, а его оставили служить?» Но так было, и это свидетельствует о том, что церкви неважно, верит ли ксендз в бога или нет. Сам Сквирецкас меня уговаривал: «Возьми отпуск на неопределенный срок, а позднее захочешь — вернешься, не захочешь — не вернешься». Отпуск мне предоставили на полгода. Из этого тоже выходило, что на мои слова об утрате веры никто не обратил должного внимания.

Такая позиция церковного владыки объясняла мне больше, чем семь лет учебы в семинарии и в университете. Все наставления, которые мне довелось выслушать, все трактаты, которые пришлось прочитать, потеряли теперь всякий смысл. Неуверенность в себе исчезла. Осталась одна забота: с чего начать новую жизнь?

Как только представился случай, я сказал настоятелю костела все, что о нем думал. После этого он стал избегать встреч со мной. Даже десять в лишнем литов, которые мне причитались, он передал через другого викария.

У меня было много знакомых — и среди духовенства, и среди светских лиц. Бывая у них, я не скрывал своих убеждений. Мне было интересно услышать их мнение. То обстоятельство, что я не хотел больше быть ксендзом, никого не удивило, однако многие мне советовали не отказываться от духовного сана. Ксендзы постарше говорили:

— Ты думаешь, я верю? Исполняю свои обязанности, а есть ли там кто или нет — какое мне дело до этого...

НА СЕВЕРЕ ЛЕНИНГРАДА, на Выборгской стороне стоит каменная церковь — одно из самых старых строений Петербурга. Это Сампсониевский собор, заложенный на окраине новой российской столицы еще в 1728 году, рядом с одноименной деревянной церковью.

Строили собор неспешно — 12 лет, и почти до самого освящения по соседству с ним доживал свой недолгий век приземистый бревенчатый храм. Знаменитый храм, построенный в 1709—1710 годах по повелению Петра I в честь победы под Полтавой над армией шведского короля Карла XII.

Каменный собор унаследовал высокое предназначение своего предшественника. Возрожденный ныне реставраторами в исконном архитектурном облике, он отдан Музею Полтавской битвы.

Полтавская битва...

● Петродворец. «Самсон, раздирающий пасть льва» — самый крупный фонтан Большого каскада.

72 тысячи солдат (30 тысяч шведов и 42 тысячи русских) ринулись в беспощадную схватку. 104 орудия (32 — со шведской стороны и 72 — с русской) осыпали супротивные колонны и цепи «градом раскаленным».

Для полной победы русской армии хватило и половины летнего дня: под лучами полуденного солнца бежали остатки шведского войска. Почти каждый третий шведский солдат пал в бою. Да и русским победа досталась нелегкой ценой — 4635 убитых и раненых.

...Из шатра,

Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божья гроза.

Так описывал поэт российского императора. Наверно, он таким и был в разгар сражения. Но вот что интересно: долгожданная битва разразилась для Петра I в известной мере неожиданно. Конечно, всем было ясно, что решающее сражение неотвратимо. Вопрос заключался лишь в выборе дня. Петр предполагал начать битву двумя днями позже — 29 июня, когда православная церковь отмечает праздник в честь апостолов Петра и Павла; первый из них был «ангелом» императора. Петр I, как известно, благочестием и набожностью не отличался. Но был сыном своего века, плоть от плоти своей социальной среды и, видимо, рассуждал так: если до дня императорских именин осталось так немного, то почему бы не «подтянуть» к нему битву, тем более что время работало на русских. Учитывал он, конечно, и религиозные настроения солдатской массы.

Александр ШАМАРО

МЕТАМОРФОЗЫ ПРЕПОДОБНОГО САМПСОНА

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровой
Кругами всходит к небесам,
Навстречу утренним лучам.

Пушкин создал не только красочную, волнующую, но и удивительно верную картину битвы. Она действительно закипела, загрохотала, за сверкала на рассвете 27 июня (8 июля по новому стилю) 1709 года. И гибельное для своей армии сражение начал шведский король, словно торопивший роковую развязку.

...Слабым манием руки
На русских двинул он полки...
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над павшим строем свежий строй
Штыки смыкает...

Но Карл XII разрушил этот план, и победа русского оружия прославила не апостола Петра, а заурядного праведника, упоминаемого в церковном календаре 27 июня. Отблеск великой военной победы пал на преподобного Сампсона Странноприимца.

Что же представлял собой этот святой? Может быть, случай не сплочивал и награждал воинскими доблестями праведника, пригодного для такой роли, для такого символа?

Нет. Святым с такими качествами в православном «пантеоне» почти не сыщешь, зато такими, как Сампсон, «населен» почти каждый день церковного года.

Родился Сампсон в V веке в Риме от богатых и именитых супругов, ведущих свое происхождение от царского рода. Унаследовав после смерти родителей большое состояние, он раз-

давал щедрую милостыню бедным, отпустил на волю рабов, а сам сдобрался рабом божьим, добровольным странником... Зачеркните в тексте упоминания имен и географических названий — и даже специалисту трудно будет догадаться, о ком идет речь. И в самом деле! Кто из ранних христианских святых рождался от каких-то иных родителей, не от богатых и знатных? Кто из них не был самозабвенно увлечен постижением божественной премудрости? Кто не раздавал свое состояние нищим, не укрывался в пустыне, не пускался в странство?..

Есть, правда, в житии преподобного Сампсона одна деталь, которая отличает его от тьмы ему подобных. Ей он и обязан своим прозвищем. Он был начальником «странноприимницы» (нечто вроде ночлежного дома).

И вот такой праведник — «питатель странников и всех бедных» в силу случайного хронологического совпадения стал символом одного из великих подвигов российской армии и русского народа.

Пришлось оказывать высшие почести «странноприимцу» и «питателю». Поставили бревенчатый храм на Выборгской стороне. Имя Сампсона разошлось по новой столице, как круги по воде: по храму получили названия два проспекта — Большой и Малый Сампониевские, набережная и мост через Большую Невку (в советские годы они были переименованы в проспект Карла Маркса и улицу Братства, набережную Фокина и мост Свободы).

Но памятником победы русского оружия в Северной войне 1700—1721 годов между Россией и Швецией (в которой Россия «прорубила окно в Европу») стала не только деревянная церковка на окраине Петербурга. Во славу этой победы был заложен Петергоф — парадная царская резиденция, основанная Петром I на берегу Финского залива, в тридцати верстах от города (в 1944 году Петергоф переименовали в Петродворец).

Каким же монументом следовало увековечить в Петергофе славу «Полтавской виктории», решительно повернувшей течение Северной войны в пользу России?.. По идее — скульптурной фигурой преподобного Сампсона Странноприимца. Отлить из металла изнуренного постами христианского праведника, в смиренной позе и поставить его среди великолепных дворцовых скульптур и фонтанов?.. Как же выйти из такого положения?

И выход был найден. Воздав по традиции должное святому постройкой бревенчатого храма в его честь, Петр I больше к Сампсону Странноприимцу не возвращался. Он повелел украсить Петергоф скульптурой Гер-

кулеса, «который дерется с гадом семиглавым, называемым гидрою». Смерть Петра помешала осуществлению этого замысла.

Скульптуру во славу победоносного русского оружия в Петергофе поставили лишь почти десять лет спустя, в 1734 году. Скульптуру мифического богатыря, но не древнегреческого, а библейского. Не Геркулеса, а Самсона... Преподобного Сампсона Странноприимца, попросту говоря, подменили его ветхозаветным тезкой, не имеющим никакого отношения к сонму святых, упоминаемых в церков-

ном календаре (хотя, как можно предположить, родители будущего Странноприимца нарекли своего сына в честь библейского Самсона с незначительным различием в написании имени: Самсон—Сампсон).

Сходство имен было не единственным обстоятельством, привлечшим внимание к библейскому богатырю. В легенде о нем есть эпизод, давший прекрасную возможность создать скульптурную аллегория победы России над Швецией в Северной войне: единоборство Самсона со львом.

● Ван Дейк. «Самсон и Далила». Первая половина XVII в.

● Самсон Странноприимец. Рисунок из многолетнего издания «Жития святых», выпущенного в прошлом веке архиепископом Филаретом (Гумилевским).

«И пошел Самсон с отцом своим и с матерью своею в Фимнафу,— читаем в книге Судей,— и когда подходили к виноградникам фимнафским, вот, молодой лев, рыкая, идет навстречу ему. И сошел на него дух господень, и он растерзал льва, как козленка...»

По правде сказать, Самсон, подобно многим ветхозаветным персонажам, не был рыцарем без страха и упрека. Вот какую характеристику дал ему Джеймс Фрэнгер, известный английский религиовед и этнолог, автор фундаментальных исследований по истории религии и фольклористике:

«Его влекло к побоищам и ссорам, поджогу скирд и налетам на жилища блудниц. Короче говоря, он больше походил на забулдыгу и сорвиго лову... Нам преподносят занимательный, хотя и не слишком нравоучительный рассказ о его любовных и боевых, вернее, разбойничьих приключениях... Вся его история от начала до конца — это история чрезвычайно себялюбивого, неразборчивого в средствах авантюриста, действующего под

влиянием порывов страстей и равнодушного ко всему, кроме удовлетворения своих минутных капризов».

Но как бы там ни было, а 25-летней годовщине Полтавской битвы мощными водными струями салютовал «Самсон», отличный по модели Бартоломео Карло Растрелли, отца знаменитого зодчего В. В. Растрелли.

В начале XIX столетия сильно изношенные фигуры фонтана из позолоченного свинца заменили бронзовыми, созданными русским скульптором Михаилом Козловским. Теми, которые знакомы ныне всем.

И никто не вспоминал о преподобном Сампсоне Странноприимце, по неосведомленности полагая, что в честь библейского богатыря названы как самый красивый фонтан в Петергофе, так и собор на Выборгской стороне. И почти никто не знает о подмене православного святого ветхозаветным персонажем по причине непригодности этого святого быть олицетворением воинской доблести, богатырской силы, ратной славы. Православная церковь никогда против этой подмены и вызванной ею путаницы не возражала. И об этой путанице уже почти никто и не подозревает...

«В «Самсоньев день», 27 июня 1709 года,— писала, к примеру, Э. Попова в газете «Литературная Россия» 29 октября 1976 года,— прогремела Полтавская победа. И стали художники изображать Петра I в виде «Самсона Российского, рыкающего льва свеиского преславно растерзавшего...»

Откроем коллективный труд «Из бронзы и мрамора (Книга по истории русской и советской скульптуры)», изданный в Ленинграде в 1965 году: «Полтавская баталия произошла в Самсониев день, поэтому-то легендарный Самсон почитался покровителем России...»

Какого же персонажа представляю нам в роли «покровителя России» — Сампсона из православных святцев или Самсона из ветхозаветных сказаний?.. Преподобного Сампсона покровителем России или хотя бы русской армии никогда не почитали. Ну, а что касается Самсона из книги Судей, то он ни при каких обстоятельствах не мог быть «покровителем России», да и не был причислен к лику православных святых.

Итак, в центре петродворецкого Большого фонтана, на пьедестале стоит не Сампсон, упоминаемый в святцах 27 июня по церковному календарю. Но, строго говоря, там стоит и не ветхозаветный Самсон. Михаил Козловский создал бессмертный скульптурный образ богатыря из русских былин и сказок. И здесь можно полностью согласиться с авторами только что процитированной сборника: «Самсон полон огромной внутренней силы, сказочной мощи... Единоборство Самсона со львом передано Козловским в духе легендарных пое-

динков, излюбленных мотивов древних русских сказаний. Эта связь образа с народными представлениями о герое усиливается тем, что художник голове Самсона придал черты русского человека, человека из народа».

Действительно так! Взгляните на курчавую голову богатыря — какой же это библейский Самсон?.. У того, как известно, вся сила была в его волосах, никогда не знавших ножниц. И как только коварная Далида*, его возлюбленная, выведала наконец у него эту тайну и, усыпив его, «призвала человека, и велела ему остричь семь кос головы его», — тогда «отступила от него сила его»... Да, с такими короткими волосами, которые видим мы на голове бронзового Самсона, библейский богатырь никак не смог бы разодрать пасть дикому льву.

Так искусство постепенно, шаг за шагом освобождалось от влияния религиозных образов и сюжетов. Сперва отошли от преподобного Сампсона к ветхозаветному Самсону, а потом и от последнего — к русскому былинному богатырю...

Но и здесь не конец этой истории. Почти столетие спустя нового Самсона создал молодой Сергей Коненков.

«Для меня начало работы в искусстве,— вспоминал Сергей Тимофеевич,— совпало с событиями непреходящей исторической важности. В России поднималась волна революционного движения. Мне было, вероятно, не многим более двадцати, когда я, находясь в стенах московской школы живописи, ваяния и зодчества, почувствовал неистребимую жажду создать аллегорический образ освобожденного народа. Так родилась идея Самсона, библейская сущность которого, разумеется, совершенно померкла рядом с ее классовым смыслом. И теперь, через десятилетия, отделяющие меня от тех дней, я считаю «Самсона» своей коренной работой... В ту пору, когда в каждом из нас кипела кровь... хотелось создать образ — выразитель высшей цели человечества: освобождение от угнетения. Я видел решение этой задачи в аллегорическом облике Самсона, героя и бунтаря, разрывающего цепи физического и духовного рабства.

Тогда я понял, сколь велика сила искусства, заряженного революционной идеей.

Прошло более полувека, и снова вернулся к мечте своей юности. К сорокалетию Великого Октября я выставил в Манеже нового «Самсона», этого Прометея освобожденного мира...»

Богатырю, раздирающему львиную пасть в брызгах 20-метрового фонтана, по прошествии почти полутора веков суждено было еще раз стать своеобразным символом победы нашего народа над иноземным врагом. На сей раз — над врагом несравненно более сильным, опасным, жестоким, нежели армия шведского короля. В войне несопоставимо более ожесточенной, кровопролитной, нежели Северная война в начале XVIII века.

Гитлеровцы сорвали «Самсона» с

пьедестала и увезли, наверное, на переправку для нужд военной промышленности. Сразу же после бегства оккупантов из разрушенного и оскверненного ими Петергофа ленинградцы поклялись восстановить, возродить его в прежней красе. Восстановить и возродить все, в том числе «Самсона», самый мощный и высокий фонтан из всех 144 здешних фонтанов. Этот исключительно сложный и ответственный труд взял на себя В. Л. Симонов.

История воссоздания Самсона и льва по фотоснимкам (в том числе любительским, семейно-альбомным, принесенным ленинградцами, которые дружно откликнулись на просьбу, прозвучавшую по радио и в газетах) — тема особого рассказа. Мы коснемся лишь финала — триумфальной перевозки нового «Самсона» на исходе лета 1947 года с заводского двора в Петродворец — и этим закончим рассказ об удивительных метаморфозах одного из православных святых.

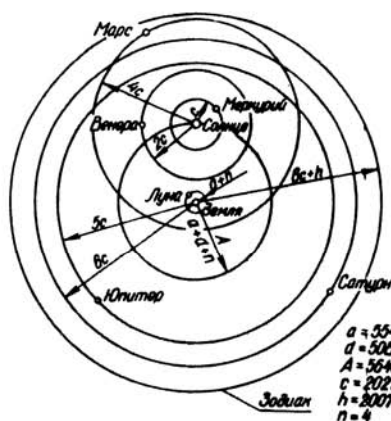
«На заводе «Монументскульптура», куда представители Петергофа с комиссией специалистов приехали принять «Самсона», — писала в своих воспоминаниях искусствовед М. Тихомирова, — царил самая праздничная атмосфера. Литейщики, недосыпая ночей, выполнили свою работу в предельно короткий срок. Они гордились этим бронзовым гигантом, только что вышедшим из их рук, и не хотели везти его буднично, положив на платформу. Нет, «Самсон», начищенный так, что казался уже золоченым, гордо встал на платформу и готов был отправиться в свой торжественный путь. Вокруг него столпились те, кто отливал его, и каждый хотел сопроводить «Самсона» в Петергоф... Все разместились кто как сумел на грузовике, и шествие тронулось. И не ближней дорогой, не по боковым улочкам, далеко от центра города, пролегал путь «Самсона». Он делал «круг почета», через весь Невский — от Московского вокзала и до улицы Герцена. И этот путь его неожиданно превратился в настоящее триумфальное шествие.

Утро выдалось ясное и солнечное... было воскресенье, и Невский кипел народом. К «Самсону» сбегались со всех сторон, ему аплодировали, его провожали, одно за другим оживали окна домов на его пути, имея его звенело по всему Невскому, ему кричали «Ура!», военные приветствовали его как генерала, останавливаясь и отдавая ему честь. Милиционеры открывали «зеленую улицу», задерживая на перекрестках весь городской транспорт.

А «Самсон» все так же медленно и торжественно передвигался вперед, и вернувший его к жизни мастер Василий Львович Симонов сидел тут же, внизу, держась за одну из громадных его ног, и плакал, не стыдясь своих светлых, счастливых слез, такой маленький, почти незаметный в темной куртке и серенькой кепке. И долго еще почетный кортеж легковых автомашин, присоединившихся к шествию, провожал «Самсона» уже за пределами города. Так вошел в нашу жизнь новый «Самсон» и так признал его Ленинград.

* Этот библейский персонаж более известен под именем Далила. (Прим. авт.)

● Архимед.

● Система мира Архимеда, вариант системы Гераклида Понтийского с гелиоцентрическими орбитами части планет. На основе этой схемы Архимед правильно определил относительные радиусы орбит Меркурия, Венеры и Марса.

● Птолемей II Филадельф, царь Египта с 285 по 247 г. до н. э., основатель Александрийской библиотеки и Музея.

Античная гемма из собрания Государственного Эрмитажа.

● Николай Коперник.

Философские чтения

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

С. ЖИТОМИРСКИЙ

Это срезанные корни,
которые вновь произрастают,
это старые вещи,
которые снова возвращаются,
это скрытые истины,
которые вновь раскрываются,
это новый свет,
который после долгой ночи
вновь восходит
на горизонте
нашего познания.

Джордано БРУНО.
«О бесконечности,
Вселенной и мирах»

● Эпикур.

Античная эпоха знала своего Коперника — Аристарха Самосского и своего Джордано Бруно — Эпикура. Правда, если в XVI веке астроном предшествовал философу, то в III веке до нашей эры случилось наоборот. Не произошло в то время и соединения научной гипотезы с философским учением, которые были как бы созданы друг для друга. Почему же книга Коперника вдохновила Бруно и Галилея, стала основой для работ Кеплера и Ньютона, а гелиоцентрическая гипотеза Аристарха была фактически забыта? Сохранились только упоминания у Плутарха и Архимеда.

Коперник, правда, знал о ней. В первоначальном варианте своей книги рядом с именем пифагорейца Филолая, считавшего Землю подвижной, он упомянул и Аристарха. Идеи античных мыслителей были для вели-

кого польского астронома чрезвычайно важны. «Я начал размышлять о подвижности Земли,— писал он в посвящении к своему труду,— и хотя это мнение казалось мне абсурдным, но я все-таки продолжал раздумывать, так как знал, что и другие до меня позволили себе свободно измышлять любые круговые движения, чтобы представить небесные явления».

Философским сочинениям древности, трактующим о бесконечности Вселенной, в которой Земля не центр, а всего лишь один из бесчисленных миров, повезло больше. Бруно упоминает Демокрита и Эпикура, цитирует поэму последователя Эпикура, римского поэта I века до нашей эры Лукреция «О природе вещей». Но если в XVI веке Бруно пришлось ожесточенно бороться против доводов Аристотеля о центральном положении Земли во Вселенной, то в античное время авторитет Аристотеля был не так уж велик. Эпикурейское же учение, включавшее идею о множественности миров, имело широкое распространение.

Почему же эпикурейцы не подержали гелиоцентрическую гипотезу Аристарха, которая, казалось бы, могла стать опорой их мировоззрения? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно сказать несколько слов об античной космологии и философии.

МИРЫ АНТИЧНЫХ ФИЛОСОФОВ

В развитии космологических взглядов античности можно видеть три линии. Первая, идущая из глубокой древности, опиралась на мифологию орфиков и включала в себя представление о сферическом строении мира. Орфики, приверженцы мистического учения, связанного с культом Диониса, полагали, что мир подобен яйцу. Небо они считали чем-то вроде скорлупы, окружающей Землю. Это фантастическое представление, как ни странно, сыграло важную роль в истории астрономии. С ним связываются мнения об орбитах светил, охватывающих Землю, о шарообразности Земли и о твердой небесной сфере как основе для построения сферической астрономии.

Первая оформленная система мира с шарообразной Землей возникла, видимо, у пифагорейцев, которые по взглядам были близки к орфикам. О пифагорейской космологии известно мало. До нас дошли довольно противоречивые сведения об учении одного из позднейших пифагорейцев Филолая Тарентского. В центре мира пифагорейцы помещали Гестию — священный огонь, Очаг Вселенной. Солнце считалось зеркалом, отражающим свет Гестии. Кроме того,

вводилось недоступное наблюдению фантастическое небесное тело Антихтон (Антиземля). Согласно некоторым античным источникам, Филолай думал, что Земля обращается вокруг Гестии по круговой орбите. Есть и другое, более правдоподобное истолкование его системы: Гестия помещалась внутри Земли, и речь шла не о движении Земли по орбите, а о ее вращении вокруг оси. При этом, чтобы свет Очага Вселенной мог достичь небесной сферы, Землю представляли разрезанной по экватору на два полушария, между которыми имеется просвет. Вот это отделенное от нашего, противоположное полушарие и есть таинственный Антихтон.

Как бы то ни было, сообщения о взглядах Филолая вдохновляли Коперника так же, как и упоминания о системе Аристарха Самосского.

Влияние пифагорейцев можно видеть во взглядах Парменида (VI — V в. до н. э.) и Эмпедокла (около 490 — ок. 430 гг. до н. э.), которые считали Землю шарообразной. Многие черты их космологии воспринял Платон (428 или 427 — 348 или 347 гг. до н. э.). Правда, он отказался от представлений о Гестии, Солнце-зеркале, Антихтоне, а заодно и от идеи о вращении Земли вокруг оси. С философской школой Платона связана деятельность многих выдающихся математиков. Его система стала основой для первого геометрического осмысления движений светил великим геометром, астрономом и географом Евдоксом Книдским (ок. 408 — ок. 355 гг. до н. э.). Евдокс предложил систему гомоцентрических, то есть концентрических сфер, объяснявшую небесные движения сложением ряда равномерных вращений. Именно эта схема и легла в фундамент космологии Аристотеля (384 — 322 гг. до н. э.).

В Академии Платона родилась и идея эпициклического движения. Последователь Платона Гераклид Понтийский предположил, что «нижние» планеты — Меркурий и Венера обращаются вокруг Солнца, а оно — вокруг Земли. Кроме того, он признавал вращение Земли вокруг оси. Эти взгляды были важным шагом на пути создания гелиоцентрической системы. Идеи Гераклида были восприняты, его системы придерживался Архимед (287—212 гг. до н. э.), о ней как об общепризнанной писал в I веке до нашей эры римский архитектор Витрувий. Все мыслители этой группы считали наш мир единственным, а сферу звезд — его границей, за которой нет ни пространства, ни времени.

Вторая линия греческой космологии связана с милетской школой философии. Анаксимандр (около 610 — после 547 гг. до н. э.) считал Землю плоской. Ее окружали огненные кольца, одетые в рубашки из темного воздуха,— как бы материа-

лизованные орбиты светил. В рубашках имелись «трубкообразные отверстия», сквозь них проглядывал огонь, который и был тем, что мы воспринимаем как Солнце, Луну и звезды. У Анаксимандра есть упоминание о «космосах», которое часто толковали как его приверженность к идее множественности миров. Но в последнее время возникло предположение, что здесь скорее речь идет об изменениях мира во времени и под «космосами» Анаксимандр понимал прошлые и будущие состояния нашего мира.

Ученик Анаксимандра Анаксимен (VI в. до н. э.) отошел от представлений об охватывающих Землю орбитах светил, зато высказал мысль о единстве вещества Вселенной. Солнце он считал не ступком огня, а массой раскаленной земли.

Последний продолжатель традиций милетской школы Анаксагор из Клазомен (около 500—428 гг. до н. э.), считал мир развивающимся, единственным и единственно возможным. Земля, по его представлениям, плоская и опирается на скопившийся под ней воздух. Землю окружает мощный вихрь, увлекающий своим движением звезды, Луну и Солнце, которые Анаксагор считал частями Земли, оторвавшимися от ее краев на ранних стадиях эволюции мира.

Представление о множественности миров появляется у атомистов. Демокрит из Абдеры, младший современник Анаксагора, провозгласил, что в мире есть только атомы и безграничное пространство, в котором они вечно движутся. Продолжатель традиций атомистики Демокрита Эпикур (341—270 гг. до н. э.) писал: «Миры бесчисленны и некоторые схожи с нашим, а некоторые не схожи. В самом деле, так как атомы бесчисленны, они... не расходуются полностью ни на один мир, ни на ограниченное число их, схожих с нашим или не схожих». Процесс рождения мира Демокрит и Эпикур представляли себе как появление вихря скопившихся атомов. В центре вихря возникла Земля; под действием центробежных сил она стала плоской; из наружных ее частей сформировались светила и небо.

Хотя в вопросах строения материи атомисты были полной противоположностью Анаксагору, говорившему о бесконечной делимости вещества, их системы мира в главных чертах оказались сходными. В бесконечных просторах Вселенной атомистов плавали бесчисленные замкнутые миры в виде вертящихся небесных оболочек, окружавших плоские диски — «земли».

В эпоху Аристарха имела распространение система Евдокса, которая хорошо вписывалась в философские представления Платона и Аристотеля. Была в ходу и гипотеза Гераклида

Понтийского, по которой часть планет обращалась вокруг Солнца. С ними сосуществовали «качественные» картины мироустройства: Анаксагорова, переосмысленная с позиций атомистики, которой держались эпикурейцы, и вариант пифагорейской, принятый стоиками. К этому разнообразию систем мира Аристарх добавил еще одну.

КОПЕРНИК АНТИЧНОСТИ

Об Аристархе Самосском (около 310—250 гг. до н. э.) сохранилось мало сведений. Работал он в Александрии, учителями его называют Деметрия Фалерского и Стратона из Лампсака, которые были последователями Аристотеля. Из научного наследства Аристарха до нас дошли упоминания о его гелиоцентрической системе и единственное сочинение «О размерах и расстояниях Солнца и Луны», относящееся, по-видимому, к раннему периоду его творчества. Сочинение это занимает в истории астрономии почетное место — в нем впервые определялись космические расстояния.

Методика Аристарха была правильной, но измерения не отличались совершенством, и результаты оказались далекими от действительности, что вообще характерно для начальной поры античной астрономии. И все же высчисления Аристарха показали, что Солнце значительно (почти в семь раз) больше Земли. На самом деле поперечник Солнца в 109 раз больше земного, но и Аристархов результат должен был в то время показаться удивительным. Может быть, именно он и послужил для ученого толчком к разработке гелиоцентрической гипотезы.

Самое содержательное из упоминаний о гелиоцентрической системе Аристарха оставил Архимед. В сочинении «О числе песчинок» он пишет: «Аристарх Самосский выпустил в свет книгу о некоторых гипотезах, из которых следует, что мир гораздо больше, чем понимают обычно. Действительно, он полагает, что неподвижные звезды и Солнце находятся в покое, а Земля обращается по окружности круга... между Солнцем и неподвижными звездами, а сфера звезд так велика, что круг, по которому обращается Земля, так же относится к расстоянию до неподвижных звезд, как центр сферы к ее поверхности». Речь здесь идет о расстоянии до звезд. В пропорции, которую привел Архимед, расстояние до звезд в сравнении с размером земной орбиты равно отношению конечной величины (поверхности сферы) к нулю (центру сферы), то есть бесконечности:

Этот смелый шаг — помещение звезд практически в бесконечность — необходимость, диктуемая самой гелиоцентрической гипотезой. Пред-

ставьте себе Землю, которая перемещается внутри сравнительно близкой сферы звезд. В течение года она должна будет к одним созвездиям приближаться, а от других удаляться, но тогда, находясь на Земле, мы должны наблюдать сезонные изменения угловых расстояний между звездами. Однако такие смещения не удавалось обнаружить вплоть до 1838 года! Звезды ведут себя, словно они жестко прикреплены к сфере, очерченной вокруг Земли, и это одно время служило важным доводом в пользу геоцентрической гипотезы. Аристарх же, как впоследствии и Коперник, не побоялся истолковать это явление как результат громадной удаленности звезд.

Мы не знаем, сделал ли Аристарх из своей гипотезы какие-либо философские выводы, но уже одно предположение о нецентральной позиции Земли в мире означало, в сущности, не что иное, как разрыв с Платоном и Аристотелем! Открытие огромной удаленности звезд тоже противоречило общепринятым взглядам. В рамках гелиоцентрической гипотезы звезды уже не могли считаться телами, подобными планетам; следовало предположить, что они значительно ярче. Отсюда оставался один шаг до признания звезд солнцами, центрами далеких миров. Так и истолковал систему Коперника Джордано Бруно, так в принципе могли толковать систему Аристарха эпикурейцы. Могли, но не сделали этого: трудности, стоявшие на их пути, оказались непреодолимыми.

ОТГОЛОСКИ ВЕЛИКОГО СКАНДАЛА

Время Аристарха было периодом конца эллинской свободы. Место мелких независимых государств — полисов — заняли огромные царства, возникшие на развалинах империи Александра Македонского. Люди утратили на время интерес к изучению природы: в философии теперь искали утешения при бедах, ответа на вопрос о смысле существования. Центром философской мысли эллинского мира еще оставались Афины, хотя и разоренные войнами и подчиненные Македонии. Четыре знаменитые философские школы действовали там: Академия Платона, основанная около 387 года до нашей эры; Ликей Аристотеля, основанный в 335 году; Сад Эпикура, возникший в 306 году, и Стоя Зенона из Китиона, появившаяся в 308 году до нашей эры.

Академия занималась разработкой наследия Платона. Ликей находился на грани упадка — последним крупным ученым перипатетической школы был учитель Аристарха Стратон, умерший в 270 году. Сад и Стоя,

напротив, находились на пути к тому, чтобы стать во главе двух основных философских систем поздней античности. Эти направления, в большей степени этические, были антиподами.

Стоики отталкивались от материалистической философии Гераклита Эфесского, но превратили его учение о причинности в мистическое поклонение судьбе, веру в гадания и астрологию. Эпикур, полемизируя с ними, писал: «Лучше уж верить басням о богах, чем покоряться судьбе, выдуманной физиками, — басни дают надежду умиловить богов почитанием, в судьбе же заключена неумолимая неизбежность». Сам он стремился освободить людей от боязни смерти, загробных мучений, судьбы, колдовства. Материалистическую картину мира и атомистику Эпикур использовал в первую очередь как основу для опровержения религиозных представлений, подробности же мироустройства его не очень интересовали.

В борьбе с астрологией и мистическим отношением к небу Эпикур провозглашал подобие земных и небесных явлений: ему импонировали их «метеорологические» объяснения в духе Анаксагора, и он выступал против однозначного истолкования их причин. Приводя несколько архаичных объяснений видимого движения Солнца, он добавлял: «Все такие и подобные объяснения не противоречат очевидности, если только держаться возможного и всякую частность сводить к согласованности с видимыми явлениями, не пугаясь рабских исхищений астрономов». Эта неприязнь к астрономам была вызвана отчасти тем, что астрономия в то время развивалась в рамках школ Платона и Аристотеля, считавших небесные тела божественными, или же срасталась с астрологией.

Придерживаясь в основном правильных отправных принципов, эпикурейцы в области астрономии недалеко ушли от наивных представлений своих предшественников. И все-таки здесь еще не было непреодолимых препятствий для союза с Аристархом. Философия Эпикура опиралась на уверенность в реальности окружающего мира, и источником знания в ней считались ощущения, осмысленные разумом. Эпикур не строил модель мира на основе атомистической концепции, наоборот, постулаты атомистики он выводил из наблюдаемых свойств мира. Достаточно убедительные доводы, казалось бы, могли склонить философов или к полному принятию гелиоцентрической системы, или же к ее включению в один из возможных вариантов мироустройства. Но получилось не так...

Единственный дошедший до нас отклик на появление системы Аристарха исходил из Афин. Судя по нему, гипотеза не осталась незаме-

ченной современниками, напротив, приобрела скандальную известность. Сошлемся на Плутарха. В сочинении «О лике на Луне» писатель говорит: «Только, мой дорогой, не начни против меня процесса вроде Клеанфа, по мнению которого долгом всех греков было предьявить Аристарху Самосскому обвинение в безбожии за то, что он сдвинул с места Очаг Вселенной».

Суда над Аристархом требовали стоики. Клеанф был любимым учеником основателя этой школы Зенона и после смерти учителя стал во главе Стои. В дошедшем до нас списке его сочинений есть книга «Против Аристарха». Трудно сказать, действительно ли Клеанф пытался судиться с Аристархом (для этого требовалось, чтобы Аристарх приехал в Афины), или призыв к осуждению астронома содержался только в его книге. Но знаменательно, что критика научной гипотезы велась с мистических позиций, что математически обоснованной системе противопоставлялась фантастическая пифагорейская космология с ее центральным огнем — Гестией.

Если гипотезу Аристарха знали в Стое Зенона, то о ней должны были знать и в Саду Эпикура. Эпикур умер, когда Аристарху было около сорока лет. Нам неизвестно, в какое время Аристарх выступил со своей гипотезой. Может быть, это случилось уже после смерти Эпикура, когда главой Сада стал Гермарх, но это не меняет дела. Попробуем сопоставить картину мира, вытекающую из гелиоцентрической гипотезы, с космологическими воззрениями эпикурейцев и понять, почему они «проглядели» Аристарха.

Прежде всего, Аристарх, как и все серьезные астрономы со времен Евдокса, считал Землю шарообразной, эпикурейцы же, следуя Демокриту, придерживались архаичных представлений — с плоской Землей. Они провозглашали множественность миров, но каждый из этих миров был геоцентрическим. На первый взгляд, пересмотр такого частного вопроса, как форма Земли, не должен был бы стать для них непреодолимым препятствием, поскольку не задевал общих черт картины мира. Но здесь крылись трудности, связанные с проблемой тяготения...

ТЯГОТЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ МИРА

Приверженцы гипотезы шарообразной Земли объясняли стремление тел к центру мира мистически. Мир считался цельным живым существом, а раз так, то все его части должны были выполнять соответствующие функции, в том числе и стремиться куда им положено (кстати, примерно так же объяснял тяготение и Джорда-

но Бруно). Первая теория тяготения принадлежит Аристотелю, который ввел понятие «естественных» и «насильственных» движений. Естественные движения были для разных элементов разными. Земля и вода стремились к центру мира, воздух и огонь — к своим местам на его периферии. Причем центром мира не был центр Земли — наоборот, Земля устойчиво удерживалась в центре мира именно потому, что ее вещество стремилось со всех сторон в этот центр упасть.

Эпикур, предвосхитив наши современные представления, посчитал вес одним из основных свойств атомов. Кроме того, он утверждал, что атомы, да и тела разного веса падают с одинаковой скоростью. Падают, но куда? Если Аристотель придал пространству некую физическую неравномерность, имеющую лучевую симметрию, то Эпикур как бы развернул Аристотелево пространство. Бесконечная Вселенная Эпикура имела «верх» и «низ» и вечно падала из бесконечности в бесконечность.

Итак, принятие гелиоцентрической гипотезы потребовало бы изменения теории тяготения. Было ли это возможно? Вероятно, да, хотя пересмотру подверглись бы основы атомистики. Философы могли бы прийти к какому-то качественному варианту закона всемирного тяготения и вместо тяжести придать атомам, например, какие-нибудь слабые тяготеющие свойства. Такое предположение примирило бы наличие многих центров тяготения с подвижностью небесных тел. Оно не нарушило бы и принятой атомистами космогонии — образования миров из первичных вихрей. Понятие о центробежной силе у атомистов имелось, так что гелиоцентрическая система получила бы весьма хорошее обоснование.

Но предположим, этот шаг был бы сделан. Все ли противоречия при этом снимались бы? Нет! Возникло бы новое грозное препятствие, с которым, правда, не посчитались даже творцы научной теории тяготения Кеплер и Ньютон. Речь идет о возможности «гравитационной смерти» мира. Великие провидцы небесной механики в философии не выходили за рамки религиозного мировоззрения и вопроса об общей эволюции Вселенной не ставили. А Эпикур не мог обойти этот вопрос — он был для него основой основ. «Какова Вселенная теперь», — писал он, — такова она вечно была и вечно будет, потому что изменяться ей не во что, — ибо кроме Вселенной нет ничего, что могло бы войти в нее, внося изменение». Логика рассуждений тут неопровержимо говорила: придание атомам тяготеющих свойств при отсутствии механизма отталкивания частиц привело бы к постепенному укрупнению небесных тел, их слиянию — Вселен-

ная стала бы необратимо эволюционировать. А это означало бы, что когда-то ее развитию было положено начало. Но, как сказал Платон, «всему, что возникло, бывает конец»; был бы тогда конец и у эволюции Вселенной — она не была бы больше бесконечна во времени.

Представление об эволюции Вселенной — сравнительно недавнее приобретение науки и философии. В древности же, да и много позже, оно всегда связывалось с мифами о сотворении мира, тяготело к религии, которой Эпикур противопоставлял свое мировоззрение. Был ли выход из этого тупика? Наверное, был, и, наверное, был бы найден, если бы философы искали обоснование своих идей не в одних общих принципах, а в кропотливом изучении реальных явлений природы. Но они были заняты тогда в основном этическими проблемами, воспитанием чувств, поисками оазисов человечности в жестоком мире войн и деспотии, рабелепства и предательства.

Неизвестно, разыгрывалась ли в действительности та драма идей, которую мы предположительно нарисовали, но история свидетельствует, что эпикурейцы прошли мимо гипотезы Аристарха. Хотя все античные астрономы и географы считали шарообразность Земли установленным фактом и этот взгляд остался неизбывным в арабской, а позже и в европейской науке, эпикурейцы упрямо держались своих устаревших представлений. О плоской Земле упоминает в I веке до нашей эры поэт-эпикурец Лукреций, а во II веке нашей эры — видимо, не без влияния эпикурейцев — знаменитый римский историк Корнелий Тацит.

Таким образом, великое прозрение Аристарха, которое могло бы совершить переворот в миропонимании, утвердить научное мировоззрение, не нашло признания у ведущих философских школ древности. Даже Архимед воспринял его как математическую игрушку. Не удивительно, что ее на века забыли более прочно, чем огненные кольца Анаксимандра или пифагорейское Солнце-зеркало. Понадобились гений Коперника, смелость Бруно и Галилея, математический талант Кеплера, чтобы через два тысячелетия гелиоцентрическая гипотеза возродилась. Она возвестила начало эры новой астрономии и космологии, начало современной науки и диалектико-материалистического подхода к миру.

Читатель сообщает, советует, спрашивает

Бурса после Помяловского

Рисунки И. Вагровой.

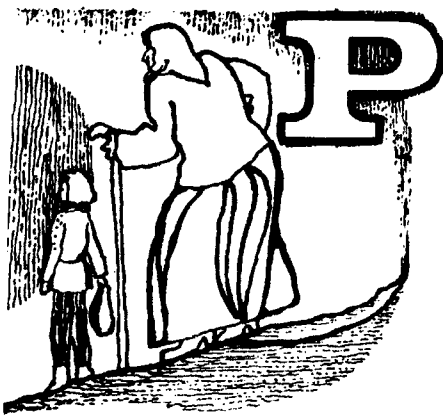
В русской художественной классике видное место занимают «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского. В этой книге замечательный русский писатель заклеил грубые нравы, оглуляющую муштру

и зубрежку, которые были присущи духовным учебным заведениям России первой половины XIX века (книга напечатана в журнале «Современник» в 1862—1863 гг.). К началу XX века кое-что

в быту семинаристов изменилось к лучшему, но пока в жизни России оставалось насилие, порожденное социальным строем, не могли коренным образом измениться и бурсацкая жизнь

и «педагогика».

Воспоминания о своей учебе в бурсе прислал нам москвич Н. В. Веревкин. Нам показалось интересным ознакомить читателей с этим свидетельством очевидца.

Родился я на рубеже двух веков в семье сельского священника. Эти два обстоятельства определенным образом повлияли на мое отрочество. И мне хочется поделиться воспоминаниями именно об этом времени.

Для начала немного о моей семье. Хорошо помню обеих своих бабушек.

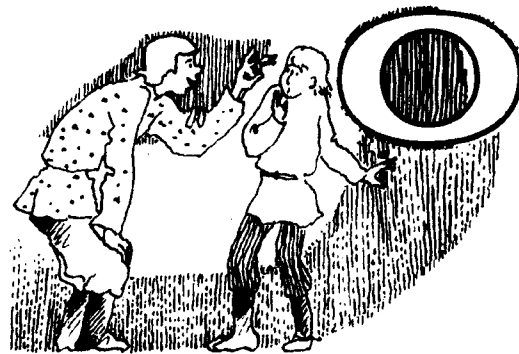
Мать отца была из обедневшей дворянской семьи. Жилось ей трудно, одиноко, но она очень гордилась своим происхождением. Бабушка по линии матери была замужем за волостным писарем. В прошлом веке такие люди гребли взятки обеими руками, и дед Аким умудрился при скромном жаловании, имея семью из пяти душ, построить на лучших улицах Гомеля четыре деревянных дома и два больших кирпичных сарая для сдачи их внаем. В приданое моей матери дед дал дом с большим садом.

Бабушку по материнской линии звали Синклитикия. Это имя дал ребенку поп не в насмешку, а чтобы угодить родителям, — так звали в житиях святую, славившуюся своей добротой. Бабушка не умела ни читать, ни писать, но, рано овдовев, не жалела денег на учебу детей: моя мать окончила прогимназию, старший сын Ваня учился в Киевском университете. За участие в студенческих волнениях он был арестован, сослан в Сибирь и там погиб. Младший — Митя окончил Политехнический в Питере. Гибель Вани и преждевременную смерть мужа бабушка расценила как божью кару за свои грехи и стала очень религиозной: не пропускала ни одной всенощной, ни одной обедни, регулярно поминала «рабов божьих Ивана и Акима». В ее комнате перед большой иконой неизменно теплилась лампада. Бабушка ставила меня рядом с собой на колени и заставляла повторять молитвы. Несмотря на достаток, она была скупа, выпросить у нее гривенник не всегда удавалось. При этом она поучала: «Копейку нужно беречь. Как мы с твоим дедом эти дома нажили? Все по копеечкам откладывали, во всем экономили! А ты, унук, просишь на тетрадки, а купишь пирожное, знаю я тебя!»

Отец мой был священником. Его приход включал три деревни, наполовину заселенных малоземельной, безлошадной беднотой, и дохода приносил немного.

Я дружил со своими сверстниками, деревенскими ребятами, с ними пошел и в школу. Она состояла из двух комнат, соединенных холодными сенями. В одной

жила семья учителя, в другой — классной — за партами, поставленными в три ряда (по трем годам обучения), занимались мы, школяры. Я знал, что после школы буду поступать в духовное училище, а потом в семинарию. Чтобы сдать экзамены в училище, нужно было уметь бегло читать, рассказать прочитанное, писать, знать молитвы, таблицу умножения, несколько стихов.

сенью 1909 года меня приняли в гомельское четырехклассное духовное училище, где 30 лет назад учился и отец. Жить стал в интернате, а проще — в бурсе. Когда-

то, в средневековье, бурсой (от латинского «кошелек», «сумка») называли общежития для бедных студентов. Эти общежития содержались отчасти на средства учебного заведения, а отчасти — на подаяния, собираемые студентами (отсюда и «бурса»). В России бурса вначале была при Киевской академии, а затем это название перешло вообще на общежития при духовных учебных заведениях.

Жить в бурсе было дешевле, чем на частной квартире. Первые дни я сильно тосковал. Второгодники издевались над нами, обучали всяким бурсацким «фокусам» — точь-в-точь как у Помяловского.

Один верзила, подойдя ко мне, сказал:

— А ну-ка, напиши тремя буквами «галстук».

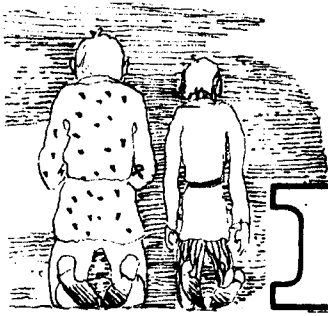
Я не знал, как это сделать.

— Эх ты, маменькин сынок, ничему-то тебя не научили, вот как надо. — Он написал «гал» и дал мне сильный щелчок по лбу. — Это — «стук». Понял? А сейчас я тебе покажу «вселенскую смазь»! — И всей пятерней схватил мое лицо, зажал нос. От боли у меня выступили слезы.

— Эх ты, слюнтяй. Поживешь у нас — не то еще увидишь...

В первый же приезд домой я пожаловался отцу на обиды, и он, зная особенности бурсацкой жизни, посоветовал мне найти покровителя. Так я и сделал. Облюбовал одного сильного парня, пообещал, что буду через день отдавать ему булку и кусок сахара, и он громко заявил:

— Кто Колю тронет, будет иметь дело со мной. Меня оставили в покое.

В

училище я провел пять лет вместо четырех. Быт этого духовного учебного заведения мало чем отличался от

описанного в «Очерках бурсы» Помяловским. Правда, нас не пороли розгами и не стегали «на воздухах» — считалось, что телесные наказания отменены. Однако старые учителя, прошедшие закалку еще во времена Помяловского, рассуждали: «Нас так учили, как видите, толк из нас вышел, и мы вас так же будем школить».

И каждый день кто-то стоял в углу на коленях, у кого-то были красные уши, в столовой пустовали места оставленных без обеда. Очень страшно было попасть в карцер: там был жуткий холод, сновали мыши. За карцер выставляли тройку по поведению, а это грозило исключением с «волчьим билетом» — с ним ни в одно учебное заведение не принимали. Я знал также, что в учительской под замком хранится кондуит, в который записывают все наши проступки, и учитывают их, когда выводится оценка за четверть по поведению. Она считалась самой важной. И я старался хорошо себя вести, но не всегда это получалось...

светились лампадки, которые заменяли и ночники. Именно здесь нередко разыгрывались «спектакли». После ухода дежурного надзирателя, оставлявшего успокоившихся, как ему казалось, бурсаков, внезапно гасла лампадка. Это был сигнал, что кого-то будут бить. К намеченной жертве тихо подходили великовозрастные бурсаки, державшие в страхе весь класс, набрасывали на голову одеяло и били.

В бурсацком «товариществе» были свои правила поведения. Эта «этика» была беспощадна к тем, кто не следовал ей: не делился полученными из дому гостинцами, не давал соседу списать задачку, не подсказывал, чуждался товарищей, отказывался травить нелюбимых учителей. Самым же страшным проступком против «товарищества» считалось фискальство — доносы по начальству. Фискалов приговаривали к «пфимфе»: спящему приставляли к носу сделанную из бумаги воронку с горящей ватой. Спящий вдыхал дым, кашлял, в испуге вскакивал, получал ожоги. Пострадавший обращался к врачу, и училищное начальство пыталось расследовать происшествие, но обычно это ничего не давало. Более легким наказанием было избивание виновного под несколькими одеялами, почти шуткой была «вселенская смазь»...

Утро в бурсе начиналось шумным подъемом, умыванием и молитвой, после чего следовал завтрак, состоявший из трех кусков сахара, булки за три копейки и кипятка. Многие были лишены и этого, так как в спорах проигрывали свою еду или платили ей за покровительство.

К

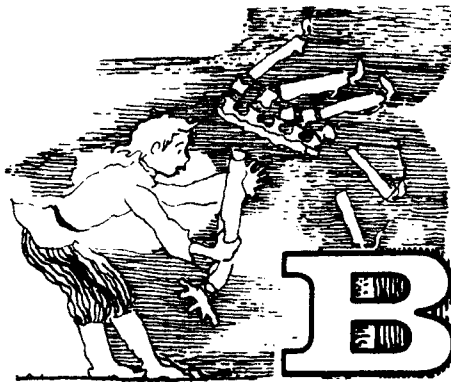
лассные занятия начинались утром и продолжались четыре-шесть часов. После них — обед. За стол садились десять мальчиков. Каждый из двух дежурных брал миску, похожую на банную шайку, и с ней шел к повару. Одна шайка полагалась на стол. Когда съедели жидкую часть, дежурный стуком ложки давал сигнал «брать с мясом». И здесь уж — кто сильнее и быстрее. Тихие и застенчивые оставались без мяса. В понедельник, вторник и субботу на обед были щи и каша

с салом, в постные среду и пятницу — щи с тощими сметками и каша с прогорклым льняным маслом, в четверг и воскресенье мясные щи и картофельное пюре с кусками мяса. Больше всего мы любили эти дни, и остаться без обеда в четверг и воскресенье было особенно тяжким наказанием. Посты строго соблюдались, а их по канонам православной церкви было немало — до 200 дней в году...

После обеда бурсаки отдыхали, гуляли во дворе, зимой катались с горки, устраивали драки. После отдыха полагался вечерний чай, к нему два куска сахара и сайка за две копейки. Затем садились готовить уроки. В комнате занимались до 30 мальчиков. Шум стоял невообразимый. Второгодники обучали младших петь «господи, воззвах, услыши мя» на разные «гласы» (мотивы). Кто-то, зажав уши, учил стихи, кто-то бубнил перевод с латыни, у географической карты вслух заучивали названия притоков Волги. Кто не выносил шума, уходил в коридор и учил уроки там. День заканчивался скудным ужином.

Молитвы читали по много раз в день: утром, перед каждым приемом пищи, перед отходом ко сну. В двенадцатые и великие праздники надо было еще читать тропари. Были и другие поводы для молитв.

На втором этаже в спальнях висели иконы, перед ними

В

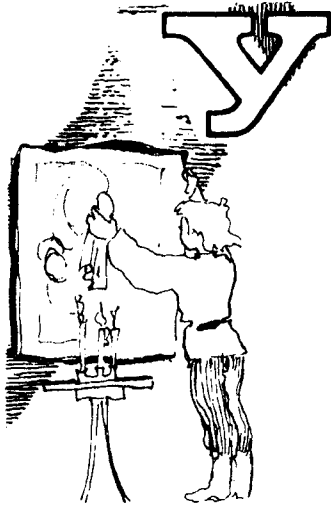
интернате были бурсаки своекоштные и казеннокоштные. Первые (я относился к ним) жили за счет родителей, вносящих за учебу определенную плату. Казеннокоштные — сироты духовных лиц, за них платило духовное ведомство. В бурсе их кормили и одевали. Костюмы им шили из «чертовой кожи», шинели — из самого дешевого бобринки, и эти «одеяния» переходили от одного класса к другому. Матери казеннокоштных — вдовы священнослужителей — существовали на ничтожную пенсию и не имели возможности присылать своим детям посылки, навещать их. Поэтому казеннокоштные всегда попрошайничали у своих товарищей, на каникулы оставались в стенах бурсы, чтобы не быть дома лишним ртом. Иногда их из жалости приглашали товарищи из более обеспеченных семей.

Одним из нуднейших занятий было для нас посещение домового храма. Там мы становились по классам рядами, как солдаты, у каждого было свое место, и отсутствие любого сейчас же замечал инспектор. Все, как по команде, крестились, становились на колени, при выносе креста или «тайн Христовых», после херувимской молитвы падали ниц. Бывало, что иной бурсак не попадал в лад со всеми, за что на него накладывали епитимью: протоиерей приказывал отбить 27 земных поклонов перед иконой «Благовещения».

Однажды я прислуживал протоиерею. Это было накануне большого праздника — крестовоздвижения, во время торжественной службы. Я должен был проверить, хорошо ли завинчены выносные подсвечники после чистки, но не сделал этого. Протоиерей нес крест в обрамлении цветов, я шел перед ним с подсвечником. В нужный момент я поднял подсвечник, а он рассыпался на части, и зажженная свеча упала протоиерею на лысину. Он от

неожиданности уронил крест на пол. Послышался приглушенный смех молящихся. На меня наложили спитимью.

Главным человеком в училище был смотритель, протоиерей. Вторым лицом — инспектор. Кроме того, были надзиратели, по одному на два класса, один из них — регент бурсацкого хора. Почти все преподаватели были с высшим духовным образованием, и только двое — по географии и природоведению — закончили университет. Их мы любили больше всех, они были образованнее других, могли рассказать то, чего не было в учебниках.

Учебный процесс не требовал особых размышлений при оценке тех или иных явлений. Наоборот, всякая любознательность, если она и появлялась, подавлялась одним мощным аргументом: «Все от бога, бог так устроил, бог так создал». Все нужно было принимать на веру и все богословские истины вызубривать, не вникая в их смысл. И хотя вопросы не поощрялись, бурсаки нарочно задавали такие, которые нередко ставили преподавателей в тупик.

Основным предметом на протяжении всего обучения был закон божий. Рассказывает, бывало, протоиерей, как

Христос пятью хлебами накормил пять тысяч человек; тянет руку отличник в арифметике:

— Отец смотритель, я вот подсчитал: на человека приходится меньше золотника. Этим и воробья не накормишь, а вы сказали, что все были сыты.

— Не единым хлебом жив человек, — отвечает смотритель.

На следующем уроке смотритель приводит слова Христа: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и отец ваш небесный питает их». Встает ученик и говорит:

— А у нас в деревне все сеют и жнут, потому что если не сеять, то чем тогда жить и что будут птицы клевать?

— Ах, ты не веришь в учение Христа? — сурово говорит смотритель. — Иди в угол и читай молитву: «Верую во единого...»

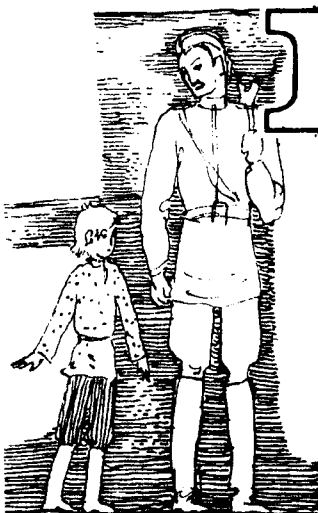
Смотритель рассказывает о Христе: он был-де миролюбивым, всех мирил и желал мира на земле.

— Отец смотритель, — встает один из бурсаков. — А я вот читал Евангелие от Матфея, и там в главе десятой Христос говорит: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч, ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его». Как же это понимать?

— Не все надо понимать прямо. Иди, сделай десять

земных поклонов перед иконой спасителя, и пусть твоя душа просветится.

Я был верующим мальчиком. Наш протоиерей хорошо относился ко мне и брал меня прислуживать ему в алтаре. Но то, что я там видел, пошатнуло мою веру. Помню, как смешно было мне видеть, что в алтаре протоиерей то и дело прикладывает к чаше. Приученный дома к аккуратности, я возмущался, что лики святых протирают грязной тряпкой, ведь их целуют верующие. Видел я и то, что многие только делали вид, что целуют иконы. После этого и у меня пропало уважение к этим религиозным атрибутам.

Н а последнем году учебы отец завел со мной серьезный разговор.

— Скажу тебе правду. Я не хотел

быть попом, а мечтал стать учителем в деревне. Но как сирота из духовного сословия — мой отец был дьяконом — учился в семинарии на казенный счет, на средства духовного ведомства. По окончании семинарии я подал прошение о назначении меня учителем, но мне в этом отказали и потребовали, чтобы я принял сан иерея, напомнив, что я еще в первом классе семинарии обязался

стать священником. Ты ведь тоже давал такую подписку?

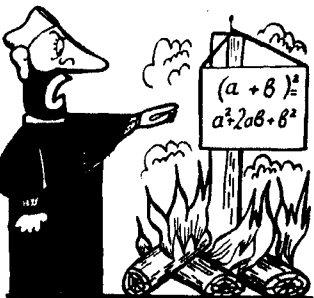
— Нет, папа, — ответил я, — я не хочу идти по этому пути. Не хочу после училища идти в семинарию.

— Видишь ли, Коля, все мы недолговечны. Я вот все болею. Но если у тебя будет впереди духовная карьера, я буду спокоен. Случись что со мной, ты, если не будешь лениться, получишь образование за счет духовного ведомства. Сейчас мы живем в казенном доме, пользуемся церковной землей — целых 10 десятин, но если я умру, будет назначен другой священник и вас выселят из этого дома. Маме назначат пенсию от духовного ведомства, на которую вам трудно будет жить, и тогда тебе — старшему придется работать, а не учиться.

Но дядя Митя, руководивший мною в отроческие годы, посоветовал мне перейти в семинарию, но окончить там только четыре общеобразовательных класса, а потом держать экзамен в институт. Я так и поступил, а подписки в семинарии, как сделал отец, не давал.

В 1919 году я вступил в Красную Армию, в 1920-м стал коммунистом. Прошел по фронтам гражданской войны, после стал профессиональным военным. Великую Отечественную встретил на границе, Победу отмечал в Германии. Теперь я пенсионер. За плечами большая жизнь, но в ней нет места богу.

Смотритель-курьезы

Крупнейшего французского математика XVI века Франсуа Виета называют отцом современной алгебры. Важную роль сыграл он и в исходе войны, которую вела против Франции инквизиторская Испания.

Пользуясь сложным шифром, она беспрепятственно сносилась с внутренними врагами французского короля Генриха IV. Испанцы получали секретные сведения, с помощью которых добивались военных успехов.

После многочисленных и бесплодных попыток найти

ключ к шифру противника Генрих IV поручил наконец разгадать этот код Виету. Через две недели математик справился с поставленной задачей.

Испанцы стали терпеть одно поражение за другим. Они долго не могли понять, в чем дело, пока их тайным осведомителем не удалось сообщить, что шифр для французов уже не секрет и виновник его разгадки — Франсуа Виет. Объясняя, что нормальному человеку такое было бы не под силу, инквизиция обвинила Виета в связи с дьяво-

лом и приговорила к сожжению на костре. К счастью, Генрих IV не выдал ученого в руки «священного» трибунала.

Книги Вольтера, обличавшие церковников, подвергались преследованиям. Одну из них цензоры приговорили к сожжению. Вольтер в связи с этим заметил:

— Тем лучше! Мои книги, как каштаны: чем больше их поджаривают, тем охотнее покупают.

Собрали А. РУНКИН и Б. ЛЕСНЯК.

Земные корни сверхъестественного

● Громовый знак
под коньком крыши
(Север).

„МОЙ ДОМ— МОЯ КРЕПОСТЬ”

В. ЧЕРНЯК

АКАДЕМИК Б. А. РЫБАКОВ отмечал: «Из числа тех идей, которые появились у оседлых земледельцев, пожалуй, на первое место следует поставить идею священности жилища и домашнего очага».

Издавна жизнь человека тесно связана с его жильем, с возводимыми им другими сооружениями. И столь же давно человек считал жилище своим главным убежищем, могущим охранить его от бед и напастей, основной средой своего обитания. Вспомним, что до наших дней у некоторых народов дошло известное изречение «Мой дом — моя крепость». Но люди далеко не всегда верили в эти слова, стремились укрепить дом при помощи магических действий, обрядов, амулетов и т. п.

Естественно, мистические представления о жилище находили и все еще находят свое отражение не только в практике, строительстве, но и в связанных с ней различных верованиях, предрассудках, традициях. Существует множество суеверий, имеющих отношение к сооружению храмов, зам-

ков, мостов, даже изб и простых сараев. И это понятно: в древности мастера постоянно опасались, не осядет ли здание, не сгорит ли оно от молнии, не обрушится ли мост под тяжестью груженой телеги. Ведь не было еще точных методов расчета, ни четких представлений о прочности материалов, ни способа защиты от молний. И нередко, озадачивая строителей, рушились колокольни, падали мосты, сгорали при грозе дома. Кого же было винить в таких случаях, как не потусторонние силы?..

Прошло немало столетий, прежде чем огромный опыт строителей был обобщен в соответствующие теории и методы расчета. И хотя такие сложные сооружения, как, например, арки, строили уже этруски, жившие на Апеннинском полуострове в первом тысячелетии до нашей эры, еще в эпоху Возрождения на Леонардо да Винчи (1452—1519), умевшего определять прочность того или иного сооружения, смотрели как на чародея и колдуна.

В глубокой древности строитель-

ство начинали только при определенных «благоприятных предзнаменованиях». Древнеегипетский папирус, относящийся к XII веку до нашей эры, запрещал начинать постройку дома в месяц Паофи (октябрь), 26-го числа. Время это считалось не подходящим для такой работы.

Этруски, известные в древности строители, закладывали город в строго определенные дни. В зависимости от этого, думали они, складывается его дальнейшая судьба. Существовали специальные мистические обряды, церемонии, необходимые при основании городов, сооружении храмов, выборе строительных материалов. Сначала этрусские жрецы по полету птиц выясняли волю богов, затем определяли священное место — центр города и через него проводили две главные оси: с востока на запад и с севера на юг. В назначенный день основатель города, покрыв голову платком, прокладывая плугом с бронзовым лемехом борозду вокруг территории будущего города. Поднятый пласт земли должен был лечь непременно внутрь круга — тогда в будущий город потекут богатства. Плуг тянули бык и корова, причем бык шел с внешней стороны, а корова — с внутренней. Таким образом, город должен был стать неприступным для врагов, а в нем — воцариться изобилие. Когда плуг доходил до места предполагаемых ворот, его поднимали на руки, чтобы земля здесь осталась нетронутой. Сама борозда

считалась священной — о стенах и говорить нечего!

Подобная мистическая практика существовала у этрусков. Если верить легенде, то так был основан Рим. Один из его архитекторов, Фронтин, отмечал: время для строительных работ должно быть «подходящее и благоприятное». Что это значило? Особое внимание обращали на положение солнца, луны и звезд. Небезразличной считалась даже фаза луны, при которой надлежало рубить деревья для постройки.

В древности особенно характерно причудливое сочетание мистики и начатков знаний. В Месопотамии, где жрецы достигли весьма высоких познаний в астрономии, при строительстве домов и храмов соблюдались определенные математические соотношения: высота башни — зиккурата равнялась протяженности всех сторон его основания. Число семь (по количеству известных тогда пяти планет, солнца и луны) было при этом ведущим: семь этажей зиккурата, семь пилястров, семь плоских колонн.

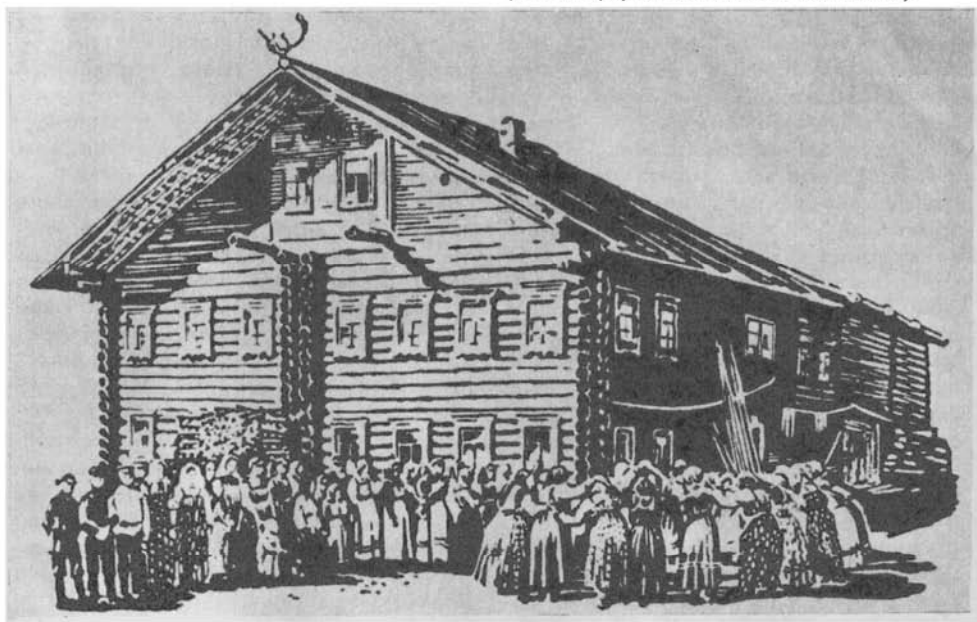
Вера в магическую силу нечетных чисел при строительстве различных сооружений продолжалась очень долго. Как писал итальянский архитектор эпохи Возрождения Леон Баттиста Альберти, крепостной ров в его время сооружали обычно шириной 15 и глубиной 9 футов.

Компас в Китае, где изобрели этот замечательный прибор, вначале использовали в целях магических: с его помощью определяли, как ориентировать фасады дворцов. Этому древние китайцы, как, впрочем, и другие народы, придавали чрезвычайно важное значение. С помощью магических действий сориентированы известные мегалитические сооружения древности, египетские пирамиды. Считалось, что здание должно быть обращено фасадом к тому объекту, которому оно посвящено,—восходящему или заходящему солнцу, полной луне, определенной планете. И до сих пор храмы традиционно ставят алтарной частью на восток, а входом — на запад.

Не только строительство, но и ремонт домов сопровождался магическими ритуалами. Вот как описывает один из них Лион Фейхтвангер: «На стенах появляются маленькие красноватые и зеленоватые углубления. Порой дело доходит до того, что дом приходится ломать. Иногда помогает священник, но церемония эта очень сложная. Священник приказывает выломать заболевшие камни, затем берет двух птиц, кусок кедрового дерева, червленую шерсть и иссоп. Кровью одной из птиц он должен окропить дом семь раз, а другую птицу выпустить на свободу в открытом поле, за городом и тем умиливать божество. Тогда считается, что благодаря этой жертве дом очищен». В этом ритуале есть, кстати, и технически правильные меры — «выломать заболевшие камни».

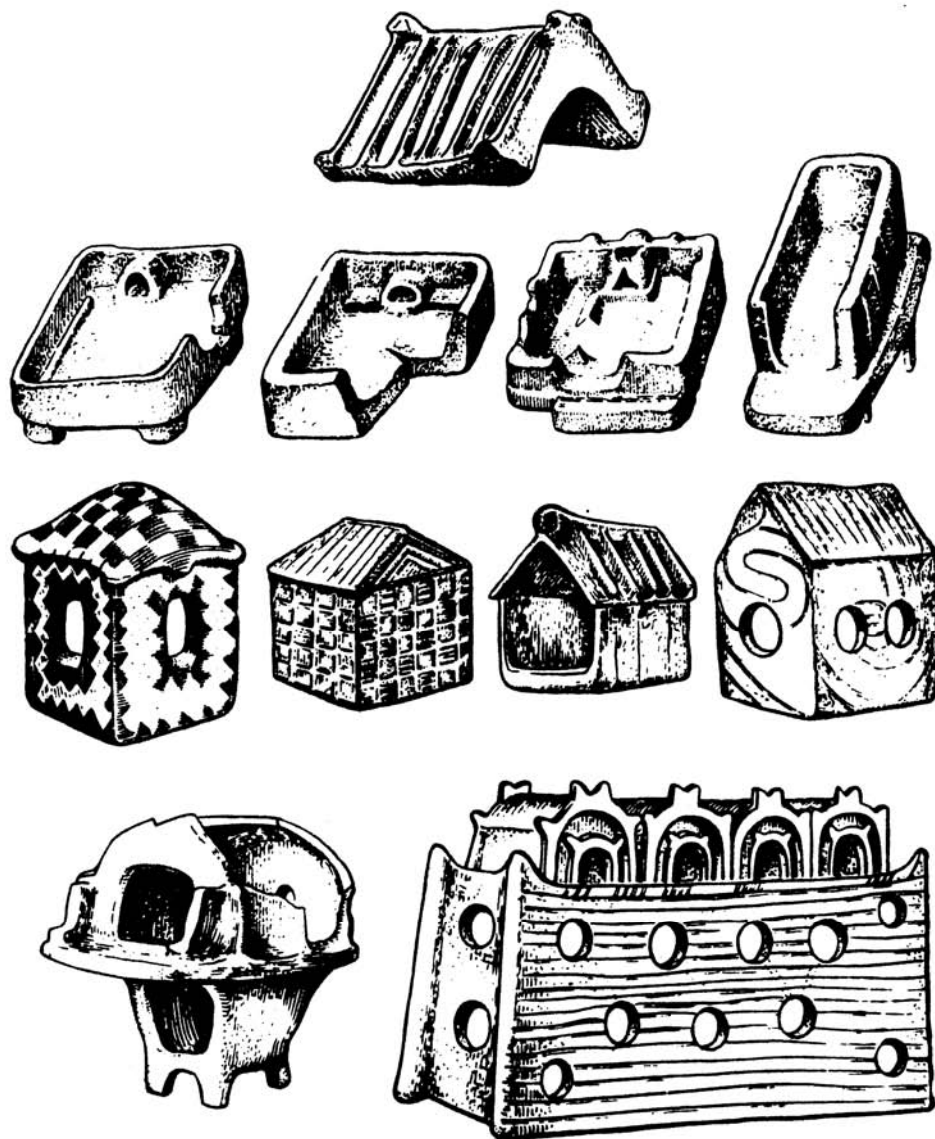
Часто одни и те же приметы и магические действия, связанные со строительством, у разных народов имели прямо противоположное значение. Так, в средневековой Италии и во Фландрии XVIII века сооружение мостов, как и возведение соборов, считалось делом богоугодным и служило основанием для получения индульгенции — отпущения грехов. А в Испании в строительстве такого сложного сооружения, как мост, предполагалось соучастие дьявола. За свою помощь он «требовал» жертвы, каковой оказывалось первое же живое существо, ступившее на мост,— оно могло погибнуть. Хитроумные испанцы вначале прогоняли по новому мосту черную кошку. Тем не менее при переходе через него они — на всякий случай — обязательно произносили молитву или заклинание. Очевидно, определенную роль тут по-прежнему играла неуверенность в прочности сооружения.

● Изна, украшенная наверху оленьими рогами (Архангельская обл., XIX в.).

Жертвы «строительным» духам приносили и в других странах. В Германии в новую постройку бросали убитую собаку или петуха, а иногда даже лошадь. Кстати, память о по-

● Энеолитические модели жилищ и их частей: наверху — глиняная крыша; второй ряд — модели начатых постройкой домов; третий ряд — модели домов или амбаров; внизу — модели двухэтажного дома и поселка.

следнем обычае сохранилась донья — вспомним, что и сегодня на крышах многих домов красуется деревянная голова коня. Считается, что и петух на башнях реформатских церквей первоначально символизировал жертву, приносимую для успешного завершения постройки.

А известное всем название гребня крыши деревянных домов — конек происходит от изображения лошади. В северных русских деревнях этот конек легко угадывается в выступающем вперед конусе выдолбленного снизу бревна, прикрывающего стык обоих скатов крыши. Издавна такой конек, ставший чисто архитектурным украшением, был предметом гордости хозяев и творческого соревнования строителей: у кого он красивее, у того изба лучше и мастер искуснее.

Многие магические представления, связанные с жилищем, зародились еще у земледельческих племен. Жители Балкан, например, для ритуальных действий лепили из глины и обжигали модели домиков. Постройка жилья предполагала три цикла магических обрядов. Во время первого освящалась земля и закладка дома (при этом под угол фундамента укладывали конскую голову или иной предмет, имеющий мистическое значение). Второй цикл обрядов требовался в тот ответственный период, когда уже были полностью выведены стены. Третий, заключительный цикл наступал к моменту сооружения кровли, когда дом был готов. Каждый цикл обрядов (иначе говоря, каждая стадия стройки) сопровождался обильным угощением. Некоторые из ритуальных моделей домиков венчала голова животного — барана, коровы.

Позднее стали делать уже не трехмерные, объемные модели домов, а двумерные: на глиняной пластинке процарапывали, вычерчивали их схему. При этом на обратной стороне пластины изображали самую начальную стадию домостроительной обрядности; на земле или на полу дома рисовали змей, вернее, ужей — покровителей жилища. У домостроителей тех мест существовал культ ужей — «господариков», которые защитят будущее жилище от напастей.

У других народов такими покровителями могли быть самые различные животные и насекомые. Так, у якутов бытовала примета, что хозяин юрты, построенной вблизи муравейников, будет жить в благоденствии.

В Киевской, Черниговской, Минской, Могилевской, Полтавской губерниях существовали свои правила закладки дома. После того как место для него было размечено, выложен первый венец, выкопаны ямы для столбов, работу приостанавливали — следовало узнать, счастливое ли это место. В выкопанные ямы хозяин высыпал рожь, клал на ночь по «целушке» хлеба, ставил по стаканчи-

ку воды. Если хлеб и вода к утру оставались в неприкосновенности, это было хорошим предзнаменованием, если оказывались опрокинутыми — следовало немедленно обращаться к ворожее. Не исключено, что таким образом проверяли, нет ли в почве, близко к поверхности воды: там дом действительно лучше не ставить.

При постройке амбара крестьяне выясняли: занято ли это место «нечистой силой». На ночь в четырех углах избранного места клали по краюшке хлеба и горсточке ржи. Уцелели они до утра — значит черта здесь нет. В этом также крылась практическая цель: сохранились хлеб и рожь — мыши тут не водятся.

В прошлом веке белорусский хозяин при сооружении избы для семьи сына должен был освятить землю, на которой предполагалось ее строить. Он чертил на земле квадрат размером с будущий дом, затем делил его на четыре небольших квадрата. После этого хозяин будущей избы отправлялся «на все четыре стороны» и приносил с четырех полей по большому камню. Их укладывали в центре каждого малого квадрата. Таким образом земля считалась уже освященной. По существу же, действия человека представляли своеобразную разметку участка под строительство. Сегодня подобным образом поступают геодезисты, вбивающие в нужных местах специальные колышки с помечками.

Но вот дом построен. Теперь его надо охранить от всего дурного. Вспомним, что для этого верующий еврей прибавал к косяку двери текст специальной молитвы-заклинания (мезузе); она оберегала дом от нечистой силы и злых чар. Инки, стряхнув пыль со своих одежд и войдя в дом, сообщал известный английский религиовед Джеймс Фрэйзер, проводили руками по голове, лицу, телу, как бы совершая омовение, чтобы изгнать всякую нечисть. На русском Севере на избах изображали гусей: считалось, что эти птицы уберегут хозяев от бед. В Бирме и Китае на крыши домов водружали хвост желтой коровы, во Вьетнаме — рога буйволлов. Рога быков и оленей красовались на домусульманских святилищах ингушей. Таджик и туркмены священными считали рога горного барана или козла — их также укрепляли на крышах домов.

По-видимому, почитание рогов, обладавших охранительным свойством, восходит к очень глубокой древности. Во всяком случае, на среднеазиатской стоянке Тешик-Таш вокруг погребения неандертальца нашли рога горного козла, уложенные по определенному плану. Раскопки палеолитических землянок в Костенках на Дону и Авдееве под Курском показали: в те времена на кровле жилища водружали череп мускусного овцебыка.

«Охраняли» дом и подобные амулеты, и самого разного рода защитительные обряды. Верхоянские якуты при новоселье брызгали на стены юрты молоком, приговаривая: «Будь, мой дом, счастливым». Во время грозы (в некоторых местах и при сильном ветре) они били по наружным стенам юрты и в окна прутьями, изгоняя из жилищ злых духов. Тувинцы брызгали на решетки юрты молоком при первой весенней грозе. Шорцы и качинцы вешали на улице около двери своего дома лапу медведя с когтями — для защиты входа от злых духов.

Особая магическая сила приписывалась некоторым металлам. Железо в воображении людей представляло как символ крепости, поэтому кусок его закапывали под порогом, чтобы предохранить хозяев от «дурного глаза» и болезней. При этом полагалось произносить заклинание: «Дай, господи... здоровья на многие годы, чтоб ничто им не вредило, как не вредит этому железу, люди, которые через него будут переступать».

У смоленских крестьян считалось, что от нави (страшных мифических огромных голых птиц или петухов размером с орла) оберегает топор. В то же время и сами птицы служили оберегами. По народной примете, петух из старого дома приносит счастье в новый дом.

Еще в начале нашего века во многих районах России существовал давний обычай при постройке нового дома торжественно переносить в него из старого жилища огонь. Люди думали, что вместе с ним они переносят и своих духов-покровителей. Вообще сохранение очага было предметом особых забот. Похищение угольков и печин (кусков вывалившегося из печи камня) представлялось действием, чреватым для хозяев крайне неприятными последствиями. Точно так же, как и тайное перебрасывание этих предметов или домашнего мусора на чужой двор.

Предрассудки, связанные с постройкой и защитой домов, у каждого народа имели свои причины. На Гавайях кухню сооружали отдельно от хижины потому, что в далекие времена мужчинам запрещалось употреблять пищу, приготовленную женщинами, и совершать трапезу вместе с ними. А когда в конце XVIII века король Камехамеха решил по примеру белых «цивилизовать» нравы своего народа и отменил древний запрет, на островах вспыхнули волнения.

Особо опасным бедствием испокон веку были пожары, причем многие из них возникали от молний. И тут тоже бытовало множество своеобразных суеверных примет и обрядов. Так, этрусски считали, что если молния ударила в общественное здание или на площадь, где происходят собрания,

значит, населению угрожают внутренние раздоры или даже государственный переворот. Если же молния ударила в городскую стену — ожидай нападения врага, к тому же с той стороны, куда целила «посланица небес».

Древние говорили: «В дерево лавр, в птицу орла и в рыбу морскую корову... не попадают молнии». Поэтому, думали они, заделанные в оружие, животные и растения отведут опасность. Альберти, знавший об этом обычае, писал: «С таким же успехом можно надеяться на то и верить тому, что лягушка, заключенная в глиняный сосуд и зарытая среди поля, отгонит птиц от посевов». Во Франции считалось, что от молнии может спасти букет или венок из папоротника, белой полыни, чеснока и ветки орехового дерева. Такой букет или венок подвешивали над дверью дома или хлева и хранили весь год. Болгары надеялись, что от молнии могут уберечь ветви платана.

В Финляндии, чтобы защитить дом от молнии, 25 июля пол застилали листвою и в этот день старались не производить шума, чтобы не привлечь грозы. На юге Германии 10 августа, (по местным поверьям, это самый жаркий день в году) люди в молчании отправлялись на поиски «угля Лаврентия», который якобы лежит где-то неглубоко в земле и может защитить от огня и молний.

Предрассудки живучи чрезвычайно. Когда в XVIII веке Франклин изобрел громоотвод, модницы стали щеголять в шляпках с громоотводами. В то же время парижский домовладелец де Визери, одним из первых поставивший громоотвод на своем доме, был за это предан суду. Процесс длился четыре года, пока в конце концов де Визери не оправдали.

Способы охранения домов от злых духов, от дурного глаза, от грома и молний крайне разнообразны. А как сохранить в доме благополучие? На

этот счет тоже существовало множество «правил». У французов, жителей Берри, в первой половине XIX века бытовал обычай: 24 июня не давать огня никому — «чтобы не ушло из дома благополучие». А в Лимбурге, в Бельгии, считали, что его принесут снопы ржи и овса, если ими украсить дом. Для этой же цели в Германии приносили зелень в дом на Иванов день. В домах и хлевах здесь хранили специальные пучки из девяти трав, составленные непременно в Кельне; травы должны были защищать обитателей дома от непогоды, болезней и других несчастий.

В Польше особую магическую силу приписывали веткам липы, клена, чертополоха, а также полыни и репейнику. Их собирали, затыкали в щели дома, под застреху хлева. Чтобы охранить дом от колдунов, крестьяне украшали его ветками клена, а отгонять болезни помогал уголек от костра, разложенного на дороге у деревни. Венгры на стенах дома или на главной балке потолка, матице, вешали венки; румыны в первый понедельник после Троицына дня расстилали внутри дома полынь; австрийцы укрепляли на стенах изображения святых. Короткие надписи гласили: «Сохраните мой дом, стойла и сараи от алчности и от всякого злого огня».

По мере того как шло время, люди познавали сложные связи в природе, выясняли многие их причины, исчезли или видоизменились мистические «жилищные» приметы и действия. Когда-то испанские крестьяне прибывали над входной дверью дома доску с изображением святого Кристобалья, чтобы защитить дом и двор от молнии. В наши дни и в Испании, и в Австрии святой Кристобаль прежде всего оберегает от автомобильных катастроф, и его изображение часто висит в автомашине.

Архитектор Жорж Кандилис описывает крестьянский дом, увиденный им в 1933 году на греческом острове

недалеко от Пирея. Над входом были укреплены вылепленные из глины змея, свинья, часы и орел. «Это четыре основы моего дома, — пояснил хозяин. — Змея — знание, свинья — благополучие, часы — подходящее время, а орел — сила. Они поддерживают мой дом. Если их убрать, дом рухнет». Была ли то искренняя вера или просто поэтический обычай? Когда группа членов муниципалитета города Симатио в Японии знакомилась с ходом строительства автомобильного тоннеля, рабочие не упустили туда женщину-депутата. Они считали, что женщина на стройке, как и женщина на корабле, приносит несчастье.

Как видим, верования, связанные с жилищем человека, с другими его сооружениями, имеют те же корни, что и все остальные суеверия, главная причина тут — незнание естественных закономерностей и их сложных причинно-следственных взаимосвязей. Когда люди их познавали, многие мистические представления в этой сфере уходили в прошлое. При этом часто сохранившиеся еще суеверия причудливо переплетались с вполне реальными взглядами, имевшими практически полезное значение.

Сегодня, когда достижения науки помогают точно рассчитывать прочность будущих сооружений, поднимающихся даже на сотни метров над землей, перекрывающих широкие реки или морские заливы, выбирать наиболее подходящее для строительства место, люди уже более уверенно говорят: «Мой дом — моя крепость». А подавляющее большинство идущих из далекой древности верований, связанных с жилищем, исчезают в тумане прошлого, оставляя лишь поэтические воспоминания и красивые обычаи. Ведь, например, зелень в доме — это всегда приятно, конек на крыше красив, если, конечно, мастер постарался...

НЕБЕСНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

Предотвращать землетрясения человек еще не научился — это дело будущего. Но предсказывать их он уже умеет. А предсказать — значит предотвратить если не само землетрясение, то его возможные жертвы.

Если бы у землетрясения была одна причина, служба предсказаний возникла бы лет 30—40 назад. Но причин, к сожалению, много, и до недавних пор сейсмологи были заняты в основном их исследованием и классификацией. Эпоха предсказаний началась совсем недавно.

Как это ни удивительно, но меньше всего хлопот доставляют предсказателям землетрясения, имеющие не земное, а небесное происхождение. Полвека назад профессор А. Л. Чижевский обратил внимание

на связь между сильными землетрясениями и солнечной активностью, усиливающейся каждые 11 лет. В чем же заключается эта связь? Замечено было, что незадолго до землетрясения в различных местах земного шара резко меняется атмосферное давление. Например, в мае 1960 года, за три дня до начала крупнейшего землетрясения в Чили, давление начало круто расти в западном полушарии и одновременно падать в восточном. Это был признак перекачки гигантских атмосферных масс из одного полушария в другое. 21 мая, в день землетрясения, разность средних давлений между полушариями достигла максимума, а 24 мая давление повсюду выравнивалось.

Как показали наблюдения со спутников и ракет, с усилением солнечной активности в атмосфере Земли начинается перераспределение энергии, атмосфера расширяется, в ней нарушается термодинамическое равновесие, а это в свою очередь нарушает равновесие в структурах земно-

го шара. Землетрясение — реакция на это нарушение.

Другой причиной землетрясений бывает перемена в поле тяготения системы «Земля — Луна», связанная с 18,6-летним циклом лунных приливов. Каждые 18,6 года плоскость лунной орбиты совпадает с плоскостью земной, и гравитационное воздействие Луны заметно усиливается. Зная об этом, ученые могут вычислить наиболее опасный период для каждого сейсмически активного района. На Камчатке, например, такой период начался в июне 1983 года, он продлится до июня 1990 года. Об этом сообщали в своем докладе на заседании Президиума Академии наук СССР, где обсуждались способы прогноза землетрясений, цунами и извержений вулканов, директор Института вулканологии Дальневосточного научного центра член-корреспондент АН СССР С. А. Федотов. По его словам, вероятность сильных землетрясений увеличивается в опасный период в 9 раз.

ИЕФФАЙ

● Лион Фейхтвангер. Фото 1955 года.

Исполняется сто лет со дня рождения Лиона Фейхтвангера (1884 — 1958), классика немецкой литературы, замечательного писателя-гуманиста, автора антифашистских романов и пьес, мастера исторической прозы.

Если выстроить сочинения писателя не по времени их написания, а по воспроизведенным в них эпохам, то они охватят и библейскую древность, и Древний Рим, и средневековье, и бурный XVIII век, и первую половину прошлого столетия, и современную писателю эпоху. Действие его произведений разворачивается в Палестине, Риме, Германии, Франции, Испании, Америке.

Мощный реалистический талант, широта исторического кругозора, высокая культура, органическая связь с традициями передовой мысли всех народов — эти присущие Фейхтвангеру черты направлены на главное: способствовать прогрессу гуманизма, поддерживать веру в силу и красоту человеческого разума, искать путь к победе светлых жизнеутверждающих начал.

Но писатель не менее сильно и зримо воплощает то, что он ненавидит, с чем борется, — войну и тиранию, варварство, бесчеловечность, мракобесие и жестокость, которые на протяжении всей истории противостоят светлым началам и идеалам.

Именно тут обнаруживается внутреннее единство двух основных ветвей фейхтвангеровского творчества — его исторических произведений и книг на современные темы. История направлена в современность и в будущее. Кровавые битвы начала железного века, Иудейская война, крестовые походы, нескончаемые распри немецких князей, преследование ведьм в Америке, паразитизм аристократической верхушки в предреволюционной Франции, наполеоновская оккупация Испании — от всего этого идет явственно прослеживаемая линия к звериному оскалу фашизма, против которого Фейхтвангер выступил сразу и очень активно в своей известной трилогии «Зал ожидания», включающей романы «Успех», «Семья Опперман», «Изгнание».

В полном соответствии с исторической правдой писатель отражает ту роль, которую играет в описываемых событиях и судьбах религия. Фейхтвангер, впитавший в себя идеи европейского просвещения и свободомыслия, скептик и рационалист, видит в религии обусловленный временем социальный институт. Вслед за Спинозой и Гёте он считает, что люди сотворили себе богов по своему образу и подобию. Писатель был всесторонне знаком с историей религии и церкви, с библистикой, с философией религии.

В трилогии об Иосифе Флавии («Иудейская война», «Сыновья», «День придет») взлет и падение героя, вся его бурная, наполненная активной деятельностью и трагизмом жизнь проходит на фоне и в тесной связи с борьбой между официальной римской религией, иудаизмом и зарождавшимся христианством. Попытка Иосифа стать «гражданином мира» разбивается о религиозный фанатизм соплеменников и жестокость завоева-

телей. В «Лже-Нероне» писатель изображает христиан как мучеников-героев, отрицающих материальные блага ради веры. Но в романах, посвященных средневековью, церковь — уже верная служанка феодальных тиранов, охраняющая не столько веру, сколько свои земные богатства («Безобразная герцогиня»). В «Испанской балладе» церковь, организующую и благословляющую крестовые походы, отличает презрение к народу, фанатизм и мракобесие. Однако писатель не обходит и тот факт, что в религиозном облике в свои времена выступали и прогрессивные идеи. В том же романе аббат Родриго, раввин Иегуда и мулла Иса, в противоположность своим фанатичным коллегам, ратуют за мир и веротерпимость.

Очень выпукло и убедительно разоблачает Фейхтвангер религиозную нетерпимость и жестокость в пьесе «Помрачение умов, или Дьявол в Бостоне», повествующей о кровавой расправе церковников в 1692 году над жителями Бостона, заподозренными в колдовстве. В романе «Гойя, или Тяжелый путь познания» яркая и могучая личность великого испанского художника, вольнодумца и антиклерикала, противостоит дьявольскому иезуитству инквизиции, реакционному союзу монархии и церкви. Борьба прогрессивных сил Франции и Америки, великих просветителей и революционеров против отживших феодальных порядков и санкционирующей их религии превосходно отражена в «Мудрости чудака» и «Лисах в винограднике». Немало великолепных страниц, раскрывающих тесную связь нацизма с самыми темными суевериями и мистикой, содержится в романе «Братья Лаутензак».

«Иеффай и его дочь» — последний роман Фейхтван-

И ЕГО ДОЧЬ

гера (1957), достойно венчающий его творческий путь. Трагическая история Иеффая, принесшего в жертву богу свою единственную дочь, содержится в библейской книге Судей и датируется временем примерно между 1300 и 1000 годами до нашей эры. Вопреки предвзвешенным тех, кто видит в Библии священное «слово божье», писатель усматривает в ней прежде всего исторический памятник, подлинное значение которого для постижения древнейшей истории было исследовано и осмыслено от многовековых мистических наслоений наукой XIX и XX веков. Властным волшебством своего воображения писатель погружает читателей в столь не похожий на все описанное им прежде — мир древних людей и преданий. Пестрой чередой проходят перед нами воины, земледельцы и скотоводы, судьи, жрецы, цари. Это гилеадиты, эфраимиты, аммонитяне, эмориты, хананеяне, вавилоняне. В центре повествования могучая и противоречивая фигура Иеффая, бастарда и изгнанника, полководца и вождя, триумфатора и несчастного отца, — образ, в котором, подобно солнцу в капле воды, отразилась та очень далекая от нас эпоха с ее неустойчивостью и разорванностью, нарождающимся и отмирающим.

Уже имевшийся в описываемую эпоху, но еще не окончательно сложившийся культ бога Яхве отобразен в романе с большой исторической чуткостью и покоряющей убедительностью. Богом Яхве клянутся, ему приносят жертвы, ковчег бога сопровождает полки в битве, с Яхве разговаривает и советуется жрец-первосвященник, богу Яхве дает Иеффай свой роковой обет. Гилеадиты еще не свободны от старых культов. Они поклоняются обитающим в деревьях ваалам, они верят в бога

аммонитян Милкома. И в завязке романа, и на всем его протяжении присутствует выраженный в речах и поступках людей конфликт между Яхве, богом отца Иеффая, и Ваалом, богом его матери и жены.

Проницательный ум писателя видит за всем этим противоборство реальных, земных человеческих интересов. Иеффай изгоняет у поклонение чужим богам, но, в сущности, чтобы лишить его имений в Маханаиме. Когда гилеадитам грозит военная опасность, они призывают Иеффая назад, готовые, хоть и без оговорок, предать забвению его «язычество». В переговорах с царем аммонитян Нахашем ссылки на богов используются для изложения территориальных претензий. В кульминации романа, в потрясающей по жестокости и трагичности сцене жертвоприношения Яалы, выясняется, что предлагавшиеся Иеффаю возможности избежать исполнения обета отвергаются им один за другим из-за долга перед Яхве, непреклонным и деспотичным богом. Но, глубоко опечаленный и несчастный, Иеффай сохраняет ясный разум и понимает: его страшное деяние наведет такой ужас на врагов, что они долго не осмелятся напасть на его страну. Страшной ценой он добивается вполне реального успеха. Весьма примечательна в связи с этим выведенная писателем под занавес на сцену фигура эфраимитского первосвященника Элеада, который открывает Иеффаю истину: бог существует лишь постольку, поскольку есть люди, верующие в него.

Предлагаем читателям несколько финальных глав романа Фейхтвангера «Иеффай и его дочь» и послесловие писателя, где он излагает свое отношение к религии, свое кредо гуманиста и атеиста.

...Теперь наконец надо было иметь мужество раскрыть перед Яалой его тайну.

Иеффай пригласил дочь на прогулку по северным вершинам. Яалу огорчало, что она рассердила его, когда в тот раз вышла ему навстречу из ворот Мицпеха. Теперь она напряженно, но доверчиво ждала, что он ей скажет.

Он видел, как она, полная радостной уверенности, идет рядом с ним, и чуть ли не с ужасом понял, как глубоко ее любит, больше, чем себя самого, больше Кетуры, больше, чем всю власть и славу мира. Он не сможет поднять нож на нее. Он возьмет ее за руку, ее и Кетуру, и удалится в самую отдаленную пустыню. Но пустыня — не убежище от Яхве. Бог все узрит со своей горы Синай, он настигнет его, где бы он ни был, и скажет: «Я слышал твой обет и дал тебе победу, а ты, клятвопреступник, где твоя жертва?» И Яхве задушит его и всю его семью.

Здесь, в окрестностях Мицпеха, повсюду были поля, загоны и стада; им пришлось долго идти, прежде чем они нашли рощу, где могли остановиться и поговорить. Иеффай видел тихое, светящееся изнутри лицо дочери, он видел, как искренне наслаждается она его близостью, он понял, что она любит его не менее, чем он ее.

Яала усердно щebetала о своих маленьких тайнах... Иеффай слышал ее детский, немного ломкий голос. Он видел ее глаза. Сколько ясной, глубокой жизни в этих глазах! И вдруг он издал стонущий, воющий звук, разорвал свою одежду, бил и раздирал свою грудь и кричал:

— Эха! И ха и ах!

— О дочь моя, — сказал он, — сколько мук доставляешь ты мне своей прелестью и своей любовью. Твоя любовь погнала тебя навстречу мне, и ты пела для Яхве и для меня, и теперь бог хочет иметь тебя всю, не только твою песню. Эха, эха! Что за страшный бог Яхве!

Яала растерянно смотрела на него. Она слышала его слова и не понимала их. Затем она поняла, что это ее он оплакивает и что ей предстоит нечто ужасное. Она без чувств соскользнула с пня.

Иеффай тряс ее, гладил, растирал ей руки, пока она не очнулась. Она посмотрела на него с улыбкой, от которой ему стеснило грудь, и попросила:

— Дай мне еще немного полежать, отец мой, и потом скажи мне все, что есть твоя воля.

Через некоторое время Яала потребовала:

— Теперь говори, отец мой, прошу тебя.

И Иеффай рассказал ей о битве, рассказал, как сначала он побеждал, как затем победа сменилась поражением и бедствием, и как он дал обет и Яхве принял его, и как бог вышел из своего ковчега, вдохнул в него и его людей десятикратные силы и отнял силу у врагов.

Яала внимательно слушала. Она кивала головой, задумчиво, одобрительно, понимающе, взвешивающе. Нечто торжественное, радостное просветлило ей лицо, и она сказала:

— Всем своим существом, всем, что есть во мне, я восхваляю Яхве. Какую большую милость оказал мне он тем, что смиловился над тобой, чья плоть и кровь — я.

И она доверилась отцу и открыла ему все то, что до сих пор было скрыто в ее груди. Емин — ее лучший друг; бог послал его спасти ее. Но он хочет взять ее к себе в постель; хоть он и не говорит этого словами, а больше глазами и всем своим поведением. И это отталкивает Яалу. Ее любимое занятие и высшее предназначение — высказать то, что творится в ее сердце; в добрые часы ей это удается. Сама она — ничтожество, но, когда она поет, тогда она переживает и ощущает нечто родственное со своим отцом. Но если она ляжет в постель к мужчине, если она своим дыханием и жизнью будет питать его похоть, тогда — она это точно знает — она лишится своего дара. И теперь Яхве в своей милости посылает ей избавление от этого страха. Он дает ей соединиться с ним, дабы ее кровь стала его кровью и послужила его укреплению.

Иеффай, раздумывая, осуждающе сказал:

— Яхве вдохнул в тебя умение трогать людей видом и голосом, а теперь он хочет иметь тебя для себя одного и похитить тебя у меня. И он отказывает тебе в том, что положено каждой женщине и является радостью любой жены.

— Я не требую этого, — ответила Яала. — Я боюсь этого. Я рада и горда, что приняла участие в твоей победе. Делай надо мной то, что слетело с твоих уст, отец мой.

Они долго сидели рядом. Иеффай увидел, что он любит эту девочку больше и иначе, чем жену; он ревнует ее к Яхве и глубоко сокрушен. А перед ней проходили в уме жестокие и сладостные мысли. Она представила камень, на котором будет лежать, и нож Яхве, и ее бросило в дрожь. Но в то же время она ощущала гордость и радость, ибо это ужасающее было высшим счастьем, настоящим и единственно сужденным ей. Она заранее чувствовала свое единение с Яхве, ее

отец и Яхве были для нее одним, она была полна спокойствия.

Иеффай и его дитя, в безмолвном согласии, скрыли от Кетуры свое страшное знание.

Кетура же ни о чем не спрашивала. Когда в тот раз у Мицпеха она увидела Иеффая, ее не удивило, что он так удручен. Она едва ли ждала иного. Иеффай победой над народом своей матери и жены бросил вызов богу Милкому. Милком сразу же отомстил, настав безумие на отступника и обратил его меч против его братьев — эфраимитов. Постепенно Иеффай осознал свою вину, и если он не вошел триумфатором в Мицпех, то это потому, что он боится еще больше разгневать Милкома. Она, Кетура, должна помочь Иеффаю, она должна вернуть его к Милкому.

— Ты выполнил свое обещание, — сказала она, — ты спас Гилеад и унижил твою наглую родню. А теперь давай уйдем прочь от этих людей, которые, как и прежде, твои враги, вернемся в страну, которую ты завоевал своим мечом и без Яхве, и где этот дикий, враждебный бог не имеет над тобой власти. И там, — добавила она лукаво и доверительно, — тебя, конечно, Милком простит.

Иеффай был поражен, как далека она от него. Как сможет она понять то ужасное, что им предстоит?

И все же он должен сказать ей. И сейчас. Он не может допустить, чтоб она узнала об этом от кого-то третьего.

Говоря в пространство перед собой, в скупых фразах он все рассказал.

Кетура воззрилась на него дикими, огромными глазами. Человек, стоящий перед нею и произносящий своими устами слова, которые противны всей природе, всему естеству, — это не Иеффай. Настоящего Иеффая, ее Иеффая, гневный бог низверг в пещеру к покойникам. Тот, кто стоит перед ней, это дух мертвого Иеффая, злой дух, пришедший причинить ей зло.

Она очнулась от столбняка, осознав смысл его слов. Он хочет погубить Яалу в ее девственности! Яала, ее плоть и кровь, дочь, в которой Кетура должна продолжить свое существование, ее он хочет уничтожить! И для врага, для Яхве, чтобы тот стал сильнее от ее крови! Она всегда это знала: когда-нибудь враждебный бог нападет на нее, как когда-то напал волк. Она не могла говорить, ей сжало горло и грудь.

Иеффай с горькой деловитостью заключил:

— Тебя, когда ты должна была быть изгнана и отдана Яхве, я сумел вырвать у него. Дитя я не могу у него отобрать.

Кетура преодолела немоту и закричала:

— Ты кровавый дурак! Милком хотел явить тебе свою милость и по-

требовал Яалу для Аммона, чтобы мы продолжили себя в династии царей. Тебе этого было недостаточно. Ты хочешь зарезать ее для своего Яхве, только бы получить больше власти и сияние вокруг своей головы, ты, ненасытный. Неужели ты не видишь, что ты искореняешь себя и меня в ней? Твой бог поразил тебя безумием. Я этого не допущу, — кричала она. — Я встану перед ребенком! Я этого не допущу!

Иеффай смотрел на нее, полный страдания, полный горя, но как чужой.

Она вдруг резко изменилась, стала совсем молодой и ребячливой и повторяла бессмысленно и настойчиво:

— Иеффай, муж мой, любимый мой, я возьму тебя за руку, другой я возьму наше дитя, и мы уйдем из владений этого коварного, страшного Яхве. В окрестностях Хермона его власть прекращается.

Иеффай был человек без нежности, но он привлек ее к себе и, утешая, погладил. Она была прекрасна в своей беспомощности. Он остро воспринимал ее красоту, он чувствовал ее кожу, и страсть проснулась в нем.

Но под платьем он почувствовал что-то постороннее — маленькие изображения богов, с которыми она не расставалась. Он всегда относился в этому добродушно, уверяя себя, что для нее это просто талисманы. Но сейчас его вдруг раздражили эти колдовские штучки. Именно здесь он увидел истоки того ужасного, что ныне постигло его. Внезапно, после того как годы он не вспоминал об этом, его охватило воспоминание, как он тогда, после пленения остриг Кетуры волосы, дабы сделать ее новой. Она странно выглядела с голой головой, он, кажется, смеялся, но и новая Кетура очень ему нравилась. Теперь же он понял, она совсем не стала новой, ни единая искра Яхве не перешла в нее и с острастанием волос к ней все больше и больше возвращалась ее старая сущность, а теперь она и вовсе стала прежней Кетурой.

Она чувствовала, что происходит в нем. Она оттолкнула его, повернулась, пошла. Задержалась, обернулась, посмотрела на него еще раз, напряженно большими испытующими глазами. Он подошел к ней ближе. Но тут она ужаснулась. Побежала, полетела. Летела прочь от него, полная ненависти и отвращения.

Когда Иеффай предложил дочери еще некоторое время святиться и готовиться в одиночестве в горах, она была разочарована.

— Отец мой, — сказала она, — не думай, что я боязлива. Я не отшатнусь и не буду себя принуждать. Моя кровь насыщена радостным смирением, подбоающим Яхве. Мне не надо долгого срока и подготовки.

Но по выражению отцовского лица она догадалась, что он желает за-

держки, а он был для нее единым целым с Яхве, его желание было волею Яхве. Ее сопротивление прошло. Она пыталась понять. Как пред царем, пелось в известных ей песнях Вавилона, проситель должен предстать пред богом в очищенном, торжественном состоянии. Она кивнула и сказала:

— Слушаю и повинуюсь.

Но она попросила только, чтобы отец определил ей короткое время в горах, и они договорились, что она пробудет там лишь дважды по семь дней.

Когда Кетура узнала, что Яале дан срок, она почерпнула в этом надежду. Когда дочь будет далеко от отца, в горах, она возьмет ее и убежит с ней. Они скроются в северной пустыне или у одного из кочевых племен Аммона, и Милком и Ваал помогут им, пока Иеффай не опомнится от своего страшного безумия.

Но Яала не хотела, чтобы кто-нибудь, кроме подруг, сопровождал ее в уединении, даже мать. Яала держалась спокойно, приветливо, но очень отдаленно и возвышенно, непостижимо отдаленно. Кетура не смогла к ней подойти. Яала, казалось, не боялась ужасного; она, очевидно, не понимала, о чем идет речь. Кетура чувствовала себя необыкновенно одинокой, муж и дочь ослепли, она осталась единственно зрячей. Она взывала к своему богу Милкому, дабы он вдохнул свое дыхание в Яалу и спас ее.

Емин заметил, что Яала все дальше и дальше уходит от него. Между ним и ею легло что-то новое, но он недоумевал, что же именно. Когда же узнал, то впал в гневное отчаяние. Он смутно ощущал, что Яала страшится слияния с мужчиной, и унимал свое страстное желание. Он был возмущен, что теперь ею должен обладать этот алчный Яхве.

И еще недавний его идеал и герой Иеффай страшно разочаровал Емина. Он верил, что Иеффай сам на одну треть бог и в нем достаточно божественного, чтобы обойтись без помощи другого бога. Теперь же оказывается, что он не более чем вождь банды и купил у Яхве победу, пообещав тому свою дочь. И сам этот Яхве, который таким образом использовал беду своих сторонников, разве он истинный бог войны и огня? Емин раскаивался в том, что он променял своего Ваала на бога, который ведет себя, как купец из Дамешка или Вавилона.

Иеффай призвал его к себе. Они стояли друг против друга напряженно, неловко. Емин, когда вновь увидел почитаемое им лицо, не смог противиться возрождению прежнего восхищения, но теперь оно смешалось с благоговейным сочувствием. Иеффай же пытался прочесть по лицу

своего юного друга, можно ли доверить ему затаенное желание.

— Я хочу,— сказал он наконец,— дать моей Яале и ее спутницам охрану, и ее должен нести надежный человек. Я выбрал тебя. Это нелюбимое задание. Яхве, которому теперь принадлежит моя дочь, сумеет защитить ее, а ввязаться в борьбу с Яхве,— заключил он медленно, веско,— на это может отважиться только очень смелый, до безумия смелый человек.

Емин внимательно смотрел на него. Понял ли он Иеффая? Действительно ли хочет он, чтобы Емин силой отнял дочь у бога?

Иеффай продолжал со странной улыбкой:

— Были времена, когда я без раздумья был готов ввязаться в борьбу с любым богом. Но теперь я очень обязан богу Яхве, он сделал для меня великое дело, и я не могу взять обратно слово, слетевшее с моих уст.

Выходит, Иеффай не предложил богу торговую сделку; наоборот, это Яхве сам навязался и вложил ему в уста непродуманные слова. Емин опять любил этого человека с властным, львиным лицом и был предан ему, как раньше. Медленно, взвешивая каждое слово, он ответил:

— Я ничем не обязан Яхве.

Иеффай подошел к нему вплотную и сказал:

— Ты еще недолго состоишь на службе Яхве. Не принимай скорых, смертельных решений, Емин, друг мой. Уясни себе: если кто попытается отнять у бога то, что ему принадлежит, он совершает маал, кражу собственного бога, а Яхве не тот бог, который позволяет себя грабить. Он очень ревнив и очень силен, он вооружен не только черным железом, но и лучом молнии.

Емин спросил:

— Что бы ты сделал, если кто-либо похитил бы Яалу несмотря на охрану?

Иеффай ответил:

— Я бы отвоевал ее для бога, а похитителя убил.

Емин сказал:

— А если он доставит ее туда, где ты не сможешь ее найти?

Иеффай ответил:

— Яхве найдет ее.

Емин сказал:

— Есть страны, где Яхве не имеет власти.

Иеффай молчал.

Емин был горд, что Иеффай доверил ему спасение дочери, и он без раздумья был готов принять на себя гнев Яхве. Но не гнев Яалы. Он не сможет ничего предпринять без ее согласия.

Он сказал ей, что Иеффай дал ему указание сопровождать ее. Она попросила, чтобы он следовал за ними в некотором отдалении; она хочет в этом путешествии иметь около себя только своих ближайших подруг, но

не мужчин. Именно теперь или никогда Емин должен открыть ей тайное намерение. Но он не находил подходящих слов, стоял, мялся и наконец, в смятении перейдя на угаритский язык, неуклюже сказал:

— Среди твоих близких есть такие, которые из дружбы к тебе радовались бы, если бы ты ушла дальше, чем в горы.

Яала сначала подумала, что неправильно его поняла. Но затем, когда поняла, ответила, и негодование звучало в ее хрупком голосе:

— Те, кто поступает так,— не мои друзья.

Емин, с возрастающим смятением, предпринял последнюю попытку.

— Иногда боги меняют свою волю,— сказал он.— Может, Яхве придумает что-нибудь другое.

Яала необыкновенно гордо и решительно ответила:

— Этого Яхве не причинит мне и моему отцу.

Тут Емин понял, что она всем своим существом принимает то, что ей предстоит, и что он не может помочь ни ей, ни Иеффаю, ни самому себе. И его охватила такая печаль, какой он не знал никогда в своей жизни.

Известие об обете Иеффая вызвало в стране Гилеад удивление и страх. Часто случалось, что гилеадиты приносили в жертву своему богу пленных, но уже с давних времен они не жертвовали отпрысков своего племени. Они вспомнили вождя колена Нобаха, который был судьей, когда Аммон, Моав и Мидиан совместными силами напали на них; этот Нобах пожертвовал тогда Яхве старшего сына. Но Нобах имел еще много сыновей и дочерей, Иеффай же жертвует единственное дитя, он разрывает цепь своего рода.

Иеффай отпустил военнообязанных Гилеада и оставил в своем лагере только собственных людей с севера. Он почти физически ощущал ужас, сгустившийся вокруг него. Даже враг, должно быть, ощущал его; никакая крепостная стена не защищала столь надежно.

В эти дни, когда Яала была в горах, он добросовестно занимался делами судьи и военачальника. Делал это с привычной уверенностью, но холодно, безучастно. Он был одинок, чужд всем, чужд себе самому.

Он ждал Яалу, полный тоски и полный страха.

Все чаще он видел себя перед тем ужасным, что он должен совершить. Он видел, как вонзает нож в горло своего ребенка. Он отшатывался от этой картины в невыразимом ужасе. Но случалось также, что его, когда он думал об этом, охватывала страшная жажда крови. В испуге он обнаруживал, что жаждет этого.

С севера прибыли Пар и Кася.

Прежнему Иеффаю раскаяние и

возвращение друга доставили бы удовлетворение. Нынешний Иеффай остался холоден. Что понимают эти жалкие люди в его боли! Они могут делать только маленькие дела, испытывать только слабые чувства. Он остался равнодушным к любви сестры и друга.

Абиям передал ему, чтоб он явился в шатер Яхве.

С тех пор как Иеффай открыл ему свой обет, старого жреца одолевали сомнения: какого рода та жертва, коей Иеффай обязался богу. Это искупительная жертва за кровавое насилие над Эфраимом, и бог, вкладывая человеку в уста опасный обет, уже заранее наказал его за злодеяние? Или же это жертва благословенного, которая должна теснее связать его с богом? Это отнюдь не праздные размышления. Ибо если речь идет о жертве воссоединения, тогда Иеффай сам должен совершить заклание; если же это искупительная жертва, тогда принести жертву должен он, жрец.

Абиям представил себе, как девушка, голая и связанная, лежит перед ним на камнях здесь, в шатре Яхве, в святая святых, он видел себя поднимающим нож. Будет очень трудно принять окончательное решение. Случалось, что бог отказывался от заклания после того, как жертвующий доказывал свою готовность. От праотца Авраама Яхве потребовал, чтобы тот принес ему в жертву своего сына Исаака. Праотец взшел на гору, совершил акеда — связал сына и положил его на алтарь; но этого оказалось достаточно для испытания, Яхве пощадил мальчика. Возможно, Яхве и теперь пошлет своему жрецу такое же внушение. Возможно, он, Абиям, должен будет объявить любимому и ненавистному Иеффаю: «Возьми назад свою дочь. Яхве смиловился над тобой, как делал это не раз, он удовольствовался твоей готовностью».

Но что будет, если случится так? Эфраим и весь Израиль будут издеваться: «Гилеадиты чувствуют себя виновными, но они не хотят платить свой долг». И Эфраим нападет на Гилеад, чтобы совершить кровавую месть.

В глубине души жрец, правда, не верил, что Яхве откажется от жертвы. Воин Иеффай не таков, как праотец, он не благочестив и не смиренен, он непослушен, он лишь со скрипом отдает богу то, что должен ему; почему же бог должен его пощадить? С другой стороны, несмотря на это, Яхве с давних пор обратил к нему свое лицо. Возможно, и на этот раз он решит его благословить и оставит ему его дитя.

Раздираемый такими сомнениями, жрец решил — это случилось, наверное, последний раз в его жизни —

вопросать знамения Яхве, урим и тумим, таблички света и совершенства. Он освятился, вступил в центр шатра, ощутил опасную близость бога. Задал три вопроса, разрешенные ему. Должен ли он истолковать жертву как искупительную или как жертву воссоединения? Должен ли он объявить Иеффаю это толкование как приговор бога или как свое собственное мнение? Должен ли он сказать Иеффаю, что бог довольствуется его готовностью? Абиям вопрошал с искренней, горячей преданностью. Но тщетно. Бог молчал, он возлагал на жреца всю тяжесть ответственности.

И вот пришел Иеффай, он сам звал его. Вот он стоит перед ним в шатре Яхве. Абиям должен начать решительный разговор и не знает, как и к чему он должен его вести.

— Слушай, сын мой и господин, — сказал он. — В том, что ты мне сообщил, много темного. Скажи-ка мне, прошу тебя, еще раз слова твоего обета, дабы я мог решить, действителен ли он перед Яхве. Ты можешь разгневать бога, если принесешь ему дар, которого он не желает.

Когда Иеффай услышал о приглашении Абияма, в нем вспыхнула новая, бессмысленная надежда на то, что Абиям, несмотря ни на что, нашел способ достойным образом освободить его от обета. Теперь же, когда в самом деле Абиям предлагает ему извлечь пользу из двусмысленности обета, Иеффай ощутил гнев и стыд.

— Если я отдаю приказы, — сказал он, отклоняя помощь, — мои люди должны повиноваться. Они должны повиноваться, даже если я только намекну им. Я солдат, я солдат Яхве. Если Яхве только намекнет мне, я должен повиноваться. Это он послал Яалу мне навстречу, и я сделаю по воле его.

Гордыня Иеффая раздражала жреца. Но он сдержался и сказал:

— Я человек, который хранит камень и ковчег бога. Ты повинешься ему лучше всего, когда следуешь моему намеку.

— Слушай, Абиям, — ответил Иеффай, — я не хочу твоей помощи, не желаю твоей дружбы. Ты вложил в меня мысль о боге Яхве, который вне всех иных богов и много выше их. Твоя мысль верна, она впиалась в мою грудь, но я не хотел ее, я против нее. Из-за сопротивления этим твоим мыслям случилось так, что я убил эфраимитов. Вина на тебе. Дай же мне самому выполнить свой обет и отклонить твою помощь. Ты мне не друг.

Жрец ужаснулся ненависти, вырвавшейся навстречу ему. Но слишком соблазнительно было для него предствление, как он сам совершит акеда, связывание, и примет решение, умертвить или пощадить девушку. Он терпеливо ответил:

— Со времен судьи Нобаха ни один

человек в Гилеаде не приносил в жертву дитя своего дома. Хочешь ли ты взять службу и действие на себя одного, без совета, без знания обряда?

Иеффай медлил. Было заманчиво совершить самое страшное не собственной рукой. Но он видел ненавистное лицо этого другого. Мысль о том, что он должен передать обреченную любимую дочь в эти руки, привела его в бешенство. Ревность поднялась в нем.

— Мне не надо посредника, — ответил он твердо, хрипло. — Я не желаю твоего ковчега завета, твоего камня и твоей руки, чтобы она вела нож. Это моя жертва. Что тебе за дело?

Абиям снова сдержал себя, попросил:

— Не говори так, сын мой и господин. Дело не в тебе одном; дело касается всего племени Гилеад, которое кровью и готовностью жертвы вновь соединится с богом. Племя из-за твоего преступления возложило на себя кровавый долг. Священная связь племени с богом ослабла из-за тебя. Не упрячься. Дай племени принести жертву моей рукой.

Иеффай мрачно и резко возразил:

— То, что я делаю, я делаю не для племени. Меня не заботит, соединится ли племя вновь с богом. Пойми же наконец: это дело только между Яхве и мной. И никто не должен вмешиваться. И уж давно не ты.

Он покинул жреца не попросившись.

Накануне возвращения Яалы с гор Иеффай выступил, чтобы пройти ей навстречу большую часть пути. Он взял с собой Касю, Пару и одного верного слугу. Кетура следовала за ними, но на расстоянии, как боязливый зверь.

В Иеффае шевелилась тихая, безумная надежда на то, что Яала не придет, Яала исчезнет. Емин понял его, Емин желает столь же горячо, как он сам, отнять Яалу у алчного бога. Возможно, ему удалось похитить ее, спасти ее. Иеффай снова и снова говорил себе, что это праздные мечтания. И все же он был испуган и поражен так, будто внезапно ночь опустилась на светлое поле, когда увидел Яалу идущей по опасной дороге.

Медленно спускалась Яала вниз к мягко колышущейся степи. Подруги остались немного позади. Вдали, на краю неба, виднелись Емин и его семерка.

Иеффай и сопровождавшие его спешили и приветствовали Яалу серьезно и солидно, но не без смущения. Яала ответила на приветствие дружески, непринужденно. Но она сияла новой, строгой, высокой красотой, и другие не осмеливались приблизиться к ней; они стояли друг

Рисунок Б. Жутовского.

против друга, Яала и подруги, Иеффай и его люди, маленькие, молчащие, резко вырисовывающиеся на фоне далекого светлого неба.

Наконец Яала сказала, а у нее все еще был ломкий, детский голос:

— Вот и я, отец мой и господин, и я готова.

Иеффай охотно побыл бы с ней наедине. Он должен ей еще открыть так много, чего не мог или не хотел сказать все годы, и он должен спросить ее о многом, и, хотя он не красноречив, она даже из его несвязной речи почувствовала бы то, что должно перейти от него к ней. Но тут были другие, и она была далеко от него. Он видел и все видели, что бог уже взял ее себе; она возвышается над другими, приветливая и чужая. И все же Иеффай был уверен, что сумел бы вырвать ее у бога и у ее отчужденности, если бы был с ней один.

Он сказал:

— Что должно случиться, дочь моя? Должны ли мы возвратиться в Мицпех? Или ты хочешь направиться на север, в Маханайм? Или даже в страну Тоб?

Он надеялся, что она решится на страну Тоб и, стало быть, на более длинный путь, чтобы она была с ним еще немного времени.

Яала увидела Кетуру, которая подкралась ближе и, очевидно, почерпнула из слов Иеффая последнюю шаткую надежду. Она сочувствовала матери, но это оставалось легким, очень далеким сочувствием. Она сказала:

— Только немного тысяч шагов отсюда до вершины, и на вершине большое зеленое дерево Эз-Раанан, которое люблю богу. И камни там есть, из которых ты можешь построить алтарь. Если тебе угодно, отец мой, пусть это произойдет там.

То, что это должно произойти так скоро, Иеффай встретил как новое, неожиданное несчастье. Но он подавил свое волнение и ответил:

— Пусть свершится по слову твоему, дочь моя. Покажи нам вершину, и мы разобьем там лагерь на ночь.

Яала указала им место. Глубже внизу все уже высохло, но горная долина была еще зелена и пестра. Был солнечный день. Вдали проходили кочевые пастухи со своими овцами, были слышны их однотонные крики. Сопровождавшие Иеффая и Яалу сидели и лежали вокруг посреди цветущих трав, испытывая странное смущение. Они наблюдали суетливую жизнь насекомых в траве и цветах, обменивались незначительными словами. Девушки напевали песни, слышанные ими от Яалы. Все стремились быть такими, как всегда. Они охотно говорили бы о том, что у них на сердце, но не поворачивая язык.

Кася сказала Иеффаяу:

— Я приготовила напиток, он сла-

док и крепок, и если она выпьет его, то будет лежать в беспамятстве и не увидит, что с ней будет.

Иеффай был благодарен. Добрая, разумная сестра позаботилась о том, чтобы сделать тяжелое более легким. Но он не думал, чтобы Яала приняла напиток, и сомневался, хочет ли он сам этого.

Когда солнце начало склоняться к западу, они сели за еду. Затем оставили Яалу одну, ибо, казалось, она этого хочет.

Тут к дочери подбежала Кетура. Она схватила ее за руку, ее огромные, одичавшие глаза впелись в лицо дочери. Она заклинала ее своим глубоким голосом:

— Идем со мной, дочь моя! Иди со мной! Брод через реку недалеко. Никто не осмелится тронуть тебя. Когда мы окажемся на другом берегу, власть Яхве уменьшится, и мой бог защитит тебя. Беги от этих убийц! Иди со своей матерью! Давай жить как прежде!

Яала была с нею приветлива. Ей было жаль мать, но как зверя, который страдает от непонимания, и поэтому ему нельзя помочь.

Стемнело. Яала сказала отцу:

— Давай выйдем в степь, отец мой и господин, и побудем вместе, как мы делали раньше.

Они вышли в ночь. Но Иеффай не держал ее за руку, как с удовольствием сделал бы раньше. Он чувствовал, что она ближе к богу, чем к нему. Они прошли короткое расстояние, затем сели. Но никто не знает, о чем они говорили, если говорили вообще.

Ранним утром они снялись с места. На Яале было шафранного цвета длинное платье. Пар и Кася, Емин и подруги сопровождали ее. Слуга вел осла, нагруженного дровами и жаровней. В отдалении следовала Кетура. Так шли они, молча, сквозь прекрасное утро к вершине.

Когда они приблизились к вершине, Иеффай велел слуге остаться и сам повел осла. Он не хотел, чтобы Яалу на ее пути дальше видели чужие глаза.

Остальные продолжали путь. Степь перешла в кустарник. Тут Яала сказала Шимрит, Тирце и Шейле:

— Оставайтесь здесь, дорогие мои, и пусть Яхве обратит к вам свое сияющее лицо.

Прежде подруги заплакали бы и завопили. Теперь же они промолчали и низко поклонились.

Когда же вошли в рощу и приблизились к лесной поляне, Яала сказала Пару и Касе:

— Оставайтесь здесь, дорогие мои, и пусть Яхве обратит к вам свое сияющее лицо.

Касе очень хотелось поцеловать и обнять обреченную, но она сдержалась, и они тоже молча низко поклонились Яале.

Когда же оставшиеся по опушке

леса дошли до подъема на вершину, Яала велела остаться и Емину.

И вот они одни, Иеффай и она. Только вдалеке еще шла Кетура. Она тихо стонала и выла и продолжала свой путь, мимо Емина, вверх на гору, к зеленому дереву. Яала, однако, чувствовала к ней сострадание и не прогоняла ее. Но когда они близко подошли в вершине, Яала подождала, пока Кетура подойдет, и сказала:

— Не иди дальше, мать моя.

Она сказала это негромко, нестрого, но так, что Кетура повиновалась, не протестуя, и даже прекратила свои стенания.

Иеффай и Яала поднялись еще выше. Вершина была голая, покрытая большими и малыми камнями; наверху стояло дерево, широкое, зеленое и мощное.

Они сели. Иеффай смотрел на свое дитя. Ее матово-коричневое тело просвечивало сквозь тонкое платье. Ему казалось, будто он видит ее впервые, он очень любил ее. Он жаждал, чтобы она смотрела на него, никто не мог смотреть так, как она; все, чем она была и чем жила, было в ее глазах. Он также жаждал слышать ее голос. Кто однажды услышал этот голос, тот не забудет его, и ему, Иеффаяу, этот голос был знаком, как его собственная рука. И все же ему казалось, что он слышит ее голос, и в нем было страстное желание, чтобы она заговорила.

И вот она встала и заговорила.

— Я видела Яхве,— сказала она.— Его лицо — как твое. Я люблю Яхве, потому что его лицо — как твое.

Иеффай слушал это ошеломленно и со стыдом. Они оба воины, Яхве и он; но он слишком далеко зашел, бог же имеет власть и могущество, и он не может слишком далеко зайти. Гордый Иеффай, когда сейчас ребенок сказал ему, что он похож на Яхве, горько устыдился, но в то же время его охватило теплое чувство.

Он не осмеливался говорить, он только смотрел и смотрел на нее.

Затем наконец он ей предложил сонное питье. Но она повернула к нему свое спокойное лицо и сказала:

— Я хотела бы видеть тебя, отец мой, когда ты превратишься в Яхве. Я видала тебя в твоем гневе, я видала, как из твоих глаз лучился великий, страшный свет гнева, и я не боялась. Я и теперь не буду бояться. Я принадлежу тебе.

Иеффай не настаивал, он поставил кубок с напитком на землю.

Они молча смотрели друг на друга и без слов говорили многое, чего не сказали до сих пор. Спустия некоторое время Яала попросила:

— Доставь мне еще одну радость, отец мой. Я много раз в эти дни видела Яхве, он сияет ужасно и великолепно, и я люблю его. Но у него нет одного, что есть у тебя. Прошу тебя,

отец мой: позволь мне еще раз услышать твой смех.

Иеффай ужаснулся в сердце своем. Как он смеет смеяться в это утро своей грудью и своим горлом! Но он видел полные ожидания глаза Яалы. Она никогда не лежала с мужчиной в постели, она ребенок; ребенок Яала хочет, чтоб он смеялся. И Иеффай собрался с силами. Иеффай засмеялся.

Тут Яала обрадовалась и сама засмеялась вместе с ним тихим, довольным смехом.

Затем он приступил к делу. Снял обувь. Ставил вместе камни и составил из них алтарь. Положил дрова на камни. Потом он связал дитя веревкой, очень осторожно. Поднял ее. Какая она легкая! Он видел, как вздымается и опускается ее грудь под платьем шафранного цвета. Он видел ее глаза. И она видела его глаза. Он положил ее на камни.

Затем он поступил с нею по своему обету.

Многие гилеадиты до последнего момента полагали, что Иеффай обойдет свой обет. Теперь они услышали: он не сделал этого, он заключил новый, кровавый союз с Яхве, он принес дочь в жертву. Они восхищались судьей, который своим подвигом на долгие годы обеспечил племени поддержку Яхве, но ощущали некоторое беспокойство. Шепотом рассказывали они о праотцах, которые приносили в жертву детей, дабы укрепить стены городов Мицпех и Рамот, шепотом — про Моисея, того вождя в пустыне, того жениха крови, на которого напал бог в брачную ночь. Они были благодарны Иеффаю; но если раньше они любили его и откликались на его живые, веселые шутки, то теперь он стал им жуток.

Иеффай на много дней пропал. Немногие, кто сопровождал его в тот раз к вершине, видели, как он спускался вниз по склону, с окаменевшим лицом, медленно, неверным шагом, как будто он идет во тьме; никто не осмелился приблизиться к нему и тем более заговорить с ним. И он исчез в лесу, уполз, как зверь.

Затем очень ранним утром он внезапно появился, одичавший, грязный. Пошел в лагерь, в свою палатку. Очистился, как требует обычай траура по покойнику.

Пришел Пар. Иеффай сухо спросил

его, как дела в лагере и в Мицпехе. Пар доложил. Он отослал большую часть людей в Тоб и Башан. Ибо ныне, очевидно, больше не угрожает опасность ни со стороны Аммона, ни со стороны Эфраима. Иеффай выслушал с замкнутым лицом, кивнул.

Все тем же сухим тоном он спросил Касю, где Кетура и где Емин. Кася, запинаясь, осторожно ответила, что, должно быть, оба ушли на север, в пустыню.

Иеффай удивительно равнодушно заметил:

— Вышло, стало быть, так, как желал Абиям. Аммонитянка изгнана со всем, что ей принадлежит. Далеко отсюда. Назад в глушь и пустыню.

Он занялся делами лагеря. Отдавал краткие приказы. Послал Пару назад в Башан с указаниями, как поступить с теми, кто стал нетверд в своей верности; это были строгие указания.

Он пошел на рыночную площадь Мицпеха и сел в каменное кресло судьи. Народ стоял вокруг него опасно, напряженно. Двое людей были здесь для суда и приговора. Иеффай выслушал их, задал несколько кратких вопросов, вынес свой приговор с твердым лицом, справедливо.

Он отправил послание царю Нахашу, пригласил его прибыть в лагерь у Мицпеха.

Царь, несмотря на поражение при Нахал-Гаде, все еще ожидал, что сможет заключить союз с Иеффаем. Но потом Иеффай принес дочь в жертву своему богу, ему не нужен союз с Аммоном, он чудовищной ценой купил у своего бога господство в восточной Иордании. Было безумием продолжать бороться против такого человека. Царь, как ни неприятен ему был властный приказ Иеффая, покорился. Он направился в Мицпех.

Он ужаснулся, когда увидел Иеффая. Он ведь воистину был расположен к нему, как к младшему брату. В человеке, который стоял против него теперь, не было больше ни следа любезного, веселого Иеффая, каким он был тогда, в Элеалехе. Иеффай Мицпеха был мрачен, зол.

Его условия заключались в том, чтобы Аммон на долгие годы подчинился народу Гилеада. Нахаш попытался разговаривать в прежнем, добродушно-хитром духе. Его слова отскакивали от холодности и неприступности нового Иеффая. С этим несчастным человеком нельзя гово-

рить. Нахаш ощутил нечто вроде сочувствия своему победителю, он отказался от намерения просить менее жесткие условия.

Прибыл новый боевой знак. Художник Латарак хорошо потрудился, медное изображение было еще краше, чем прежде, угрожающе и властно сверкала из облака молния. Но Иеффай не ощутил радости, когда наконец боевой знак был водружен опять перед его палаткой. Ни одно из прежних его мечтаний не пробудилось. Он остался безучастным. Пустыня была в нем.

На Сильпу и на своих братьев он глядел без ненависти. Шамгар он даже допустил к себе немного ближе.

Шамгар, по примеру писцов из Силома, начал описывать деяния Иеффая. Сначала он, как и те из Силома, пытался объяснить их. Но хотя удивительные события, происшедшие с Иеффаем: его беда в битве, его обет, его победа, злодейство над эфраимитами и жертвование дочери,— очевидно, были тесно связаны, Шамгар, тем не менее, не был способен познать, где причина и где следствие. Искупление злодеяния началось до того, как случилось злодеяние, а разве может быть, что более позднее началось прежде, чем случится более раннее? Шамгар перестал объяснять события и ограничился их описанием; пусть потомки объяснят их по собственному разумению.

В наивной, смиренной, обстоятельной манере он рассказал Иеффаю о своих усилиях и прочел ему кое-что из табличек. Иеффай взял таблички в руки и нащупал нанесенные на них буквы.

Итак, вот что осталось от его побед, трудов, смертных мук.

Он продолжал жить под Мицпехом, в своей палатке.

Гилеад процветал. Люди Гилеада почитали его больше, чем кого бы то ни было на человеческой памяти. Но что-то нереальное было вокруг него, он присутствовал среди них и одновременно все же отсутствовал. Страх их не исчезал, они больше не могли к нему приближаться. Даже дети чувствовали это и прекращали свои игры и крики при виде его.

Он сам чувствовал себя иногда как мертвец, вышедший из пещеры. Он был как из воздуха и тумана, будто кровь жизни вытекла из него.

ПОСЛЕСЛОВИЕ Л. ФЕЙХТВАНГЕРА

История Иеффая описана в книге Судей. Эта книга, седьмая по счету в Ветхом завете, рассказывает о завоевании страны Иордана израильскими племенами. События, о которых рассказывает книга, происходили в 1300 — 1000 годы до нашей эры. Но авторы, сообщившие нам о них, жили в девятом или восьмом веке, последняя редакция, очевидно, была предпринята даже в шестом

веке до нашей эры, и этим позднейшим писателям мир древних сказаний был уже чужд. Кроме того, они хотели дать событиям благочестивое толкование. Так что книга Судей в дошедшем до нас виде сумбурна и полна противоречий.

Однако она содержит отрывки, принадлежащие к прекраснейшим и сильнейшим в Ветхом завете: великолепная воинственная песнь Деборы, народные сказания о Гидеоне, забияке и сорвиголове, легенды о могучем Самсоне и филистимлянах и прежде всего — легенды об Иеффе.

В сорока семи предложениях*, рассказывающих о жизни этого Иеффая, пятого из великих судей в Израиле, переработаны четыре древних предания, принадлежащих к разным эпохам и первоначально не имевших друг с другом ничего общего. Очевидно, в основе этих четырех источников лежит исторический материал, но столь же ясно, что позднейшие авторы и редакторы неправильно поняли этот материал. Дело не могло обстоять так, как рассказывают библейские авторы.

Это прежде всего история о том, как Иеффай, незаконорожденный, был лишен наследства и изгнан своими братьями, но потом в качестве главаря банды действовал столь успешно, что его племя перед лицом военной опасности призвало его обратно и сделало своим вождем. С этим связано сообщение о переговорах, в которых Иеффай хитроумным теолого-юридическим образом пытается обосновать перед вражеским царем претензии Израиля на земли к востоку от Иордана. Эти выкладки звучат весьма странно в устах главаря банды, показанного в первом рассказе. Кроме того, позднейший автор, вложивший их в его уста, путает имена вражеских богов. Затем следует третья история, прекрасная и впечатляющая, об обете Иеффая и о принесении им в жертву своей дочери. Этот рассказ, изложенный истинным поэтом, лишь немного был изменен позднейшими редакторами. Четвертый эпизод, присоединенный к первым трем без всякой связи, сообщает о дикой, бессмысленной братоубийственной войне между племенем Иеффая и племенем Эфраима.

Итак, все это позднейший редактор книги втиснул в свои сорок семь предложений, и, так как его книга вошла в канон священного писания, эти сорок семь предложений были тщательно сохранены на протяжении веков.

Но живыми остались только те десять предложений, в которых волнует и переживает неизвестный автор девятого века, искренне рассказывая об обете и жертве Иеффая.

Эта история, и из всей жизни Иеффая только она, не давала покоя фантазии позднейших художников. Поэты, музыканты, живописцы все снова обращались к ней. Шекспир, который очень редко упоминает о персонажах Библии, говорит об Иеффе, его дочери и его кровавой клятве в трех местах, один раз в «Гамлете». Старый Георг Фридрих Гендель в страшные времена своей слепоты пишет большую ораторию об Иеффе и его обете.

Древнейшие известные нам сказания о принесении в жертву близких людей возникли в одно и то же время в Израиле и в Элладе, примерно в девятом веке до нашей эры. Тогда один из авторов кипрского эпического цикла рассказал об Агамемноне, принесшем в жертву свою дочь Ифигению, другой греческий автор рассказал историю Идомея, который из-за своей несчастной клятвы принес сына в жертву Посейдону. В те же времена библейский автор, которого ныне принято называть Элохист, повествует о жертве Исаака; в ту же эпоху возникает и сказание об Иеффе.

Тогда в обеих странах еще были распространены человеческие жертвы; но еврейские и греческие писатели уже воспринимали жертвоприношение сына или дочери как нечто бесчеловечное. Они независимо друг от друга смягчали древние сообщения. Идомей не имел в виду именно свое дитя, Иеффай — также; обет одного и другого был двусмысленным. Приносимый в жертву Исаак был в конце концов пощажен богом, Ифигения тоже была спасена. Тогдашние авторы, исходя из своего собственного умонастроения и морали, больше не одобряют кровавых обетов своих праотцев. Они наивно переселяют людей из преданий, живших за полтысячелетия до них, в свое собственное время и ощущают, при всем почтении к героям, тихий страх. Они не знали или не заботились о том, что взгляды и обычаи изменились. Они заставляли

Агамемнона и Иеффая думать и поступать так, как они сами.

Сегодня мы, владея результатами многовековых исследований, лучше, чем Гомер, знакомы с жизненными отношениями эпохи Троянской войны. Мы знаем значительно больше, чем библейские авторы, о нравах и взглядах людей на рубеже бронзового века, эпохи, в которую правили и сражались судьи Израиля. Мы знаем больше, чем редакторы книги Судей, о религиозных представлениях, вынудивших Иеффая принести свою дочь в жертву богу.

С того времени, когда я мальчиком с трудом переводил книгу Судей с древнееврейского на немецкий, удивительный рассказ об обете Иеффая не давал мне покоя. Мой учитель, в высшей степени неодобрительно относившийся к обету Иеффая, дополнял библейское сообщение преданиями, которыми послебиблейские толкователи, авторы таргума и мидраша, оболочивали первоначальный рассказ: как дочь Иеффая Шела ходила к раввинам, чтобы побудить их объявить обет недействительным, согласно писанию; как бог, разгневанный нечестивым обетом, поразил раввинов слепотой; как первосвященник, знавший о недействительности клятвы, был слишком горд, чтобы прийти к Иеффе, а тот, со своей стороны, слишком заносчив, чтобы посетить первосвященника; и как в наказание жрец был смещен со своей должности, а у Иеффая члены разошлись в разные стороны, так что его труп, разъятый на части, был похоронен в разных местах.

Позднее я занялся методическим, научным изучением Библии. То, что археологи, филологи, историки извлекли из земли и из груд древних документов, и то, как они из этого сконструировали реальную историю иорданских стран, казалось мне более увлекательным и волнующим, чем любой детективный роман. Постепенно образы Библии, знакомые с детства, стали во мне сливаться с людьми, о которых я узнал из научных исследований. Несвязные, противоречивые истории, рассказываемые Библией об Иеффе, сцеплялись друг с другом, образовывали во мне единое целое, теперь я мог включить их в надлежащую эпоху и надлежащий мир. Постепенно дикий, кровавый, великий, злосчастный главарь разбойников Иеффай становился для меня реальным историческим лицом.

Я видел его в стране Гилеад среди людей, которые, происходя от поколений кочевых пастухов, лишь с трудом подчинялись новым порядкам оседлой жизни. Я видел, как он полудобровольно, полувынужденно возвращается к свободной жизни в пустыне. Я вижу, как он побеждает опасности и вождей соседних населенных областей.

Напрашивалась попытка изобразить всю страну и всю эпоху.

Вот древние города страны Иордана, защищенные своими крепостными стенами, наполненные прекрасными и полезными вещами, изготовленными с помощью тысячелетней техники, радующиеся своей культуре. Владыки этих городов уже много веков подвластны египетскому фараону или великим царям севера. Но вот великие царства Юга и Севера слабеют, и городские владыки страны Иордана делаются независимыми. Однако тут им грозит новая опасность. Кочевые племена хабири, евреев, которые раньше предпринимали лишь разбойничьи набеги, ныне, когда нет центральной власти, объединяются в отряды и завоевывают большую часть земель и мелкие города. Они угрожают даже древним, укрепленным, богатым городам, а некоторые они уже завоевали или разрушили. Пришельцы верны своим прежним кочевым нравам, они ненавидят и высмеивают цивилизацию коренных жителей. В то же время, однако, они понимают, что образ жизни этих последних

* Книга Судей, гл. 11, ст. 1—40 и гл. 12, ст. 1—7. (Прим. перев.)

лучше приспособлен к оседлости, и постепенно сами перенимают давние обычаи и воззрения страны. Мне казалось весьма соблазнительным изобразить столпотворение этих племен, народов и нравов, которые все находились в становлении или упадке, и изобразить изменения, которые подобное развитие целого должно нанести на сущность отдельного.

Но тем временем я увидел Иеффая, как он стоит, большой, одинокий и мятежный, под бледным, пустым небом, терзаемый распрями и противоречиями своего века. Он конфликтует с оседлым народом и с племенами кочевников тоже, он принадлежит к семье своего отца, но и к племени своей матери тоже. Он восстает против бога оседлых жителей, но и против бога кочевников. Он восстает на жрецов, на царя своей матери и на себя самого.

Таким я увидел этого человека, большого и одинокого, и я уже не мог мельчить его или оставить в тени, рисуя пестрый мир во всем его многообразии. Напротив, я старался представить веяния времени в нем одном. Я пытался посредством изображения его меняющегося внутреннего настроения обрисовать развитие общественного строя всей страны Иордана. Я хотел возвысить своего Иеффая до типа, не лишая его индивидуальных черт. Его судьба, какой бы редкостной и странной она ни казалась, должна была стать притчей.

Автор, намеревающийся ныне воплотить в слова и образы незатейливый мир библейских людей, должен быть готов к нападкам. На его пути стоит фанатический предрассудок тех, кто видит в Библии «слово божие», предрассудок, который старались закрепить на протяжении семидесяти поколений. И даже если автор имеет дело с беспристрастным читателем, его задача остается весьма трудной.

Вот этот человек, Иеффай. Его важнейший противник — это «бог», «бог» решительно вмешивается в судьбу Иеффая. Но многие читатели будут недовольны, и не без оснований, услышав слово «бог». Ни одно понятие и ни одно слово не было столь многозначно, не претерпело столько изменений, так не окружено ладаном и разнообразными туманами. Автор, стало быть, с самого начала должен дать читателю недвусмысленный образ бога Яхве. Читатель должен ясно видеть, что речь идет о боге Иеффая, боге определенной эпохи и определенного человека. Автор должен оживить того бога, который три тысячи лет назад жил и действовал в представлении древних евреев.

Многие ученые XIX и XX веков занимались тем, что знакомили нас с религиозными представлениями Передней Азии в древности. Они указали на многие факты, объясняющие, каким образом народы и личности создавали и лепили богов по своему постоянно меняющемуся образу и подобию. Религиозные представления, считавшиеся в бронзовом веке суевериями, были, очевидно, верой в каменном веке. Вера бронзового века была обречена на то, чтобы стать суеверием в железном веке. Бог древнееврейских племен постепенно превращался из бога войны и огня в бога земли и плодородия, у оседлых племен он обретал иной облик, нежели у кочевых пастухов, он все снова и снова принимал новые облики.

Исследователи нашего времени — не первые, кто заметил это. Уже Гете фразу Библии «Элохим сказали друг другу: сотворим человека по образу и подобию нашему» переделал так: «Человек сказал: сотворим богов по образу и подобию нашему». А за столетие до него Спиноза с тонким юмором сострил: «Треугольник, если б он мог говорить, сказал бы: бог в высшей степени треуголен».

Убедительно изложить знания подобного рода в теоретических очерках — задача не слишком трудная. Но автор, желающий сделать религиозные представле-

ния библейской древности предметом художественного произведения, идет на большой риск. Он должен добиться того, чтобы читатель не только постиг умом религиозные представления тех далеких времен, но и почувствовал их. Читатель должен перевоплотиться в человека бронзового века. Должен стать Иеффаем. Должен, независимо от науки своего времени, видеть бога Иеффая, иного бога Яалы, иного бога Абияма, Кетуры, Элеада.

Меня укрепляла и поддерживала в этом предприятии мысль, что персонажи моего романа однажды уже были рассмотрены исторически.

Дело в том, что авторы исторических книг Библии в значительной мере обладали чувством историчности. Они заботились о том, чтобы расположить своих героев в исторической связи, они даже переделывали их для этой цели. Эта связь зачастую была не реальной, а сконструированной, и некоторые герои не удались библейским авторам. Но очень многие образы Библии проникнуты той атмосферой историчности, которой недостает образам других ранних литератур. Конечно, древнееврейские авторы были опутаны предрассудками своего времени, но все же они осознавали, в отличие от великих поэтов Греции, что их собственная эпоха — это звено бесконечной цепи, мост между прошлым и будущим. Они стремились придать событиям прошлого порядок, связь, направление, указующий в будущее смысл. Даже враждебные комментаторы признавали за библейскими авторами то преимущество, что они раньше, нежели другие, владели философией истории, чувством историчности, сознанием становления и развития, сознанием динамического, диалектического. Их герои живут не только своей собственной жизнью, они пропитаны историей.

Я пытался, исходя из более широких знаний нашего времени, придать своей книге такую историчность. В этом смысле, и только в этом, мой «Иеффай» является библейским романом.

Наша эпоха — это время быстрых, резких изменений, а в такие времена события, гигантски искаженные, заслоняют человеку вид на всеобщее, универсальное, на историческое. Он видит только самое ближайшее будущее, только завтрашний день. Он переполнен событиями, он вынужден принимать решения, действовать, а, как считал Гете, «действующий всегда бессовестен, совесть имеет только обдумывающий».

Когда я приступал к работе над «Иеффаем», я тоже говорил себе: в наше время задача пронизать книгу такой историчностью, какой требует подлинно библейский роман, почти неразрешима. Однако я отважился на это. Я надеялся, что эта попытка содержит награду в самой себе.

Так оно и было. Именно множась трудности доставляли мне новые мысли и переживания.

Полузабытое искусство исторического повествования — это очень высокое искусство. Исторический роман — законный наследник великого эпоса. Он освобождает каждого, кто усердно работает над ним, от статической повседневности. Поднимает его над самим собой, дает ему ощущение бесконечного становления, учит его понимать свое время как нечто динамическое.

И даже если историческому роману посчастливилось лишь наполовину, он все равно дает читателю такое переживание, которого не может подарить ни один иной беллетристический жанр. Читатель может с расстояния наблюдать за героями исторического романа и одновременно принимать участие в их жизни. Он не только понимает, но и ощущает, что проблемы этих людей, как бы ни отличались они от нынешних, сходны с теми, что волнуют его самого и будут некогда волновать его внуков.

Перевел с немецкого Г. ГАБИНСКИЙ

В странах социализма

22 июля Польская Народная Республика отмечает свое 40-летие. Этот юбилей ее народ встречает в трудных условиях постепенного преодоления кризисных явлений последних лет. На Всепольской конференции делегатов IX съезда Польской объединенной рабочей партии в марте нынешнего года говорилось о том, что решения IX чрезвычайного съезда ПОРП, направленные на выход страны из кризиса, в значительной мере претворены в жизнь. Однако процесс стабилизации еще не завершен. Выступивший на конференции с докладом Первый секретарь ЦК ПОРП В. Ярузельский подчеркнул, что хотя пройден важный отрезок пути, но путь, который предстоит пройти, будет нелегким. «Нам еще далеко до преодоления глубоких нарушений в общественном сознании,— сказал он.— В споре за умы и сердца людей нашим оружием были и есть научное мировоззрение, основательные политические знания, а также историческая, экономическая, революционная идея — марксизм-ленинизм».

В ту большую разъяснительную, пропагандистскую, воспитательную работу, которую ведет Польская объединенная рабочая партия, свой вклад вносит и Общество распространения светской культуры (ОРСК), главная задача которого — содействие прогрессивному процессу лаицизации (так в Польше называют освобождение общественной жизни и сознания людей от религиозного влияния), формированию у граждан ПНР научного, материалистического мировоззрения. Еженедельная газета ОРСК «Аргументы» регулярно информирует читателей о работе этого Общества, о буднях его местных организаций.

● Установленная в центре польской столицы бронзовая фигура девушки с обнаженным мечом олицетворяет героическую борьбу поляков за освобождение Варшавы, за независимость родины.

Фото ТАСС.

BOHATEROM
WARSZAWY
1939-1945

ПОМОГАЯ ФОРМИРОВАНИЮ

МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Общество распространения светской культуры было создано 15 лет назад в результате объединения существовавших прежде Общества атеистов и свободомыслящих и Общества светской школы. В настоящее время действует около девяти тысяч местных организаций ОРСК, насчитывающих в своих рядах более 117 тысяч членов. ОРСК ведет свою работу в сложных условиях, когда антисоциалистические силы предпринимают попытки играть на религиозных чувствах верующих поляков, используют религию для дестабилизации положения в стране, для провоцирования политических конфликтов. В такой обстановке активисты ОРСК разъясняют политику Польской объединенной рабочей партии и социалистического государства по отношению к религии, церкви, верующим, пропагандируют конституционные принципы свободы совести, отделения церкви от государства, светского характера государственной школы и т. д.

«Аргументы» поместили отчет о пленуме правления ОРСК, посвященном задачам Общества на нынешнем сложном этапе развития Польши. Общее направление

работы ОРСК в современных условиях определено его IV съездом (ноябрь 1982 г.) — прошедший пленум конкретизировал эти установки, обсудил формы и методы активизации мировоззренческого воспитания граждан ПНР и упрочения светских принципов общественной жизни.

«Среди программных задач Общества,— подчеркнул на пленуме председатель правления ОРСК профессор Тадеуш Ярошевский,— важное место занимает деятельность, направленная на освобождение общественной жизни и сознания поляков от религиозного влияния и на формирование у них научного мировоззрения».

Пленум поставил перед местными организациями ОРСК задачу — существенно активизировать деятельность Общества, усилить его мировоззренческое влияние, в частности среди молодежи. Он признал необходимым активнее противодействовать клерикальным силам, принимающим попытки расширить свое влияние в различных слоях населения, совершающим акты религиозной нетерпимости и прямых нарушений конституционного положения об отделении церкви от государства.

В этой работе ОРСК стремится налаживать сотрудничество с различными общественно-политическими и воспитательными организациями. «Аргументы» приводят на своих страницах примеры такого сотрудничества. Совместно с Союзом социалистической молодежи ОРСК создало Молодежный центр светской культуры, который осуществляет организационное и методическое руководство мировоззренческим воспитанием молодежи. Этот центр и его филиалы в ряде воеводств проводят встречи с учеными, деятелями культуры, диспуты о цели и смысле жизни, обряды посвящения в рабочие, получения первого паспорта и другие.

Школа — предмет особой заботы ОРСК. И это понятно: в юные годы вырабатывается характер, формируется мировоззрение, именно в такой период важно оказать на ребенка, подростка, юношу нужное идейное, нравственное, мировоззренческое влияние. Приходится учитывать и то обстоятельство, что общеобразовательные школы и средние специальные учебные заведения стали в последнее время объектом нападков со стороны экстремистских клерикальных сил. В ряде школ появились распятия и другие религиозные символы. Верующих школьников подстрекают нарушать закон об отделении школы от церкви. Вылазкам воинствующих клерикалов противодействуют государственные власти и общественность. ОРСК также ведет соответствующую разъяснительную и воспитательную работу. Активисты Общества читают лекции, проводят беседы, объясняя, что церковь в Польше отделена от государства и обучение в государственных школах в соответствии с законом носит светский характер.

Школьные ячейки ОРСК ведут разностороннюю работу по мировоззренческому воспитанию учеников. «Аргументы» часто пишут о работе кружков и клубов молодых рационалистов, созданных во многих школах. В этих кружках и клубах знакомятся с философскими знаниями, с основами материалистического мировоззрения, с атеистическими традициями польской культуры. Ту же цель преследуют всепольские молодежные конкурсы философских знаний — сейчас проходит уже шестой такой конкурс. Под руководством ОРСК при школах работают народные университеты для родителей.

Важное место в структуре ОРСК занимает центр подготовки атеистических кадров. «Аргументы» рассказывают о различных формах учебы активистов Общества; широко освещалась работа всепольской сессии, на занятиях которой большое внимание было уделено задачам ОРСК в современных условиях, выработке наиболее эффективных методов формирования научного мировоззрения у различных групп населения, становлению новых форм обрядности.

При правлении ОРСК действует 14 проблемных комиссий. «Аргументы» поместили информацию о конференции, посвященной идейно-воспитательной работе ячеек ОРСК по месту жительства. Ее провела в Пулавах (Люблинское воеводство) комиссия по работе среди населения. В конференции приняли участие представители Люблинского, Варшавского, Замосьского, Жешувского, Остроленского, Валбжихского воеводств. Они обменялись опытом работы по формированию социалистического образа жизни, пропаганде социалистических идеалов и новой обрядности. Приводились такие примеры действенных форм этой работы, как молодежный дискуссионный клуб философской мысли в Пулавах или циклы лекций для молодых семей в Валбжихе. Участники конференции наметили меры к более тесному сотрудничеству с местными общественными организациями, культурно-просветительными учреждениями, школами.

Среди публикаций, рассказывающих о деятельности правления ОРСК, отметим репортаж о его клубе, который вот уже 10 лет действует в Варшаве. Здесь ежемесячно проходят интересные встречи актива Общества с выдающимися деятелями науки и культуры. Двери клуба открыты для всех желающих, сюда приходят не только члены ОРСК, но и многочисленные гости — рабочие варшавских предприятий, ученые, студенты. Встречи

проводятся в форме дискуссий, в ходе которых рождаются интересные предложения: как оживить, сделать более привлекательной и действенной работу ОРСК. Именно так прошла встреча, описанная в «Аргументах». Уже само ее название располагало к дискуссии: «Почему ОРСК называется Обществом распространения светской культуры?». И дискуссия состоялась. Речь шла о давних светских традициях польской национальной культуры, о том, как лучше их популяризировать, как вести мировоззренческое воспитание в семье и школе, в производственном коллективе.

Аналогичные клубы действуют во многих воеводских центрах. Во Вроцлаве, например, это Клуб свободной мысли. В ряде мест существуют и специальные клубы читателей «Аргументов». А недавно, как сообщил еженедельник, при правлении Варшавской воеводской организации ОРСК открыт новый клуб — учителя и воспитателя.

«Аргументы» освещают опыт работы местных организаций ОРСК. При этом газета не преувеличивает их успехи, не скрывает серьезных трудностей, острых проблем, которых немало. Характерна в этом отношении корреспонденция из Катовиц «Без излишнего оптимизма».

В ней рассказывается о славных традициях атеистического движения в индустриальной Верхней Силезии. Еще до второй мировой войны здесь были широко распространены антиклерикальные настроения. Атеистические кружки, действовавшие под руководством коммунистов, имели четкую политическую программу, требовали отделения церкви от государства. Многие рабочие официально порывали с церковью, становились неверующими. Когда в 50-х годах в Народной Польше начали создаваться организации Общества атеистов и свободомыслящих, одна из самых массовых и деятельных сложилась в Катовицком воеводстве.

Эти славные традиции продолжают сегодня активисты ОРСК. Действовать им приходится в нелегких условиях. В 1980—1981 годах организации этого Общества подверглись яростным нападениям антисоциалистических и клерикальных сил. При этом Катовицкое воеводство стало объектом особенно ожесточенных атак пресловутой «Солидарности». Членов ОРСК запугивали, требовали роспуска ячеек. Тем, что Общество сохранило свою структуру и формы организации, не прекратило деятельности, оно обязано прежде всего партии, ее поддержке.

Теперь в Катовицком воеводстве действуют 836 местных ячеек ОРСК, объединяющих более 10 тысяч человек. Здесь работает 537 народных университетов для родителей, 50 кружков молодых рационалистов, ведется разнообразная пропагандистская, воспитательная работа, входит в жизнь новая, безрелигиозная обрядность. И хотя успехи пока еще скромные — так их оценивают руководители Катовицкой организации Общества, — но отраднее то, что оно своей деятельностью завоевывает все большее признание широких масс населения этого индустриального края.

В начале нынешнего года прошли пленумы правлений многих воеводских организаций ОРСК, на которых подведены итоги их деятельности, намечены задачи и планы работы. «Аргументы» информируют своих читателей об этих заседаниях.

В публикациях последовательно проводится мысль: вся деятельность Общества распространения светской культуры направляется Польской объединенной рабочей партией. Из номера в номер помещают «Аргументы» сообщения об этом благотворном влиянии, о том, как партийные комитеты заслушивают отчеты руководителей организаций ОРСК, о том, какая им оказывается помощь.

Заканчивая краткий обзор польского еженедельника, отметим, что вот уже четверть века (он выходит с 1957 года) существует тесное сотрудничество между «Аргументами» и «Наукой и религией», обе редакции обмениваются опытом, поездками журналистов, которые на месте глубже знакомятся с особенностями работы коллег. Намечаются пути укрепления и повышения действенности этих связей.

В ОБЩИХ ИНТЕРЕСАХ

А. КУЦЕНКОВ,
доктор исторических наук

Угроза ядерной катастрофы, реально представлявшая перед человечеством, вызвала подъем антивоенного движения широких народных масс во всех странах. В него вливаются все новые отряды, представляющие различные социальные слои, политические направления и идейные ориентации.

Заметно усилились антивоенные настроения и в религиозных кругах Запада. Свидетельств тому немало. Одним из них, например, может служить VI Ассамблея Всемирного совета церквей, проходившая в июле-августе 1983 года в Ванкувере (Канада). Она квалифицировала производство, размещение и использование ядерного оружия как преступление против человечества, решительно осудила концепцию «ограниченной» атомной войны и призвала все страны, владеющие ядерным оружием, отказаться от доктрин «первого удара». Ассамблея высказалась и против концепции «устрашения» как неприемлемой с моральной и политической точек зрения.

Церковные деятели СССР и братских стран знакомят религиозную общественность Запада с политикой социалистических государств, с позицией общечеловечности своих стран, особенно верующих, в вопросах войны и мира. Руководители религиозных ассоциаций СССР — буддисты, иудеисты, мусульмане и христиане — в ноябре 1983 года выступили с обращением к верующим стран — участниц Хельсинкского совещания за мир и безопасность в Европе. Они высказались против размещения здесь американских ядерных ракет среднего радиуса действия, поддержали ответные меры правительств СССР, ГДР и ЧССР и призвали церкви и конфессиональные общины Европы и Америки наращивать усилия для предотвращения ядерной катастрофы.

Коммунисты приветствуют деятельность всех, кто хочет мира и выступает против угрозы войны. XXVI съезд КПСС отметил важность сотрудничества в данной области со всеми миролюбивыми силами, в том числе и с религиозными кругами. И это отнюдь не тактический прием, как пытается изобразить империалистическая пропаганда. Неоднократное предостережение В. И. Ленина против того, чтобы религиозный вопрос был поводом и предлогом

разъединения демократических сил в борьбе за коренные интересы трудящихся, актуально и в наши дни. Достаточно вспомнить, что за диалог с массами верующих высказывались Московское совещание коммунистических и рабочих партий (1969 г.), Берлинская конференция коммунистических и рабочих партий Европы (1976 г.), Парижская встреча коммунистов (1980 г.). За широкие контакты и диалог с религиозными кругами в интересах мира и предотвращения войны выступают компартии многих стран.

Разумеется, на пути установления и укрепления взаимопонимания и сотрудничества марксистов с христианами Запада стояло, да и продолжает стоять немало трудностей. Среди них и мировоззренческие различия, и, главное, антикоммунистические предрассудки, которые усиленно насаждались и насаждаются буржуазией и клерикальной реакцией. Но за последние десятилетия положение заметно изменилось. Сказались и большее знакомство Запада с реальной, а не вымышленной социалистической действительностью, и возросшая общность интересов в деле сохранения мира. Появление оружия массового уничтожения, угроза, нависшая над человеческой цивилизацией, показали всем землянам, верующим и неверующим, что они жители одного дома. И если ему грозит пожар, то самое разумное — объединить усилия всех живущих под общей крышей, чтобы отстоять свою жизнь и благополучие.

Первая встреча христиан и марксистов, организованная Международным институтом мира и Институтом мира при теологическом факультете Венского университета, состоялась в 1971 году в Вене. С тех пор они устраиваются практически ежегодно. Меняются места, участники, повестка дня, но неизменна взаимная заинтересованность в обмене мнениями и в достижении взаимопонимания¹.

Очередная, 11-я по счету встреча-диалог христиан и марксистов прошла в Вене 30 ноября — 3 декабря 1983 года. Ее организаторами были Международный институт мира в Вене, Венский университетский центр мирных исследований, Институт этики и социальных наук теологического факультета Венского университета и профессор Пол Мойзес из Института мира и взаимопонимания (США). Во встрече участвовали 43 научных работника и преподавателя светских и религиозных исследовательских и учебных центров 15 капиталистических и социалистических

стран, в том числе 12 человек из ВНР, ГДР, ПНР, СССР, СРР, ЧССР. Обычно американцы проявляют большой интерес к диалогам, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что на предыдущих встречах такого рода в Мадриде (1981 г.) и Флоренции (1982 г.) США были представлены соответственно 5 и 8 участниками. На сей раз, однако, из-за океана приехал лишь один человек. Высказывались предположения, что остальные желающим помешали американские власти.

Тема диалога была сформулирована достаточно широко: «Цели миролюбивой политики в современном мире». Однако уже с первого дня в центре внимания оказались наиболее актуальные вопросы — положение в Европе, политика США и Советского Союза; первоочередные задачи миротворческих сил.

Атмосфера встречи определялась тем, что она проходила в тот самый момент, когда американский империализм особенно ярко проявил свою агрессивную сущность. Игнорируя нормы международного права, его вооруженные силы оккупировали маленькое независимое государство Гренаду, свергли там законное правительство и установили режим террора. Американский 6-й флот начал подвергать варварским обстрелам города и села Ливана, а базирующаяся на его кораблях морская пехота оккупировала Бейрут. Второй год бесчинствовала в этой стране израильская военщина. И что особенно встревожило европейское общественное мнение: не дожидаясь наступления ими же самими установленных сроков, США стали размещать ракеты среднего радиуса действия с ядерными боеголовками и крылатые ракеты на территории ФРГ, Англии и Италии. В этих условиях многие в Европе, пережившей за полстолетия две мировые войны, всерьез задумались о будущем, о том риске, которому они подвергнутся, веря свою судьбу безответственной и авантюристической политике США. Об этом говорит и беспрецедентный размах антивоенного движения. Во время недели действий за разоружение, проведенной по инициативе ООН и национальных движений за мир в конце октября 1983 года, в антивоенных манифестациях приняли участие десятки миллионов граждан Великобритании, Голландии, ФРГ, Дании, Португалии, Финляндии, Швеции, Италии, Бельгии, Франции, США и Канады. Опросы населения тех стран, где размещаются американские ракеты, показывают, что 74 процента западных немцев, 75 процентов англичан и 79 процентов бельгийцев против евrorакет.

Тщательно проанализировав создавшуюся обстановку, руководство СССР приняло решение о невозможности дальнейшего участия в переговорах по ограничению ядерных вооружений в Европе, об отмене взятых Советским Союзом в одностороннем порядке обязательств не развертывать ядерные средства средней дальности в европейской части СССР и об ускорении по согласованию с правительствами ГДР и ЧССР подготовительных работ по размещению на территории этих стран оперативно-тактических ракет повышенной дальности. Было со всей ясностью заявлено, что, поскольку размещение американских ракет в Европе повышает ядерную угрозу для Советского Союза со

¹ См. об этих встречах опубликованные в журнале «Наука и религия» статьи Н. Александрова (1975, № 1, 7; 1976, № 8; 1977, № 6) и В. Кулыгина (1977, № 9).

стороны США, соответствующие советские средства будут развертываться в океанах и морях. Решение нашего правительства поставило перед жителями Западной Европы вопрос об ответственности каждого за сохранение мира на Европейском континенте и во всем мире.

Разумеется, чтобы осознать новую ситуацию в Европе, требовалось время, и далеко не у всех достало мужества увидеть правду такой, какова она есть. «Когда мы в прошлом году во Флоренции принимали решение об организации этой встречи, немногие из нас могли себе представить, насколько тема диалога окажется актуальной, а сама встреча своевременной», — сказала, например, в своем докладе профессор Григид Пёллинг (Австрия). — В течение двух последних недель мир в целом и Европа в частности стали свидетелями ряда событий, породивших кризис такого масштаба, как в трагические дни холодной войны. Но именно эти события, на которых нет нужды останавливаться, делают нашу конференцию еще более важной не только с теоретической, но и с сугубо практической точки зрения. В свете последних событий некоторые люди, считающие себя реалистами, стали сомневаться в возможности диалога и его эффективности в момент, когда стороны заняли столь жесткие и несовпадающие позиции. И все же диалог в интересах мира, — подчеркнула З. Пёллинг, — всегда возможен».

Все эти обстоятельства и определили подход его участников к обсуждаемым проблемам, их настроение, дух дискуссии в целом, обостренное чувство ответственности и осознание важности происходящего. На многих международных встречах нередко оказываются люди, которые вне зависимости от темы диалога непременно «проговаривают» обязательный, стандартный набор «обвинений» и «упреков» в адрес коммунизма, СССР и других социалистических стран. Но на фоне серьезности сложившейся ситуации, всеобщей озабоченности судьбами Европейского континента эти искусственные и провокационные сюжеты на венской встрече практически отсутствовали.

Ситуацию в Европе после появления на ее территории первых «Першингов» и крылатых ракет подавляющее большинство участников встречи квалифицировало как тревожную и даже критическую. Они согласились с тем, что будущее Европейского континента, всего мира связано не с размещением новых ракет, не с наращиванием атомной мощи, а с сокращением ядерных вооружений, и осудили действия американской администрации. Выступая на пресс-конференции в последний день встречи, известный австрийский общественный деятель, профессор теологии Венского университета каноник Рудольф Вайлер сформулировал эту идею достаточно определенно. «Действия Рейгана, — сказал он, — не получили одобрения участников диалога».

В ходе встречи было заслушано несколько докладов, которые обсуждали практически все присутствующие. В выступлениях советских участников диалога излагались принципы внешней политики СССР, позиция по вопросам ядерных вооружений и оружия массового уничтожения, инициативы и предложения по их сокращению, подчеркивалась связь разоружения с решением актуальных общечеловеческих проблем, включая искоренение голода, нищеты и болезней, помощь развивающимся странам Азии, Африки и Латинской

Америки. К сожалению, некоторые западные участники диалога оказались недостаточно знакомы с политикой Советского Союза и других братских стран по этим вопросам или же имели о ней искаженное представление. Здесь явно чувствовалось влияние буржуазной пропаганды, которая часто замалчивает или извращает внешнеполитические инициативы СССР.

В ходе дискуссии затрагивались и такие фундаментальные проблемы, как понятие мира, источники напряженности, причины гонки вооружений. Профессор Г.-Х. Шрай (ФРГ) поставил вопрос, следует ли связывать мир с условием «сохранения статус-кво» в сфере социальных отношений и идеологии, или же понятие мира включает в себя «более справедливый социальный порядок». В этом выступлении отразилась точка зрения некоторых западных политологов, полагающих, будто источником напряженности, гонки вооружений и военной опасности служат революционные процессы в современном мире и борьба идей между капитализмом и социализмом. Сам Г.-Х. Шрай высказался за «деидеологизацию» общественной жизни как условие сохранения мира.

Однако подавляющее большинство участников встречи не согласилось с ним. Во многих выступлениях марксистов и христиан подчеркивалось, что мир — это прежде всего отказ от применения насилия в международных отношениях, широкое сотрудничество государств с различным социальным строем. Что же касается исторического процесса, то его остановить

нельзя, как нельзя отказать народам в праве выбирать ту форму общественного и социального устройства, которую они считают для себя наиболее подходящей. Международная напряженность и угроза войны нарастают именно тогда, когда империализм вмешивается во внутренние дела других стран, силой насаждает реакционные режимы, подавляет стремление людей к социальному прогрессу. Точно так же утопична и реакционная концепция «деидеологизации» общественной жизни и прекращения борьбы идей в современном мире. Ведь и христианство — тоже одна из форм идеологии, и было бы нереалистично требовать, чтобы его последователи перестали верить в бога. Важно другое — не делать идеологические расхождения источником военной конфронтации.

Агрессивный характер современной американской военно-политической доктрины убедительно показал, в частности, профессор И. Каль (ФРГ) на примере рейгановской риторики об «империи зла», Армагеддоне и т. д. Эти образы взяты президентом из Нового завета, где содержится пророчество о последнем сражении сил «царства божьего» с силами зла, которые в этой битве терпят поражение. Эти богословские упражнения, считает И. Каль, нельзя понимать иначе, как желание Р. Рейгана навсегда покончить с коммунизмом. И это не просто глупая риторика, — сказал западногерманский теолог. Ведь нынешний хозяин Белого дома — представитель военно-промышленного комплекса США, за ним стоят огромные разрушительные силы.

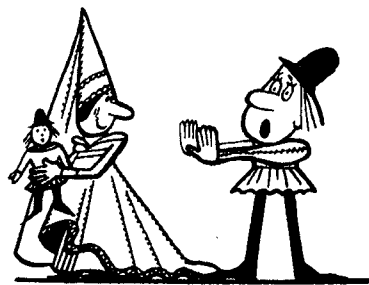
Многие выступавшие подчеркивали, что порочность позиции американского президента состоит в намеренном искажении картины современного мира. Действительность сложнее его надуманной черно-белой модели. США — отнюдь не воплощение «царства божьего». Жестокая эксплуатация, бедствия и нищета миллионов безработных и «цветных», полицейский произвол, политический гангстеризм, вопиющие социальные контрасты, глубокий моральный кризис, падение нравов — вот что такое современная Америка. И социализм — отнюдь не «империя зла», не «царство язычества». СССР заплатил 20 миллионами жизней, спасая человечество от ужасов фашизма. Советский народ и народы братских стран добились выдающихся успехов в экономике, науке, культуре, не знают, что такое безработица, голод, нищета, бесправие, эти извечные язвы капитализма. Именно социализм выступает сегодня решительным пропагандистом и защитником мира.

Миротворительный характер нашей Родины и агрессивность американского империализма хорошо иллюстрируются динамикой вооружений, дислокацией воинских частей и другими показателями. Атомная бомба была создана в США во время второй мировой войны и сброшена на Хиросиму и Нагасаки в августе 1945 года. В СССР же первое испытание такого оружия прошло только в 1949 году. Трансконтинентальные стратегические бомбардировщики и атомные подводные лодки появились у США уже в середине 50-х годов, а у нас — только в конце этого десятилетия. Разделяющиеся боеголовки с индивидуальным наведением американцы разработали в конце 60-х годов, а наша страна — лишь пять лет спустя. США начали строить оснащенные ядерным оружием авианосцы в начале 60-х годов, а в конце 70-х — начале 80-х уже создали нейтронную бомбу. У Советского Союза

Со всего света

МИСТИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ

Куклы — эти милые и безобидные игрушки детворы в далеком прошлом вызывали... ненависть и омерзение. Так утверждает немецкий ученый Макс фон Бэн. По его словам, некогда женщины использовали кукол для того, чтобы держать своих супругов «под каблуком». Ворожба над фигурками, изображавшими неверных мужей, всевозвездно воспринималась как месть обманутых жен, поэтому в средние века куклы внушали мистический ужас.

же вообще нет этих видов вооружения, как и военных баз за пределами государств Варшавского Договора, тогда как 1500 американских стратегических опорных пунктов разбросаны по всем континентам и размещены не только в странах НАТО, но и на территории десятков других государств, удаленных от Соединенных Штатов на многие тысячи километров. Эти и иные принципиальные различия в политике СССР и США не оставляют сомнения в том, откуда исходит угроза миру и кто повинен в срыве женевских переговоров о сокращении ядерных вооружений.

Участники диалога сошлись на том, что, как бы ни складывалась международная обстановка, контакты и обмен мнениями между различными миролюбивыми кругами должны продолжаться во имя достижения единства в общих усилиях, направленных на предотвращение войны, на сокращение вооружений и разоружение.

Имеет принципиальное значение и сам факт проведения диалогов между христианами и коммунистами. С первых дней существования нашего государства империалистическая, в том числе клерикальная, пропаганда упорно навязывала западному обывателю клеветнически-карикатурный стереотип коммунизма. Вкратце он сводится к тому, что социализм — общество «греховное», отрицающее и попирающее все важнейшие человеческие ценности, глубоко враждебное «христианской цивилизации». Стало быть, и коммунист — это человек без морали и нравственности, тупой фанатик, который не останавливается ни перед чем. Отсюда же делается вывод, будто между «христианским Западом» и «безбожным Востоком» нет ничего общего и они никогда не поймут друг друга. С миром социализма, дескать, нельзя достичь соглашения, ибо любая договоренность с «безбожниками» не имеет под собой никакой гарантии. С коммунизмом, мол, можно разговаривать только с позиции силы. Спаситься от него можно, только уничтожив его. Яркий пример — рейгановское определение СССР как «империи зла».

Вот почему то обстоятельство, что уже в течение 12 лет христиане и марксисты стран с разным общественным строем плодотворно обмениваются мнениями, что их объединяет заинтересованность в сохранении мира и при этом они не только находят общий язык, но и приходят к общим выводам по самым важным и актуальным вопросам современности, не может не выбивать почву из-под антисоветской пропаганды, подтверждая очевидную истину, что граница, разделяющая силы войны и силы мира, проходит не между «безбожниками» и верующими, а между империалистической реакцией и широчайшими народными массами.

Ведь хотя «у коммунистов и католиков, как известно, — различные философские воззрения, — говорится в ответе Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко делегации муниципалитета г. Ассизи и представителей ордена францисканцев, — однако это не мешает нам совместно бороться за мир, когда миру угрожает серьезная опасность»².

● Кучи мусора и отбросов стали неотъемлемым фоном для многих памятников средневековой архитектуры.

Фото автора.

С. МЕДВЕДКО

● В последнее время печать Египта все чаще выражает тревогу о судьбе уникальных исторических ценностей, которыми так богата эта страна, чья цивилизация насчитывает несколько тысячелетий. Журналисты с горечью констатируют, что Египту принадлежит первенство в мире не только по количеству и уникальности памятников древности, но и по разрушению, разграблению и разбариванию собственных сокровищ. Если дело так пойдет и дальше, то в недалеком будущем египтянам, желающим познакомиться с историей собственной страны, придется ехать не в Луксор или Каир, а в США или Западную Европу. Преступные шайки, связанные с международной мафией, похищают экспонаты из музеев, ведут незаконные хищнические раскопки. Добычу они поставляют не

только частным антикварам и заокеанским миллионерам — любителям старины, но и вполне уважаемым музеям некоторых западных стран.

Еженедельник «Роз эль-Юсеф» рассказал о беспрецедентной наглости воров, похитивших из гробницы фараона Хоремхеба в Луксоре девять гигантских каменных плит с сохранившимися на них замечательными рисунками древних художников. Вес этих «сувениров» достигал двух тонн, и преступникам, по мнению специалистов, требовалось, по крайней мере, две недели, чтобы отделить плиты от стен гробницы.

Впрочем, это ограбление свидетельствует не только о наглости воров, но и об отсутствии охраны памятников. В Западной пустыне по этой причине были украдены уникаль-

² «Правда», 31 марта 1984 г.

ные памятники искусства, относящиеся к периоду правления в Египте фараона Пиопи I (2500 лет до н. э.), — золотая маска и статуя бога Осириса. Газета «Аль-Ахрам» неоднократно писала о набегах современных грабителей на храмы Луксора и гробницы Долины царей.

Пропавшие ценности через некоторое время обычно обнаруживаются в частных коллекциях на Западе. Во время таможенного досмотра в багаже одного из пассажиров нашли целую коллекцию предметов египетской старины! Стоимость этих реликвий оценивалась в несколько миллионов египетских фунтов. По свидетельству печати, только за последние годы полиция конфисковала украденные археологические ценности на сумму в несколько десятков миллионов фунтов. Однако это капля в море, основному потоку похищенных сокровищ таможенные заслоны не мешают.

Удивительно, но египетское законодательство крайне снисходительно относится к расхищению исторических ценностей. Так, за незаконные

вушки, чтобы уберечь хранящиеся там сокровища от грабителей, то в сегодняшнем Египте для ловких воров и проходимцев доступ к историческим реликвиям довольно прост.

Не менее печальна участь и тех памятников старины, которые невозможно украсть, вывезти за рубеж или продать. Сотни гробниц, древних храмов, дворцов, средневековых мечетей и других шедевров архитектуры, которыми славился Египет, находятся в состоянии полного запустения или даже на грани уничтожения. Солнце, ветры, грунтовые воды медленно, но верно превращают в руины уникальные творения древних зодчих.

Постепенно разрушается, например, знаменитый храм Ком-Омбо, воздвигнутый во II веке до нашей эры, в период правления в Египте династии Птолемеев. Часть надписей на его стенах безвозвратно исчезла. Не лучшее впечатление производят и памятники средневековой мусульманской архитектуры в столице страны — «городе тысячи минаретов».

В Каире более 500 памятников

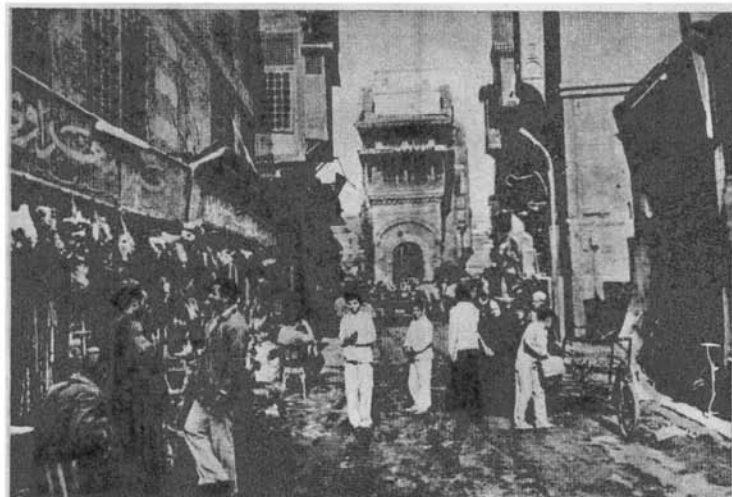
торговцев, которые развешивают на стенах товар, а наиболее предприимчивые из них устроили здесь лавки. Вот-вот обрушится мечеть султана Хасана — грандиозное сооружение мамлюкского периода (XIV в.).

Египетская столица перенаселена, острый жилищный кризис заставляет людей селиться в старинных сооружениях. Многочисленные семьи бедняков разместились в стенах древнейшего муристана (больницы) султана Калауна (XIII в.). В районе аль-Гамалия, в девяти старинных мечетях нашли пристанище около тысячи человек. Десятки тысяч ютятся в средневековых склепах и мавзолеях «Города мертвых».

Проблема спасения исторических памятников Каира, по мнению экспертов, может быть решена лишь в комплексе с другими многочисленными проблемами египетской столицы, и прежде всего с разрешением глубокого жилищного кризиса города.

Общественность страны не раз обращалась к властям с призывом наладить эффективную охрану национального достояния египетского народа. Однако всякий раз, когда речь заходит о реставрации и ремонте древних архитектурных сооружений, правительственные органы, как правило, начинают сетовать на недостаток денежных средств. В этой связи газета «Аль-Маса» резонно замечает, что Египет каждый год получает от иностранного туризма сотни миллионов фунтов и малой части этой суммы хватило бы для содержания древних памятников в надлежащем порядке.

● Замечательный памятник средневекового зодчества (XI в.) — ворота Баб-эз-Зувейла — оказался в плену мелких лавок и складов.

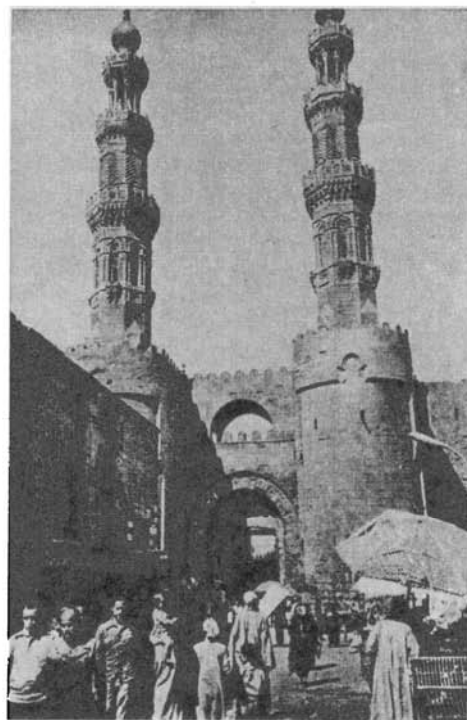
● Торговые ряды базара Хан-аль-Халили в средневековых улочках. Лавки и магазинчики разместились в зданиях, представляющих архитектурно-историческую ценность. В центре кадра: Бейт-аль-Кады («Дом судьбы») — памятник XIV века.

раскопки и кражу экспонатов из музеев предусматривается штраф до ста египетских фунтов. А поскольку продажа краденого на западных антикварных рынках может принести миллионы, это наказание, конечно, чисто символическое. Штраф же за порчу бесценных исторических памятников просто смешон — от 25 пиастров до одного фунта! В стране узаконена частная торговля предметами старины. Однако большинство антикварных лавок, имеющих государственные лицензии, — просто ширма для прикрытия сбыта исторических ценностей, украденных из музеев и с мест археологических раскопок.

Даже самые крупные музеи страны не имеют не только средств сигнализации, но и сколько-нибудь эффективной охраны. И если древние строители усыпальниц и храмов фараонов изобретали различные хитроумные ло-

зодчества VII—XIX веков, и почти каждое из старинных сооружений пребывает в весьма плачевном состоянии. Специалисты считают, что многие из уникальных построек средневековья в любой момент могут рухнуть. По решению ЮНЕСКО ведутся срочные работы для спасения 70 наиболее ценных памятников, но это — лишь небольшая часть того, что нуждается в нем. По мнению египетского специалиста Мухаммеда аль-Бахи Исвы, если не принять неотложные меры, то сохранившиеся до нашего времени фрагменты средневекового города едва ли просуществуют еще два столетия. На грани полного разрушения знаменитая историческая улица аль-Муиз эд-Дин в районе базара Хан-аль-Халили, где расположены ценнейшие памятники мусульманского средневековья.

Знаменитые ворота Баб эз-Зувейла (XI в.) стали своего рода витриной для

НИКАРАГУА: ЦЕРКОВЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ

И. ГРИГУЛЕВИЧ,
член-корреспондент АН СССР

Пять лет назад, в июле 1979 года, после многолетней и кровопролитной гражданской войны рухнула проамериканская тирания семьи Сомосы в Никарагуа и к власти пришел Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО). Его поддержала значительная часть верующих. Более того, в революционное правительство вошли два видных католических священника: Мигель д'Эското Брокман, назначенный министром иностранных дел, и Эрнесто Карденаль, ставший министром культуры. Его брат иезуит Фернандо Карденаль был избран вторым секретарем Молодежного союза СФНО. Поддержка, оказанная верующими народной власти, вызвала раздражение в Белом доме и в Ватикане*.

Но, победив внутри страны, никарагуанская революция вынуждена ежедневно и ежечасно отстаивать свои завоевания, отражая вылазки контрреволюционных банд, оснащаемых ЦРУ США и окопавшихся в соседних центральноамериканских государствах. Положение новой Никарагуа осложняется еще и тем, что Вашингтон всегда рассматривал этот регион как свою вотчину. Оружие и доллары США широко используются в Сальвадоре для подавления оппозиционного движения, а глава тамошней католической церкви архиепископ Ромеро, выражавший возмущение этим вмешательством, был убит. Гондурас превратился в орудие империализма янки, в Гватемале вот уже 30 лет власть находится в руках послушной Вашингтону военщины. В 1983 году США захватили маленькое островное государство Гренаду и стали угрожать интервенцией Никарагуа и Кубе. Белый дом вооружил банды сомосовцев и стал устраивать во все возрастающих масштабах их налеты на Никарагуа из Гондураса и Коста-Рики. Одновременно США осуществляют фактическую блокаду Никарагуа, минировав ее порты, в одном из которых, как известно, в марте этого года подорвался на американской mine советский танкер «Луганск». Кроме того, Пентагон держит в прибрежных водах этой республики военные корабли с морскими пехотинцами, готовыми в любой момент вторгнуться на ее территорию.

«Разумеется, трудно предсказать,— писал я в 1980 году в предыдущей статье о Никарагуа,— как здесь дальше будут развиваться взаимоотношения между церковью и революционным государством. Несомненно, однако, что оно никак не заинтересовано в возникновении конфликтных ситуаций на этой почве и, более того, стремится сотрудничать с теми служителями культа, которые искренне желают не только на словах, но и на деле освободить страну от империалистической зависимости и вековой отсталости. Но захочет ли пойти по этому пути никарагуанский епископат? Будущие события дадут ответ на этот вопрос».

К сожалению, как свидетельствует пятилетняя история новой Никарагуа, большинство церковной иерархии здесь заняло враждебную позицию по отношению к народной власти.

Причины тому разные. Основная заключается в том, что архиепископ Никарагуа Обандо-и-Браво надеялся, что после своей победы Сандинистская революция пойдет по буржуазно-реформистскому пути. Когда стало очевидным, что это не так, примас и его сторонники объявили войну руководству СФНО, используя для этого любой предлог, будь то школьная реформа, положение индейцев мискито или участие священников в правительстве.

17 ноября того же 1979 года церковная иерархия опубликовала документ «Долг христиан перед новой Никарагуа», где, одобряя свержение Сомосы и стремление сандинистов перестроить жизнь страны на социалистических началах, выдвигала ряд оговорок и ставила условия, на которых была готова поддержать СФНО.

Если перевести туманные фразы этого документа на язык реальностей, то станет очевидным, что церковь выступает за «социализм» реформистского толка. Епископат предложил вернуть в Испанию некоторых монахов и священников, тесно связанных с революцией, заменив их более надежными, с его точки зрения, служителями культа. Кстати сказать, того же требовал на встрече с папой и представитель президента Рейгана при Ватикане У. Уилсон. Он настаивал на удалении иностранных падре, выступающих против агрессивных действий США, не только из Никарагуа, но и из Сальвадора и Гватемалы.

Руководство никарагуанской католической церкви «реорганизовало»

ряд приходов, активно включившихся в строительство новой жизни, упразднило некоторые духовные посты, занятые священниками-сандинистами, вновь поставило вопрос о недопустимости совмещения светской и духовной деятельности. Епископат препятствовал получению международной помощи прогрессивными религиозными организациями страны, стремился сохранить традиционное клерикальное влияние в системе народного образования, выступал против понижения платы за церковные требы. Духовная иерархия, считая просвещение своей прерогативой, резко осуждала кампанию борьбы с неграмотностью, квалифицируя ее как «идеологическую обработку» населения.

Стремясь осложнить внутривнутриполитическое положение в Никарагуа и ослабить позиции СФНО, правоклерикальные круги стали раздувать расхождения между церковью и революционным руководством, распуская слухи, будто оно преследует тайную цель — запретить или отменить религию. «Это попытка обреченных парализовать дух борьбы в нашем народе,— охарактеризовал клеветническую кампанию Координатор Руководящего совета (РС) Правительства Ортега Сааведра.— Они пытаются обмануть, деморализовать, сбить с толку наш народ. Это трусливая ложь людей, имеющих на нашем и других континентах свои интересы. Эти люди привыкли колонизировать чужие народы, поддерживать их военной и политической оккупации во имя бога, свободы и демократии».

Создавшееся положение нашло отражение и в заявлении СФНО «Христиане в Сандинистской народной революции» (октябрь 1980 г.), где отмечалось, что в переломные моменты истории в среде духовенства всегда выделялись прогрессивные и реакционные течения. Никарагуа в этом отношении не представляет исключения. И здесь были священники и верующие, сотрудничавшие с империализмом и сомосизмом, но были и такие, кто боролся с ними, причем по мере развития освободительной борьбы их становилось все больше. Ныне «подавляющее большинство христиан поддерживает революцию и активно участвует в ней, но вместе с тем имеется меньшинство, остающееся на контрреволюционных позициях».

В рядах СФНО много верующих, и пока в Никарагуа существуют христиане-революционеры, они будут входить в него. Фронт гарантирует полную свободу совести в стране, принимает верующих в свои ряды, не

* Подробнее о победе никарагуанской революции см. в статье И. Григулевича «Будущее даст ответ». «Наука и религия», 1980, № 6. (Прим. ред.).

К 25-летию журнала мы составили анкету, которую предлагаем авторам, в разные годы выступавшим на наших страницах.

1. Помните ли Вы свое первое выступление в нашем журнале? Что и как изменилось с тех пор в трактовке проблемы, о которой Вы писали!

2. Что изменилось в Вашей жизни за время сотрудничества с «Наукой и религией» — где Вы работали и где работаете сейчас? Защитили диссертацию! Написали книгу! Выступали в печати!

3. Какие публикации журнала Вам больше всего понравились? Какие Вы считаете неудачными!

4. В чем Вы видите задачи журнала «Наука и религия»? Как, по Вашему мнению, он их выполняет? Что пожелаете «Науке и религии» в ее следующем 25-летию!

Я хорошо помню 1959 год, когда родился журнал «Наука и религия», и мою первую статью в нем. Теперь мы подводим итоги работы за четверть века. Тогда же никто не знал, каким будет журнал, как его примут те, для кого он предназначался.

Конец 50-х годов имел свою специфику. К тому времени мы научились уважать верующего, его взгляды, воззрения, полемизировать с ним с научных позиций, спокойно, дружелюбно, убедительно. Ведь он — наш оппонент в одних вопросах, но в то же время союзник в других. Мы с ним спорим — и совместно боремся за всеобщий мир, вместе строим коммунизм. Такова реальность сегодняшнего дня.

В то время я работал в Государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР, был кандидатом исторических наук и автором ряда книг. Вскоре перешел в Институт этнографии АН СССР, где и продолжаю трудиться по сей день.

Многое, конечно, изменилось за эти годы. Я защитил докторскую диссертацию, был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, продолжал выступать по различным проблемам религиозоведения. Регулярно печатался в «Науке и религии», стараясь отделиться на то новое, что происходило в церковной жизни за рубежом, уделяя много внимания истории вопроса: ведь без этого невозможно понять суть происходящего.

Наши недруги пытаются любым способом затормозить поступательный ход истории, возлагая при этом немалые надежды на использование религии. ЦРУ и прочие американские подрывные спецслужбы измышляют некий «религиозный вопрос» в СССР, забрасывают к нам враждебную социализму псевдорелигиозную литературу, в том числе исламскую и иудейскую, а реакционная пресса распространяет домыслы о мифических конфликтах на вероисповедной почве в Советском Союзе и других братских странах. Кроме того, сегодня наш идеологический противник раскрывает маховик лживой пропаганды в связи с приближающимся юбилеем введения христианства на Русь.

Что касается моего личного вклада в то

дело, которому вот уже четверть века служит «Наука и религия», то назову историю католической церкви в Латинской Америке: «Крест и меч» (колониальный период), «Церковь и олигархия, 1810—1959 годы» и «Мятежная церковь в Латинской Америке». Сейчас заканчиваю четвертый, заключительный том издания — «Церковь и революционный процесс». Далее, это монографии «Инквизиция» и «Папство. Век XX». Все пять опубликованных работ представлены на соискание Государственной премии СССР 1984 года. Недавно в Политиздате вышла моя книга «Пророки «новой истины» — о современных зарубежных нетрадиционных культах.

За минувшую четверть века мне пришлось работать в области научного атеизма не только как автору, но и как редактору. Вот уже несколько лет я — ответственный редактор ежегодника АН СССР «Религии мира» (опубликовано два выпуска) и академического 10-томника «Религии в XX веке».

В заключение хотелось бы пожелать всем сотрудникам журнала новых успехов в том исключительно важном и благородном деле, которому они себя посвятили. Думаю, что 25-летняя подшивка «Науки и религии» неотделима сегодня от культурного и социального развития нашей страны и еще долго будет служить незаменимым источником для всех, кого интересует путь, пройденный советским обществом.

И. ГРИГУЛЕВИЧ

препятствует соблюдению религиозных праздников и обрядов, если они не используются против революции, не допускает вмешательства своих членов в вопросы, относящиеся к компетенции соответствующих церквей, равно как и проведения клерикальной пропаганды в рамках СФНО. Он обеспечивает служителям культа возможность участвовать в политической жизни, в том числе в Правительстве национального возрождения. И наконец, документ Фронта формулирует принципы взаимоотношений между различными конфессиями, революцией и государством. «Происхождение, цели и сфера действия революции и государства», — говорится в нем, — отличны от происхождения, целей и сферы действия религии. Для революционного государства религия есть частное дело отдельных личностей, церквей и независимых организаций, созданных с религиозными целями. Революционное государство, как и всякое государство современного типа, является светским и не может связывать себя ни с одной из религий, ибо представляет интересы всего народа — как верующих, так и неверующих».

Хотя в Никарагуа церковь отделена от государства в прошлом веке, ее представители, опираясь на широкие массы католиков, до падения Сомосы оказывали большое влияние как на политику, так и на систему образования через широкую сеть религиозных

и частных учебных заведений. Документ, таким образом, еще раз подтвердил право и намерение правительства новой Никарагуа защищать суверенность революционной власти, носящей светский и «надрелигиозный» характер.

В документе подчеркивается, что полемика вокруг участия священников в революционном правительстве необоснованна, ибо они таким образом выполняют свой гражданский долг. Вместе с тем, указывая, что это зависит от сознательности того или иного клирика, декларация признает право любого из них покинуть правительство или административный пост.

На упомянутое заявление СФНО церковники ответили новым посланием «Христос и единство никарагуанской церкви», в котором наряду с довольно спорным утверждением о «растущей религиозности никарагуанского народа» отмечается «наступление материалистической идеологии на католическую веру». При этом главными отрицательными последствиями революционного процесса, с которыми епископат призывает бороться, объявляются широкое распространение материалистических идей среди трудящихся, а также отсутствие единомыслия среди духовенства, особенно в его низовом звене.

Другой спорный вопрос касался индейцев мискито, к которым вдруг

воспылал любовью никарагуанский епископат. Банды сомосовцев, базирующиеся в Гондурасе, постоянно переходят границу, грабят и убивают местных жителей, многих насильно уводят с собой. При этом контрреволюционеры рассчитывают на поддержку индейцев мискито, живущих в департаменте Селайя, расположенном вдоль Карибского побережья, и осевших там же потомков беглых рабов из английских колоний. Индейцы находятся под влиянием католического духовенства, а негры и мулаты — под влиянием протестантских миссионеров из США, так называемых моравских братьев, действующих здесь с середины прошлого века. Надо иметь в виду также, что Атлантическое побережье изолировано от остальной части страны не только горами и джунглями, но и языковым барьером (здесь говорят по-английски) и специфическим жизненным укладом.

На счету контрреволюционных банд немало убийств сандинистских активистов, учителей, крестьян, отказывающихся подчиняться их преступным приказам. Так как пять американских католических миссионеров на Карибском побережье своей деятельностью содействовали контрреволюции, сандинистское правительство выслало их из страны. Конференция же католических епископов Никарагуа опубликовала в январе 1982 года заявление, в котором всячески восхвалялись про-

● Боец США Гильермо Пачеко после боя с сомосовцами.

иски этих сомнительных слуг божьих.

Между тем Белый дом продолжал угрожать применением всякого рода санкций, вплоть до вооруженного вторжения в Никарагуа, активизируя действия сомосовцев, базирующихся в пограничной зоне Гондураса. Поскольку от их налетов больше всего страдали мискито, народной власти пришлось эвакуировать 11 тысяч этих индейцев, живших вдоль пограничной реки Коко (всего их в Никарагуа 120 тысяч), в более спокойные районы на Карибском побережье. На новом месте стало легче помогать мискито медикаментами, питанием, необходимым инвентарем. Здесь строятся для них дома, школы, медпункты.

Казалось бы, никарагуанские епископы должны были поддержать гуманную акцию, однако в феврале 1982 года они обратились с посланием к верующим, в котором резко осудили переселение индейцев, утверждая, будто этот акт нарушил «права человека» и причинил «неисчислимы бедствия» племени мискито.

Отвечая на клеветническую кампанию, сандинистский Руководящий совет в заявлении «Обвинения епископов подрывают национальное единство» отмечал, что они поступили неискренне, ибо до этого народная власть дважды предлагала им посетить индейцев на новом месте жительства, но иерархи не приняли приглашения. Их документ носит политический, а не религиозный характер, соответствующий агрессивной линии

нынешней вашингтонской администрации, которая вынашивает планы интервенции и блокады страны. В заявлении указано также, что никарагуанский епископат замалчивает факты преступного сотрудничества части местного духовенства с сомосовскими бандами. В заключение РС еще раз подтвердил, что относится с глубоким уважением к религиозным культам и гарантирует полную свободу вероисповедания и богослужений в согласии с существующими законами и в духе октябрьской декларации СФНО 1980 года.

Послание епископов вызвало массовое осуждение в Никарагуа, в том числе и со стороны многих священнослужителей. Так, католический миссионер Хустиниано Льеб, проживший четверть века на Карибском побережье, с возмущением писал, что церковная иерархия молчала, когда при Сомосе североамериканские горнорудные компании подвергали индейцев чудовищной эксплуатации или когда его национальная гвардия грабила и истребляла их. Церковная верхушка молчала и тогда, когда в соседнем Сальвадоре ультраправые убили архиепископа Ромеро, четырех монахинь и других не угодных реакции священнослужителей и католических активистов. Епископы не протестовали, когда президент Рейган запретил продажу зерна Никарагуа; они молчали и тогда, когда сомосовские диверсанты убивали сандинистов на границе с Гондурасом, где за последние полтора года погибло более 200 человек. Церковная иерархия никак не реагировала и на угрозу Белого дома произвести контрреволюционный переворот в Никарагуа. Зато теперь она выступила в «защиту» мискито, заключал свое письмо миссионер Х. Льеб.

По приглашению правительства делегация католических и протестантских священников, сопровождаемая иностранными журналистами, посетила переселенных индейцев. Они единодушно опровергли клеветнические утверждения никарагуанских епископов, отметив, что сандинисты делают все возможное для помощи мискито, которые довольны условиями жизни на новом месте. Аналогичное мнение высказали и побывавшие здесь американские конгрессмены-демократы Том Харкин и Джеймс Оберстар, бывший президент Коста-Рики Хосе Фигерес, мексиканский епископ Серхио Мендес Арсео и многие другие зарубежные деятели.

Взаимоотношения между СФНО и церковью еще более осложнились после того, как в начале марта 1980 года Центральную Америку посетил папа Иоанн-Павел II. Накануне страна хоронила 17 юношей, зверски убитых сомосовцами, проникшими с территории Гондураса и действовавшими по указке агентов ЦРУ.

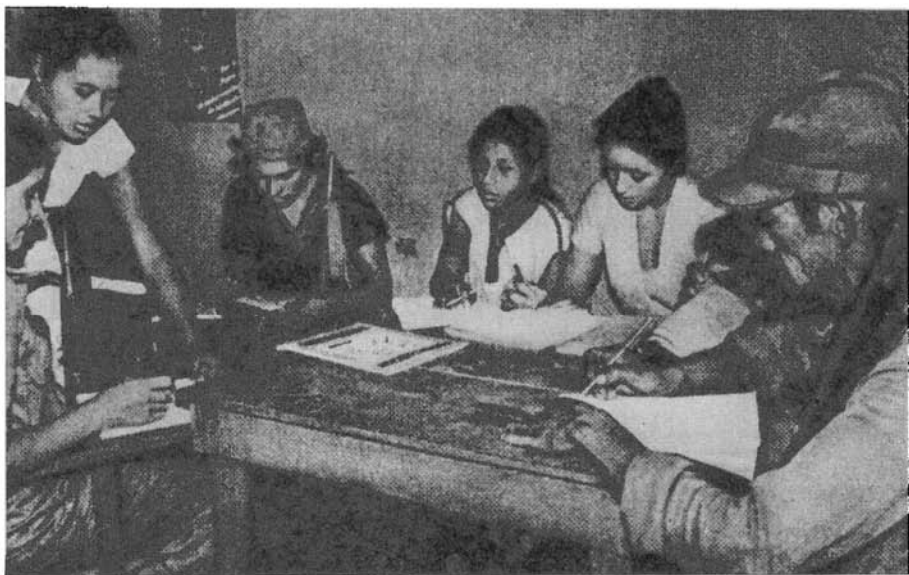
В аэропорту Манагуа понтифика встречали руководители сандинистской революции. Мировую печать обошло фото, на котором изображен министр культуры Никарагуа падре Эрнесто Карденаль, беседующий с Иоанном-Павлом II. В честь прибытия главы католической церкви в столице состоялся невиданный по своим масштабам полумиллионный митинг, 200 тысяч его участников съехались из провинций. Властям Никарагуа визит папы римского обошелся более чем в 20 миллионов кордоб. За порядком следили около девяти тысяч полицейских и бойцов народной милиции. Выступая на встрече с папой, Координатор РС Даниэль Ортега отметил, что среди никарагуанского духовенства и в прошлом встречались священнослужители, осуждавшие попытки США поработить страну. Среди них был и епископ г. Леона Симон Перейра-и-Кастельон, который в 1921 году обратился к церковной иерархии США с призывом осудить американскую интервенцию в Никарагуа. Даниэль Ортега напомнил, что с 1 января 1980 года сомосовские банды 154 раза вторгались из Гондураса, уничтожив в общей сложности 375 никарагуанцев, ранив 58 и 49 взяв в плен, а 14 их жертв пропали без вести. Координатор РС выразил надежду, что Иоанн-Павел II осудит как эти преступления, так и убийство 17 юношей, совершенное сомосовцами накануне его приезда. Однако понтифик ответил, что его визит носит чисто пастырский характер и это не позволяет ему высказываться о политических событиях. Последнее, впрочем, не помешало папе осудить «народную церковь» в Никарагуа, что вызвало шумные протесты верующих, присутствовавших на митинге. «Церковь и революция нераздельны!», «Желаем мира!», «Да здравствует сандинизм, СФНО!» — скандировали они.

Печать, общественные и политические деятели, массовые организации Никарагуа также выразили мнение, что визит римского понтифика не оправдал надежд католиков Центральной Америки. Папа, писала, например, в передовой статье газета «Баррикада», говорил в своем обращении к нашему народу о вулканах, озерах и стихийных бедствиях, но умолчал о реальных проблемах, стоящих перед страной. Он ничего не сказал о постоянных агрессивных действиях американского империализма против Никарагуа.

Группа теологов разоблачила попытки реакционных средств массовой информации, в том числе «Радио Ватикана», обвинить Правительство национального возрождения в «гонениях на веру» и в попытках воспрепятствовать народу свободно выразить свое отношение к папе. Еще за месяц до его визита, отмечают эти богословы, вся никарагуанская пресса и теле-

видение публиковали и передавали обширную информацию о главе католической церкви. Сандинистская администрация обеспечила необходимые условия для того, чтобы как можно больше граждан смогли услышать его выступление.

СФНО опубликовал заявление, отмечавшее, что визит папы, хотел он того или нет, носил политический характер и что в его выступлениях содержались высказывания, подкрепляющие позиции правых. Несмотря на это сандинистское руководство выразило надежду, что Иоанн-Павел II извлечет соответствующие уроки из поездки по странам Центральной Америки, и подтвердило, что будет и впредь придерживаться в отношении к церкви принципов свободы

● Несмотря на агрессивные действия контрреволюционеров, в Никарагуа продолжается строительство школ. Практически каждый третий житель страны овладевает знаниями. На снимке: курсы ликвидации неграмотности. Их слушатели не выпускают из рук винтовки.

Фото ТАСС.

Так что, как видим, противоборство церковной иерархии и сандинистов продолжается.

Происходящие в Никарагуа процессы — закономерное явление. Они уже наблюдались ранее на Кубе и в других странах после победы народных революций. Судя по всему, размежевание между церковной верхушкой и паствой будет продолжаться и углубляться. Как показывают факты, все больше верующих и религиозных деятелей различных культов выступают за мир и социальные преобразования, за сотрудничество и союз с теми силами, которые возглавляют национально-освободительное движение.

● В условиях необъявленной войны, которую ведет против новой Никарагуа американский империализм, и экономических трудностей Правительство национального возрождения принимает действенные меры по улучшению жизни трудящихся, наиболее нещадно эксплуатировавшихся до революции. На снимке: никарагуанская крестьянка.

● Щит и меч никарагуанской революции — сандинистские Народная армия (СНА) и народная милиция. На снимке: парад вооруженных сил республики.

Телефото АДН — ТАСС.

совести в соответствии со своей октябрьской декларацией 1980 года и полно решимости осуществить намеченную программу преобразований в социальной, культурной, медицинской и других областях.

В конце прошлого года Правительство национального возрождения объявило амнистию для индейцев, сбитых с толку контрреволюционерами. Сотни мискито воспользовались ею, чтобы вернуться в родные места. Среди сомосовцев же эта гуманная акция вызвала новый приступ ярости, и контрреволюционеры спровоцировали «бегство» в Гондурас двух тысяч индейцев, которых увел туда местный католический епископ Шефер, американец по происхождению.

НЛ

овинки итературы

А. Н. Алексеев. АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ В ОБУЧЕНИИ ГЕОГРАФИИ. М., «Просвещение», 1983, 143 стр., 100 000 экз., 30 коп.

В книге раскрываются содержание, формы и методы атеистического воспитания учащихся при изучении физической географии в V классе, географии материков в VI классе и физической географии в VII классе средней школы. В отдельные разделы и темы включен материал, который может быть использован не только на учебных занятиях, но и во внеклассной воспитательной работе с учащимися: массовой, кружковой и индивидуальной.

ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА. Вып. 31. М., «Мысль», 1983, 309 стр., 22 820 экз., 1 руб. 30 коп.

В очередном выпуске сборника, издаваемого Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, анализируются роль и место ислама в современной идеологической и политической борьбе на мировой арене, показаны его модернизация, участие верующих-мусульман Востока в антиимпериалистической борьбе. В специальном разделе рассматриваются вопросы атеистического воспитания в регионах распространения ислама в СССР, обобщается опыт работы партийных организаций по повышению его эффективности.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ВОСТОК. Религиозные традиции и современность. М., «Наука», 1983, 264 стр., 3000 экз., 2 руб.

Сборник включает статьи общетеоретического и историографического плана, касающиеся роли традиций в странах зарубежного Востока, а также ряд статей, рассматривающих конкретные вопросы воздействия религиозных традиций на общественно-политическую и культурную жизнь государств Ближнего и Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока.

В. В. Клочков. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 2), 1984, 64 стр., 46 470 экз., 11 коп.

В брошюре рассматриваются основные положения марксистско-ленинской теории об отношении коммунистической партии и социалистического государства к религии и церкви. Автор раскрывает подлинный демократизм регулируемых советским правом отношений между государством и религиозными организациями, их качественное отличие от государственно-церковных отношений в царской России и в современных капиталистических стра-

нах. В работе разоблачается клеветнический характер измышлений буржуазной пропаганды о положении религии и верующих в социалистических странах.

Р. П. Кондакян. ТУРЦИЯ: ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА И ИСЛАМ. Ереван, изд-во АН АрмССР, 1983, 238 стр., 1500 экз., 2 руб. 70 коп.

Е. П. Левитан. МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АСТРОНОМИИ. М., «Высшая школа», 1983, 111 стр., 10 000 экз., 15 коп.

В. Мезенцев. ЗНАНИЕ ПОБЕЖДАЕТ. Беседы об атеистическом воспитании (для тех, кто работает с пионерами). М., «Молодая гвардия», 1983, 128 стр., 128 500 экз., 20 коп.

ПО ДРЕВНЕРУССКИМ ГОРОДАМ. Новгород, Старая Русса, Псков, Старый Изборск. Путеводитель. М., Профиздат, 1983, 304 стр. с илл., 100 000 экз., 2 руб. 40 коп.

Н. М. Рудакова. ПРОТЕСТАНТСКОЕ СЕКТАНТСТВО И АТЕИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА. Барнаул, Алтайское книжн. изд-во, 1984, 55 стр., 4000 экз., 10 коп.

СОКРОВИЩА КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ЗАПОВЕДНИКА. Фотопутеводитель. Киев, «Мистецтво», 1984, 191 стр. с илл., 50 000 экз., 1 руб. 60 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Г. И. Авдеев. Празднование рамазана в современном Иране. В кн.: «Иран: история и современность». М., 1983, стр. 132—137.

Ш. Акмолдоева. Роль литературы в атеистическом воспитании. «Коммунист», Фрунзе, 1983, № 4, стр. 69—73.

Д. М. Анаркулова. Мальком-хан и шиитское духовенство в Иране. «Народы Азии и Африки», 1983, № 4, стр. 108—111.

П. Голченко. Несостоятельность религиозных концепций «общества будущего». «Под знаменем ленинизма», Киев, 1983, № 16, стр. 61—65.

С. В. Данилов. Животные в погребальных обрядах ранних кочевников Забайкалья. В кн.: «По следам древних культур Забайкалья». Новосибирск, 1983, стр. 107—112.

Диалектика духовной жизни развитого социализма. Таллин, 1983. Из содержания: **А. И. Гурский.** Некоторые аспекты атеистического воспитания молодежи, стр. 45—46; **К. А. Вимсааре.** Конкретно-исторический подход к атеистическому воспитанию, стр. 46—47; **Г. И. Беленко.** Атеистическая убежденность и самореализация личности, стр. 47—49; **А. А. Малич.** Практическое формирование богатства потребностей и интересов личности — одна из предпосылок дальнейшего угасания религиозности, стр. 92—97; **А. И. Эллер.** Некоторые вопросы сохранения религиозных пережитков в ЭССР, стр. 97—101.

♦ Давайте интересоваться не только чудесами природы, но и природой чудес.

♦ Бог, может быть, и продиктовал священное писание, но что не проверил диктант — это уж точно.

♦ Сказка о сотворении мира богом стара, как мир.

♦ Молитвы облегчают душу — она становится легковесной.

Анатолий АНИСЕНКО
г. Кузнецк

Пензенской области

♦ Чудом считается то, что боги воскресают, а разве не удивительнее, что они умирают?

♦ Чем древнее сказка, тем легче объявить ее богодухновенной.

♦ Священная реликвия: ребро Адама, из которого бог создал Еву.

Антон ЛИГОВ
г. Новосибирск

♦ Что должен делать мullah, узнав, что мусульманка из его квартала вышивает крестом?

Юрий ШКЛОВСКИЙ
г. Харьков

♦ Чем меньше божок, тем ниже надо ему кланяться.

♦ Эпитафия: «Фигаро — там».

Григорий ЯБЛОНСКИЙ
г. Одесса

♦ Лучше бы уж боги горшки обжигали!..

♦ Если без божьей воли и волос не упадет с головы человека, то что делать парикмахерам?

♦ Говорил: «Несу свой крест», а на проходной оказалось — ворованные детали.

Анатолий МИТЯНИН
с. Луговое
Шемонаихинского района
Восточно-Казахстанской
области

♦ Обоюдное соглашение.

Владимир СОЛОМИН
г. Киев

♦ Легче всего кесарь возьмет кесарево у того, кто привык отдавать богу богово.

♦ Обиженному богом не поможет никакая религия.

♦ Когда слуги дьявола вершат свои грязные дела, они призывают в помощь бога.

♦ Бог все видит, просто ему уже ни на что не хочется смотреть.

Леонид КЛИГМАН
г. Москва

«ЗА МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ НАРОДОВ»

Документы внешней политики СССР

Комиссия по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР приступила к систематической публикации советских внешнеполитических документов под общим

названием «За мир и безопасность народов». Эта публикация начинается с XXIII съезда КПСС, имевшего важное значение для претворения в жизнь миролюбивой внешней политики СССР.

Издательство политической литературы выпустило первый том (в двух книгах), содержащий документы 1966 года. Они отражают инициативы Советского Союза в борьбе за разоружение, против гонки вооружений, за избавление народов от угрозы новой мировой войны. В докумен-

тах нашли отражение роль и значение борьбы широких народных масс, в том числе верующих, а также религиозных организаций в защиту мира против агрессивных происков империализма. Том снабжен комментариями и указателями — предметно-тематическим, именовым, географическим.

Предварительный заказ на очередные тома можно оформить в книжных магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу.

ПРИГЛАШАЕМ В МУЗЕЙ

Государственный музей искусства народов Востока в 1983 году отметил свое 65-летие. Он был создан, когда в стране шла гражданская война. Время чрезвычайно трудное, но Советское правительство уже тогда проявляло заботу о богатейших национальных художественных коллекциях, об охране памятников искусства и старины. Молодое Советское государство обратило в общенародное достояние ценнейшие художественные сокровища народов Востока, ныне собранные в нашем музее.

Сегодня в его фондах насчитывается около 40 тысяч произведений живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства народов Средней Азии и Кавказа, многих стран зарубежного Востока и Африки. Возраст самых старых экспонатов 5—6 тысяч лет: это, например, замечательные образцы древнего орнаментального искусства далеких предков современных народов Средней Азии — великолепные глиняные чаши IV—III тысячелетий до нашей эры из раскопок в Чонг-Тепе и Кара-Тепе на юге Туркменской ССР. Гордость музея — уникальные собрания памятников искусства народов Китая и Японии, Индии и Ирана, коллекция картин выдающегося русского художника, ученого, общественного деятеля Н. К. Рериха.

Вскоре в музее откроется новая постоянная экспозиция, которая впервые позволит столь широко и обстоятельно познакомиться посетителей с богатыми собраниями произведений искусства народов Востока. Часть ее разместится в новом помещении, в одном из красивейших зданий Москвы — знаменитом «доме Луиных» на Суворовском бульваре близ Никитских ворот, замечательном памятнике эпохи русского классицизма. Начиная с этого номера, читатели журнала «Наука и религия» будут знакомиться с наиболее интересными экспонатами музея — единственного в СССР, где широко и полно представлено искусство народов советского и зарубежного Востока. Добро пожаловать в наш музей!

Директор Государственного музея искусства народов Востока,
кандидат филологических наук
А. ТЕСЕЛКИН

ШИВА, ЗАГАДОЧНЫЙ И МНОГОЛИКИЙ...

«...В Бидоре пробыл я четыре месяца и сговорился с индийцами пойти к Парвату... где их главное идольское капище — бутхана... А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная и вырезаны по ней Бутовы деяния, всего вырезано 12 венцов, как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое — в образе человека; второе — в образе человека, но с хоботом слона; третье — человек, а виденье обезьянино; четвертое — человеком в образе лютого зверя... А перед Бутом стоит огромный вол, а высечен он из черного камня и весь позолочен. Его целуют в копыто и сыплют на него цветы, на Бута также сыплют цветы...»

Наверное, многие узнали по приведенному тексту его автора — конечно, это русский путешественник Афанасий Никитин, совершивший в 1466—1472 годах свое знаменитое «хождение за три моря» — в Индию. Это первое письменное свидетельство прикосновения, возможно, далеко не первого русского человека к «чуду, которым была Индия» — в представлении многих сказочная страна.

Действительно, как показал анализ, на юге этой огромной страны Афанасий Никитин посетил известный индуистский храмовый комплекс Парвата (Шрипарвата), расположенный на берегах реки Кришна, в 175 километрах к юго-востоку от города Хайдарабад.

Храмы Парваты издавна славились древним культом одного из почитаемых в Индии, особенно на юге страны, ведущих божеств индуистского пантеона — бога Шивы (Афанасий Никитин, со слов персов-мусульман, именует Шиву Бутом). А многие из упомянутых «образов Бутовых» легко расшифровываются знатоками индийской культуры и искусства.

Например, «в образе человека, но с хоботом слона» выступает слоголовый сын Шивы и его божественной супруги Парвати бог мудрости Ганеша. Или вот «человек, а виденье обезьянино»: в нем специалист усмотрит одного из главных героев великих эпических сказаний древней Индии «Махабхараты» и «Рамаяны» — обезьяноподобного покровителя наук и тихой сельской жизни бога Ханумана. Наконец, в самом Буте, «человеке в образе лютого зверя», он узнает статую самого бога Шивы.

Судя по дальнейшему описанию, Афанасий Никитин со своими спутниками прибыл к святылице в канун одного из важнейших индуистских праздников — Шиваратри, или «ночи

Шивы», который отмечается в Индии каждый месяц в ночь новолуния, а особенно торжественно в февралемарте и марте-апреле, и именуется Махашиваратри — «большая ночь Шивы». Возможно, как это следует из текста «Хождения»: «...А в Парвату же ездят на великое заговенье, к своему Буту» (то есть перед пасхой), — русский путешественник стал свидетелем именно такой «большой ночи Шивы».

До недавнего времени в некоторых сельских районах Южной Индии можно было наблюдать древнее обрядовое действо, восходящее чуть ли не к палеолитическим пещерам (возможно, его видел Афанасий Никитин), — колдовской, магический танец грозного «ночного Шивы», выступающего в одной из своих суровых и разрушительных ипостасей. Темной южной ночью новолуния под бешеные звуки барабанов и пение гимнов, славящих Шиву и несущихся от деревни к деревне, бьются в стремительном экзотическом танце наиболее фанатичные шиваиты-лингаяты; он продолжается до тех пор, пока танцоры не потеряют сознание и не рухнут замертво на землю. Не случайно этнографы и религиоведы усматривают в разрушительном танце Шивы Натараджи (то есть Шивы — владыки танца) явные следы древнейших шаманистических верований, восходящих к эпохе первобытности.

Да, о Шиве, пожалуй, можно смело говорить как о древнейшем божестве нашей планеты. Ранние следы шиваизма относятся к V—IV тысячелетиям до нашей эры.

Одним из первых изображений Шивы (известный английский археолог, открыватель знаменитой Хараппской, или Индской, цивилизации Дж. Маршалл назвал его «Прото-Шива») считается рисунок на трех стеатитовых печатях рогатого бога, сидящего в позе йоги в окружении животных. Одну из них вы видите на нашей обложке. Прото-Шива изображен в позе, хорошо знакомой отшельникам позднейшей Индии и всем, кто занимается системой йоги, — она напоминает положение тела, именуемое «поза лотоса». Известный английский индолог А.-Л. Бэшем так описывает это изображение: «Тело бога обнажено, если не считать многочисленных браслетов и, по-видимому, ожерелий, прическа у него необычная: из его головы как бы вырастают два рога, между которыми стоит нечто вроде деревца. На самой большой печати его окружают четыре

диких животных: слон, тигр, носорог и буйвол... Его лицу, как бы напоминающему морду тигра, придано свирепое выражение, и один из исследователей предположил, что оно и не было задумано как человеческое; справа и слева от его головы видны небольшие выступы... они изображают второе и третье лица... Несомненно, рогатое божество имеет много общего с Шивой позднейшего индуизма, который очень часто выступает как бог плодородия и известен под именем Пашупати — «Владыка зверей». Иногда он изображается с тремя лицами...».

У Шивы много имен и еще больше обликов, манифестаций, с которыми связано множество мифов, нашедших свое воплощение и в многочисленных его изображениях в камне, металле и других материалах. К выдающимся памятникам индийской скульптуры относится монолитный скальный бюст трехликого Шивы Махешварамурти, датируемый VIII веком. Это изображение Шивы (высота скульптуры 5,44 м, в окружности — 6,94 м), спокойного, как сама вечность, производит на верующих неизгладимое впечатление, ибо «нигде более индуистская идея божественного невозмутимого покоя не получила в пластике столь совершенного воплощения» (Бэшем).

А вот характеристика, данная советским индологом С. И. Тюляевым: все лики трехглавого Шивы отличаются великолепной обобщенностью черт и носят печать мирового величия верховного божества, каким сделался Шива для своих почитателей в эпоху средневековья. Средний лик — это основная сущность божества, символ вечного бытия, состояния великого мирового покоя; сдержанной внутренней мощи «космического Владыки», на котором покоятся устои Вселенной...

Над правым плечом «космического Владыки» виден слегка склоненный второй его лик — с небольшой бородкой и волнистыми усами. В отличие от высокой и сложной коронобразной прически, богато украшенной драгоценностями, свойственной высшим божествам индийского пантеона, здесь иные символы и атрибуты: человеческие черепа и змеи. В этом лике как бы заключены мужская сущность и мужской аспект Шивы, его неукротимая энергия и яростная активность.

Наконец, над левым плечом «трехликого» склонился нежный женский профиль, умиротворенный и благостный, — это Ума, супруга Шивы, его женский аспект мира и красоты, его «шакти», или творческая энергия божества, персонифицированная в образе божественной супруги.

Таков Шива, изваянный из камня более тысячи лет назад, — его и сейчас можно видеть в заброшенном

храме на одном из живописнейших островков близ Бомбея.

Но прежде чем попасть туда, туристы встретят облик «тиражированного» Шивы в сотнях и тысячах олеографических экземпляров, порой не очень высокого качества, продающихся на улицах Дели и Калькутты, Бомбея и Мадраса. Почитатели Шивы охотно приобретают такие литографии вместо дорогих фигурок популярного божества, изготовленных из металла или камня. Впрочем, это не меняет смысла и символики индуистской «икон»: на лбу шиваистский знак, кобра на шее, трезубец в правой руке, в ниспадающие волосы на макушке, из которой исторгается фонтан воды (память о спасении земли от потоков небесной Ганги, которую Шива принял на голову), воткнут «рогатый месяц» и т. д.

И в заключение — знаменитый Шива Натараджи, повелитель, хозяин, владыка и создатель танца, в котором, как мы уже говорили, нашла свое воплощение одна из самых глубоких и древнейших идей Шивы. Образ Натараджи, танцующего Шивы, еще в раннесредневековый период истории раскрыл перед индийскими художниками богатейшие возможности — воплотить в дереве, камне и особенно в металле динамику божественного танцора в едином движении, в своего рода спиральном вихре. Так была создана одна из самых прекрасных и знаменитых индийских скульптур, ставшая эталоном для многих поколений ваятелей не только в самой Индии, но и за ее пределами. Роден назвал эту четверорукую фигурку «самым совершенным скульптурным воплощением движения человеческого тела».

С. И. Тюляев, написавший специальную работу об эволюции образа Шивы в индийском искусстве (II в. до н. э. — XII в.), так описывает свое восприятие этого образа: «Танцующий Шива... это символ движения, круговращения мира... поза равновесия в танце, искусно выраженная

скульптором, символизирует извечность этого космического процесса. В этой символике нельзя не видеть некоторых достижений научной мысли древней Индии, например утверждения постоянства движения Вселенной, хотя и выраженной в религиозно-мифологической форме... Такова символика Натараджи».

Покидая один из центральных залов старого здания Государственного музея искусства народов Востока, остановитесь перед скульптурным изображением Шивы Натараджи. Оно символизирует упорядоченное движение, вечный круговорот жизни и смерти. Это чувствовали и понимали самые смелые и одаренные из мыслителей древности, в том числе и стилистические материалисты древней Индии.

...Нескончаем огненный танец Шивы в центре Вселенной, в золотом зале небесного храма Чидамбарам.

«Мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим», — сказал две с половиной тысячи лет назад Гераклит Эфесский.

Однако, как заметил другой мудрец, древнеримский поэт и философ Тит Лукреций Кар, «...люди не могут постичь причины подобных явлений, и им сдается, что это по воле богов происходит...».

*Это первое свидетельство существования системы йоги еще в IV тыс. до н. э., хотя возраст ее значительно больше (ср. с пережитками шаманизма в культе Шивы, который имеет и еще одно имя — «Махайогини», или «Великий йог»).

Сдано в набор 17.04.84.
Подписано к печати 30.05.84.
А 10002.
60×90/..

Глубокая печать.
8 условных печатных листов
9,75 кр. от.
12,04 учетно-издательских листов
Тираж 345 000 экз.
Зак. 02142.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

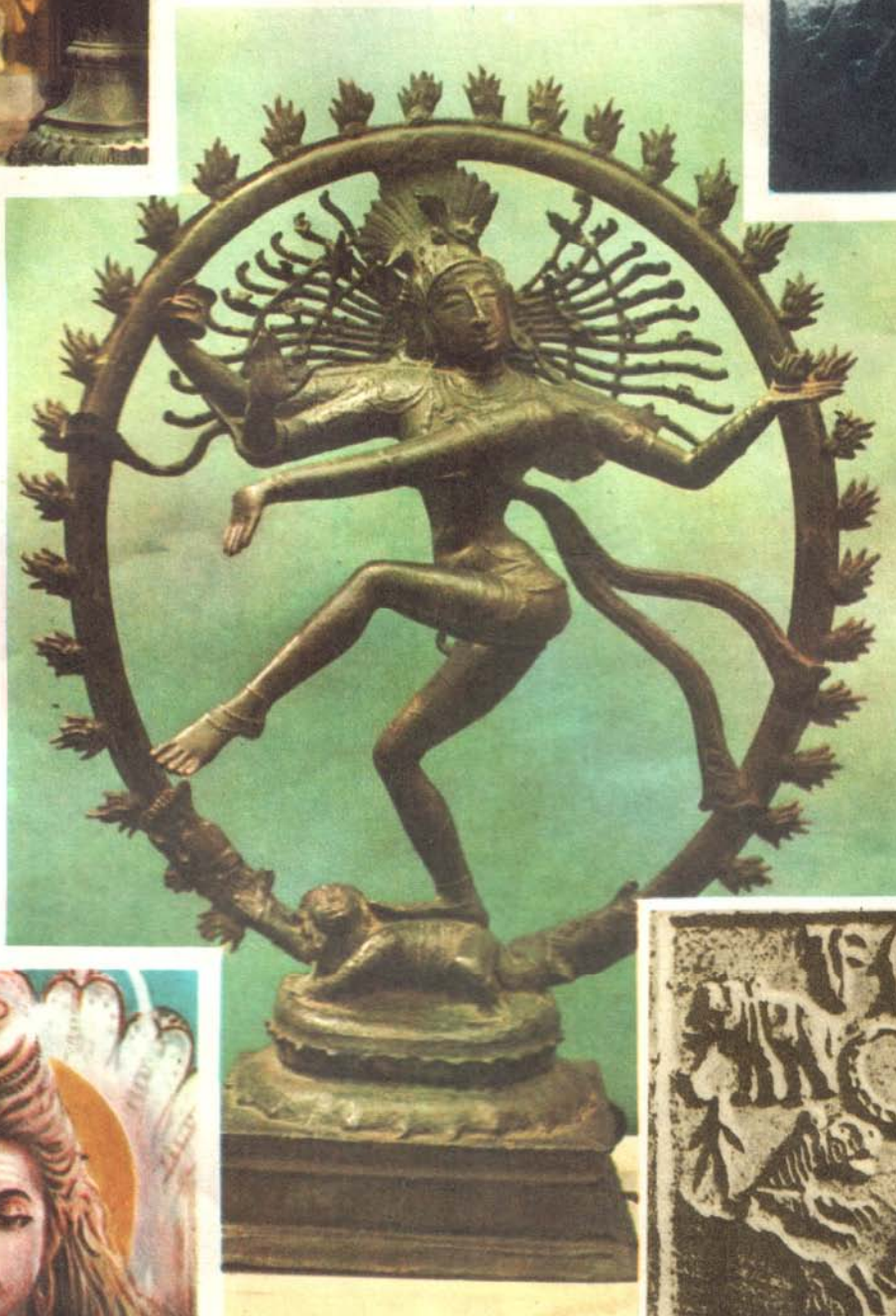
Ордена Ленина
комбинат печати
издательства «Радянська Україна»
252047, Киев-47,
Брест-Литовский проспект, 94.

Текст набран
с применением отечественного
фотонаборного
комплекса «Каскад».

Вход в Государственный музей искусства народов Востока (ул. Обуха в Москве).

Монолитный скальный бюст трехликого Шивы на о. Элефант. VIII в. н. э.

Шива Натараджи — повелитель, хозяин и создатель танца. Эта бронзовая фигурка — один из ценнейших экспонатов музея.

Современное олеографическое изображение Шивы.

Прото-Шива — рогатый бог, сидящий в позе йоги в окружении животных. Изображение на печати Хараппской культуры. IV тысячелетие до н. э.

АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Об особенностях этой работы, об участии в ней комсомольских организаций — статья заведующего сектором отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ О. Белова.

КАК ЭТО БЫЛО

Вахшстрой — примечательная страница в истории социалистического Таджикистана. Об этой стройке, о том, какие перемены происходили в сознании людей, вспоминает народный поэт республики Мирсаид Миршакаров.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Его идеологической и социальной сущности посвящена статья кандидата философских наук Э. Филимонова.

ЧИСТОТА — ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ

Известный афоризм обретает новый смысл в рамках физико-химической медицины. Об особенностях этой современной науки — статья академика АМН СССР Ю. Лопухина.

«ЧУДО» ПРОИЗОШЛО 25 ФЕВРАЛЯ, а празднует его церковь 27 ноября. Как возникло расхождение в датах, объясняет член-корреспондент АН СССР В. Янин.

ПРОБУДИТЬ В РЕБЕНКЕ ЛИЧНОСТЬ

Е. К. Грачева была создательницей первого в России приюта для умственно отсталых детей. Ее благородной работе посвящен очерк Ф. Гримберг.

ГАНГСТЕРЫ В ХРАМАХ

На Западе это стало повседневным явлением, о чем свидетельствуют и злоключения Фолькахской мадонны, описанные публицистом из ГДР В. Лёшбургом.